

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

2022

№ 1 (41)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2022

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2022.
№ 1 (41). 136 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Витковски Лех (Слупск, Польша), Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Дочкал Владимир (Братислава, Словакия), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Левченко Ирина Юрьевна (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия), Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь),
Ткачева Виктория Валентиновна (Москва), Толстикова Светлана Николаевна (Москва)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь),
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Бершедова Людмила Ивановна (Москва), Георгиева Росица (София, Болгария),
Жданова Светлана Юрьевна (Пермь), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Романова Евгения Сергеевна (Москва), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций. Регистрационный номер: ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 80651

Зав. редакцией О. В. Котова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 (495) 612-67-16

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций.
Регистрационный номер: ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г. <http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Романова Е. С., Абушкин Б. М. Психологическая практика защиты школьников от агрессивных проявлений среды	5
Круглова Е. А., Корягина К. А. Системно-психологический анализ образа будущего в период юности и молодости	19
Лемиш В. В. Системный анализ социальных представлений о здоровье у мужчин на разных этапах взрослости (продолжение следует)	30
Петрякова Е. А. Экологичное управление персоналом как социально-психологическая категория	48
Шарова С. С., Машкова Л. А. Методика выявления ведущей руки у лиц с нарушенным слухом	61
Шейнов В. П., Девицын А. С. Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций»	70

История психологии и психология истории

Системный взгляд на эпоху Возрождения

Рыжов Б. Н. Психологический возраст цивилизации: «юношеская сексуальность» эпохи Возрождения (продолжение, с переводом на английский язык)	81
Ткаченко А. В. Социальные теории мыслителей Раннего Возрождения	100
Иванов Д. В. Системно-психологические идеи в трудах итальянского гуманиста XIV – начала XV вв. К. Салютати	115

Информация

Юбилей Тамары Геннадиевны Богдановой!	125
Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2022, № 1 (41)	127
Требования к статьям	131

CONTENTS

Psychological Researches

Romanova E. S., Abushkin B. M. Psychological practice of protecting schoolchildren from aggressive manifestations of the environment.....	5
Kruglova E. A., Koryagina K. A. System-psychological analysis of the image of the future in the period of adolescence and youth.....	19
Lemish V. V. System analysis of social perceptions of health in men at different stages of adulthood (<i>to be continued</i>).....	30
Petryakova E. A. Eco-friendly personnel management as a socio-psychological category.....	48
Sharova S. S., Mashkova L. A. The technique for identifying the leading hand in persons with hearing impairment.....	61
Sheynov V. P., Devitsyn A. S. A short version of the questionnaire of insecurity from manipulation.....	70

History of Psychology and Psychology of History A systematic view of the Renaissance

Ryzhov B. N. The psychological age of civilization: “youthful sexuality” of the Renaissance (<i>continuation of the article</i>).....	81
Tkachenko A. V. Social theories of Early Renaissance thinkers.....	100
Ivanov D. V. System-psychological ideas in the works of the Italian humanist of the XIV – early XV centuries C. Salutati.....	115

Information

Anniversary of Tamara Gennadyevna Bogdanova!.....	125
Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2022, № 1 (41).....	127
Author Guidelines.....	131

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ШКОЛЬНИКОВ ОТ АГРЕССИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДЫ

Е. С. Романова,

МГПУ, Москва,

RomanovaES@mgpu.ru,

Б. М. Абушкин,

МГПУ, Москва,

AbushkinBM@mgpu.ru

В статье представлен комплексный психологический подход к защите школьников от агрессивных проявлений среды, включающий в себя выбор ключевых личностных показателей оценки ценностной сферы и жизненных установок учащихся, характеризующих их актуальный личностный потенциал; проведение опроса старшеклассников и осуществление комплексного психологического анализа особенностей личностного развития современных школьников; определение направлений и содержания коррекционно-развивающей работы, направленной на формирование личностных установок на противодействие деструктивному воздействию социальной среды.

В статье представлены результаты системного анализа личностных профилей старшеклассников. Анализ построен на индивидуальных личностных профилях, основанных на данных об отклонении конкретного результата конкретного школьника от среднего значения по выборке школьников. Оценочным является вторичный показатель — стен (стандартная десятка), отражающий меру отклонения результата от среднего значения показателя по выборке школьников. В ходе анализа личностных профилей были выделены устойчивые типологические индивидуальные особенности школьников, свидетельствующие о направленности их активности и возможностях противодействия разнообразной социально-деструктивной информации. Все личностные профили были сведены к шести устойчивым личностным профилям, которые рассматриваются как типологии личностных профилей школьников. Проведенное исследование показывает, что только примерно у 30 % школьников все показатели находятся в пределах значений, характеризующихся как норма для детей их возраста.

Результаты системного анализа содержательных особенностей профилей позволили выйти на содержание и критерии эффективности коррекционно-развивающей работы.

Ключевые слова: системный анализ; личностные показатели; личностный профиль; общение в социальных сетях; психолого-педагогические подходы; коррекционно-развивающая работа.

Для цитаты: Романова Е. С., Абушкин Б. М. Психологическая практика защиты школьников от агрессивных проявлений среды // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 5–18. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.1

Романова Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-9032-6869

Абушкин Борис Михайлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии, главный научный сотрудник лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: AbushkinBM@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-7688-7395

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.1

PSYCHOLOGICAL PRACTICE OF PROTECTING SCHOOLCHILDREN FROM AGGRESSIVE MANIFESTATIONS OF THE ENVIRONMENT

E. S. Romanova,

MCU, Moscow,

RomanovaES@mgpu.ru,

B. M. Abushkin,

MCU, Moscow,

AbushkinBM@mgpu.ru

The article presents a comprehensive psychological approach to protecting schoolchildren from aggressive manifestations of the environment, including: the selection of key personal indicators for assessing the value sphere and life attitudes of schoolchildren characterizing their actual personal potential; the conducting a high school students survey and carrying out a comprehensive psychological analysis of the characteristics of modern schoolchildren personal development ; the determining of the directions and the content of correctional and developmental work aimed at forming personal attitudes to counteract the destructive impact of the social environment.

The article introduces the results of a system analysis of the high school students personality profiles. The analysis was based on the construction of individual personality profiles founded on the data of the deviation of a particular student result from the average value for a sample of schoolchildren. The evaluation indicator is a secondary indicator — a sten (standard ten), reflecting the measure of deviation of the result from the average value of a sample of schoolchildren indicator. During the analysis of personality profiles, stable typological individual characteristics of schoolchildren, indicating the direction of their activity and the possibilities of countering various socially destructive information were identified. All personality profiles were reduced to six stable personality profiles, which are considered typical for schoolchildren personality profiles. The conducted research shows that only about 30 % of schoolchildren have all indicators within the values characterized as the norm for schoolchildren.

The results of a system analysis of the content features of these profiles allowed us to reach the content and criteria for the effectiveness of correctional and developmental work.

Keywords: system analysis; personal indicators; personal profile; communication in social networks; psychological safety; psychological and pedagogical approaches; correctional and developmental work.

For citation: Romanova E. S., Abushkin B. M. Psychological practice of protecting schoolchildren from aggressive manifestations of the environment // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 1 (41). P. 5–18. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.1

Romanova Evgeniya Sergeevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-9032-6869

Abushkin Boris Mikhailovich, PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of General and Practical Psychology, Chief Researcher of the Laboratory of Social and Psychological Research in Education, Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: AbushkinBM@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-7688-7395

Введение

В целях улучшения психологического здоровья детей и подростков обычно используются мероприятия, направленные на устранение конкретного рискованного для здоровья поведения, такого как употребление табака, алкоголя и наркотиков, насилие, участие в преступных группах и др. Тем не менее результаты растущего числа исследований показывают, что большее воздействие на здоровье может быть достигнуто путем усиления защитных факторов, которые помогают детям и подросткам избегать множественных видов поведения, которые подвергают их риску получения неблагоприятных результатов для здоровья и образования. Усиление защитных факторов может также обезопасить детей и подростков от потенциально вредных последствий негативных ситуаций и событий, таких как подверженность насилию.

Семейные, школьные и индивидуальные факторы, в частности связь со школой, связь между родителями и семьей, высокие родительские ожидания в отношении академических достижений и уровень участия подростка в общественных мероприятиях защищают от целого ряда неблагоприятных поступков. Учащиеся с большей вероятностью будут придерживаться социально одобряемых форм поведения и успешно учиться, когда они вовлечены во все школьные проекты и мероприятия.

Значимым организующим и координирующим фактором в решении этой задачи является работа психологической службы школы. Представленный в статье материал затрагивает одну из главных задач психологии — развитие личностного потенциала школьников.

Психологическая безопасность школьников

Основной и актуальной задачей психологии является формирование социально-психологических основ личностной самостоятельности

в подростковом возрасте. В обеспечение этих требований психологические технологии развития школьников в их противодействии агрессивным проявлениям среды направлены на обеспечение общей, психологической и информационной безопасности школьников [12; 16].

Общая безопасность рассматривается как обеспечение сохранности жизни и здоровья школьников от угроз, отсутствие опасности, состояние защищенности, как условие-гарант жизнедеятельности человека, как способность противостоять угрозам и опасности. Смысловая интерпретация понятия «безопасность» раскрывается в нескольких позициях: безопасность бытия, защита от опасности, безопасное состояние. Как научная категория безопасность отражает определенное состояние и уровень защищенности объекта, достаточность средств для преодоления ситуаций угрозы, характеристики психологической устойчивости и независимости субъекта безопасности. Безопасность выступает одной из базовых потребностей личности и связана с определенными эмоциями, переживаниями, чувствами и психическими состояниями человека [11; 13].

В психологическом контексте безопасность трактуется в науке неоднозначно. Так, психологическая безопасность рассматривается как положительное самоощущение человека, его психологическое благополучие в конкретных условиях, способность сохранять психологическую устойчивость и сопротивляемость в психотравмирующей среде, а также наличие жизненно благоприятных ситуаций. В широком смысле безопасность определяется как динамическая внутренняя характеристика субъекта, обеспечивающая его защищенность и преобразующаяся под воздействием внешних и внутренних факторов. В исследованиях психологическая безопасность личности анализируется в контексте ее уровней, содержания, параметров, функций, структуры, критериев и особенностей развития и формирования [6: с. 114].

Многообразие проявлений человека как индивида, личности, субъекта, индивидуальности ставит вопрос о безопасности в соответствии с уровнем развития человека. На уровне индивида безопасность человека регулируется его потребностью в самосохранении [8: с. 142] и обеспечивается в ситуациях вне социально-психологического аспекта. На уровне субъекта психологическая безопасность актуализируется в ходе деятельности и обеспечивается развитием качеств, которые дают возможность эффективно реализовывать необходимые формы разнообразной активности. Личностный уровень — это ценностно-смысловая система отношений человека к людям, себе, миру и разным сторонам действительности. Личность является базовым показателем отношений безопасности, что определяет возможности его развития и совершенствования. Уровень индивидуальности связан с выбором индивидуальных способов обеспечения безопасности. Таким образом, психологическая безопасность выступает как интегральное, динамическое психологическое образование, обеспечивающее защищенность в опасной среде на всех уровнях психической и психологической организации [5: с. 92].

В исследованиях психологическая безопасность рассматривается как структурно организованное образование. В качестве компонентов структуры безопасности выступают характеристики темперамента и характера, личностные характеристики, эмоциональная лабильность, устойчивость к отрицательным внешним и внутренним воздействиям, самосознание, саморегуляция. Структуру психологической безопасности личности представляют в виде двух взаимодополняющих параметров — социального обеспечения безопасности и личностных характеристик человека, отражающих ощущение безопасности [9; 14].

В качестве критериев психологической безопасности в исследованиях рассматриваются индивидуально-психологические характеристики человека, индивидуальный опыт, условия взаимоотношений человека со средой¹.

¹ Романова Е. С., Абушкин Б. М. Ценностно-смысловая направленность личности обучающихся как фактор развития их личностного потенциала // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.01;

Изучение критериев безопасности основывается на исследовании уровня отношений субъекта с внешним миром, самим собой, с другими людьми. Ведущим критерием психологической безопасности выступает целостность человека как совокупность его физических, социально-психологических и психических характеристик [7: с. 14]. Не менее важным критерием является личностное развитие человека, обуславливающее адекватный ответ на различные угрозы и опасности [15].

Формирование и развитие психологической безопасности предполагает отражение и индивидуальное осмысление человеком внешних и внутренних факторов безопасности, что выступает основой активизации психологических механизмов развития и саморазвития качеств и свойств, обеспечивающих защищенность человека [1]. Выбор механизмов определяется особенностями поведения человека в различных условиях жизнедеятельности [3; 10].

В целом, подводя итог проведенному анализу, можно сказать, что психологическая безопасность является сложноструктурированным психологическим образованием, функционально обеспечивающим защищенность человека в сложных, опасных, психотравмирующих ситуациях жизни.

Информационная безопасность призвана обеспечить социальную устойчивость школьника в информационной среде благодаря сформированным навыкам противодействия негативным внешним факторам. Активное развитие способов и методов воздействия на человека актуализировало выделение этой проблемы как самостоятельного предмета теории и социально-психологической практики. Необходимо противодействовать разным активным формам воздействия на школьника и его эмоционально-волевою сферу с целью побуждения к асоциальным действиям. Последствиями негативных информационных воздействий может стать искажение знаний о мире, себе, людях, социальных норм, потребностей, интересов, склонностей,

Романова Е. С., Рычихина Э. Н. Типологизация московских школьников на основе социально-психологического портрета // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12. С. 32–35.

самооценки, мировоззрения, ценностно-смысловых установок, психических состояний, мышления, характера общения и поведения. Проявление ущерба заключается в дезориентации, отказе от индивидуальности и независимости, нарушениях психического и психологического здоровья, формировании разного рода зависимостей, разрушении субъектности и личностной определенности [2: с. 68; 4].

Выделенные внешние и внутренние угрозы информационно-психологической безопасности в значительной мере усиливаются в подростковом возрасте в силу своеобразия его психологических характеристик. Особая возрастная незащищенность подростков не может быть понята вне процессов их психофизиологического и личностного развития.

В психологическом плане этот возраст весьма противоречив и характеризуется ломкой прежних отношений, перестройкой самосознания, изменением мотивации, интенсификацией процессов становления психосексуальной идентичности, появлением чувства взрослости как центрального в личности детей. Эти процессы актуализируют переориентацию на взрослые нормы, ценности, смыслы и усложняют характер личностных свойств подростков. Особое значение в преобразовании ценностно-смысловой сферы в этом возрасте отводится эмоциям, поскольку именно эмоции связаны с новым направлением интересов подростка. Переориентация мышления подростков на поиск потенциальных возможностей расширяет его внутренний мир и наполняет его новыми образами.

Выделяют несколько противоречивых сфер в жизни подростка: это общение со взрослыми, интимно-доверительные отношения, ориентация на будущее. Доминантными становятся интерес к себе и поиск своего Я; масштабность замыслов; проявление негативизма, категоричности; рискованность, иллюзорный героизм; потребность в свободе. Нестабильный эмоциональный фон проявляется в резкой смене настроения, демонстрации полной независимости и одновременно неуверенности в себе, повышенной тревожности, чувствительности к различного рода препятствиям. Как подчеркивал Д. Б. Эльконин, для подростка интимно-доверительное общение со сверстниками

становится ведущим в освоении норм и правил². В поисках собственной идентичности подростки прикладывают к себе и другим людям психологические мерки о ценностях и идеалах. Эти представления еще не интернализированы, они проверяются в условиях реальной жизни и внутренних противоречий подростка.

Перечисленные возрастные особенности определяют исключительную сензитивность подростков по отношению к информационному пространству, где есть возможность получить ответы на многие мучительные для них вопросы. Интернет становится для них средством познания себя, окружающего мира и начинает занимать определенное место в общей структуре их социализации, выступает источником общественной ориентации, социальных представлений, определенной программы действий, что может привести к сопряжению виртуального и реального мира.

Индивидуализация подростков связана с формированием своей картины мира, поэтому дети этого возраста очень чувствительны к новизне, разнообразию информации и ее присвоению. Современные средства сетевого общения дают подросткам возможность включиться в референтную группу, субкультура которой может стать ведущей и преимущественно социализирующей.

Психологическая работа со школьниками на основе их личностных профилей

Психологическая работа со школьниками основывалась на выделении личностных качеств человека, определяющих его основное поведение. Особенности этих качеств содержат в себе пороговые величины необходимого уровня их развития, обеспечивающего учащимся возможность контролировать социальное окружение и противодействовать социальной практике, основанной на агрессивной политике противостоящей стороны.

² Неустроева О. В. Психологическая характеристика подросткового возраста в концепциях Д. Б. Эльконина и Д. И. Фельдштейна // European Research. 2015. № 6 (7). С. 64–66.

Многолетние исследования позволили выделить группу личностных показателей, дающих школьникам возможность оценить свои реальные ресурсы в значимых сферах современного социального взаимодействия.

Было выбрано шесть психологических методик оценки ценностной сферы и реальных жизненных установок школьников, обеспечивающих комплексную диагностику по совокупности 20 психологических показателей (см. табл.).

свидетельствующие о направленности их активности и возможностях противодействия разнообразной социально деструктивной информации.

Использование техники психологического оценивания школьников на основе выявленных индивидуальных личностных профилей существенно отличается от практик ориентации по отдельным психологическим показателям. В ходе анализа всех протоколов выявлена группа личностных профилей с характерными пропорциями в выраженности показателей

Таблица

Методики и регистрируемые показатели

Методики	Показатели
Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Диннер)	1. Удовлетворенность жизнью
Методика диагностики мотивации личности к успеху (Т. Элерс)	2. Мотивация к успеху
Ценностный опросник Ш. Шварца (часть 2): состоит из 40 описаний человека, характеризующих 10 типов ценностей	3. Ценность власти (доминирование) 4. Ценность достижения (личный успех) 5. Ценность гедонизма (наслаждение жизнью) 6. Ценность стимуляции (новые переживания) 7. Ценность самостоятельности (независимость мышления) 8. Ценность универсализма (понимание, терпимость) 9. Ценность доброты (полезность и доброта) 10. Ценность традиций (уважение традиций) 11. Ценность конформности (послушание и уважение старших)
Опросник волевого самоконтроля (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман)	12. Эмоциональная зрелость, независимость 13. Настойчивость в достижении целей 14. Самообладание, уверенность в себе
Опросник толерантности к неопределенности (Т. В. Корнилова)	15. Стремление к изменениям, новизне 16. Стремление к упорядоченности 17. Стремление к ясности во взаимоотношениях
Опросник исследования тревожности у школьников (Ч. Д. Спилбергер, адаптация А. Д. Андреева)	18. Познавательная активность 19. Личностная тревожность 20. Негативные эмоциональные переживания

В исследовании участвовали 198 старшеклассников, из них 76 юношей и 122 девушки.

По итогам диагностики были построены индивидуальные личностные профили в десятибалльной шкале вторичных показателей — стенов, являющихся мерой отклонения конкретного результата школьника от среднего значения по выборке школьников с учетом характера разброса данных (среднеквадратичного отклонения).

В ходе анализа личностных профилей были выделены устойчивые типологические индивидуальные особенности школьников,

ценностной сферы и жизненных установок. Личностные профили охватывают всю выборку и отражают особенности и результат современной мировоззренческой и социальной практики школьников. Группа составляет шесть личностных профилей, типологические особенности которых обусловлены тем, что каждый из них в своей основе охватывает от 10 до 25 % выборки.

Содержательные аспекты этих профилей представлены на рисунках 1–6. По вертикальной оси располагается шкала стенов от 1 до 10.

Зеленым контуром выделена зона стенов от 4 до 7, что соответствует области статистической нормы выборки школьников. На горизонтальной оси находятся 20 измеряемых в исследовании показателей.

Выделение группы наиболее характерных, контрастных личностных профилей не связано с задачей определения типологии в личностном развитии школьников. Предлагаемый маршрут психологической работы с учащимися, наоборот, обеспечивает высокую чувствительность в дифференциации школьников в их предрасположенности к тем или иным факторам агрессивного проявления среды. Полученный таким образом материал в сочетании с реальным поведением школьника и его реагированием на разнообразные факторы среды позволяет обеспечить высокую прогностическую надежность в оценках дальнейшего развития ребенка и необходимости организации консультационно-развивающей работы с ним.

Профиль первого типа (рис. 1) характеризуется достоверно высокими мотивацией к достижениям, ценностью доминирования, независимостью и настойчивостью и одновременно достоверно низкими ценностями уважения традиций, послушания, доброты, стремления к взаимопониманию во взаимоотношениях.

Школьники с таким личностным профилем для достижения своих целей могут под видом новых и интересных для себя решений использовать в определенных границах любые асоциальные формы поведения. Социальная пропаганда экстремистской идеологии может стать значимой для них в их личностных устремлениях. Их исходная неограниченная активность в сочетании с игнорированием традиций и отсутствием уважения к наследию поколений может лечь в основу деструктивного манипулирования своими сверстниками для безусловного обеспечения своих ценностных установок.

Высокая волевая саморегуляция может быть отражением проблем во взаимоотношениях с ближайшим окружением как проявление нежелательных форм взаимодействия. Таких школьников надо направлять на значимые для общества цели на основе всех ресурсов воспитательной работы в школе и вне ее.

Для этого личностного профиля акцент должен быть сделан на развитии нравственной составляющей их социального поведения и преодолении возможного выбора ими своего поведения через создание разнообразных конфликтных ситуаций. Особенно важно развивать в таких детях понимание и терпимость, уважение к традициям и старшим.

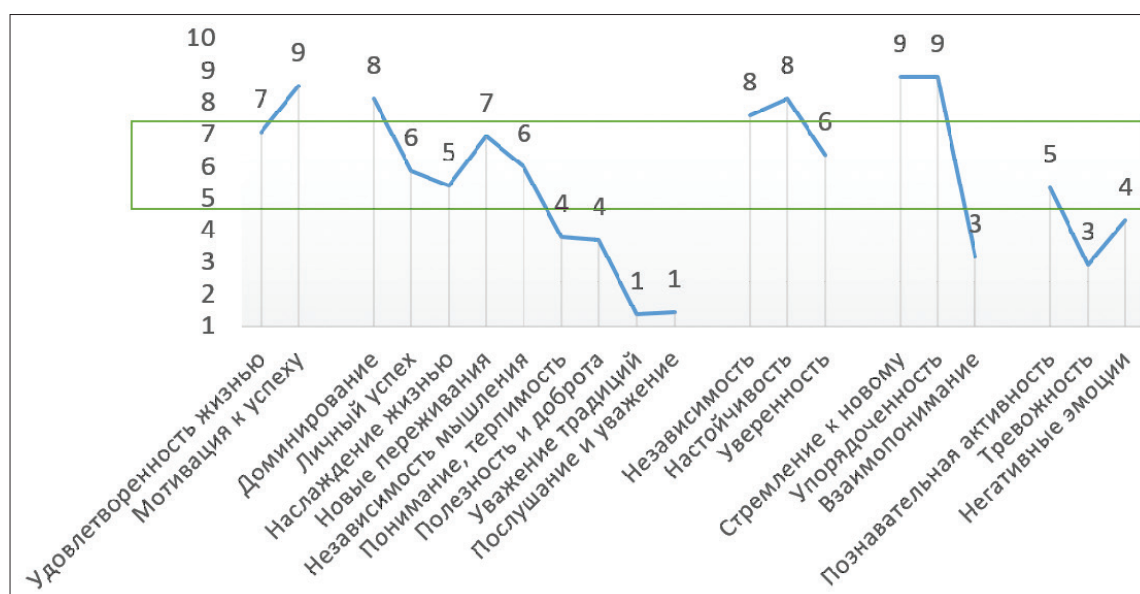

Рис. 1. Профиль первого типа (примерно 20 % от выборки)³

³ На рисунках 1–6 выраженность показателей представлена в стенах.

Профиль второго типа (рис. 2) характеризуется средней удовлетворенностью жизнью, достоверно высоким уровнем тревожности, понимания и терпимости, послушанием и уважением, взаимопониманием во взаимоотношениях и одновременно достоверно низкими мотивацией к достижениям, волевыми качествами (независимостью, настойчивостью, уверенностью), стремлением к новизне, ценностями доминирования, личного успеха, наслаждения жизнью.

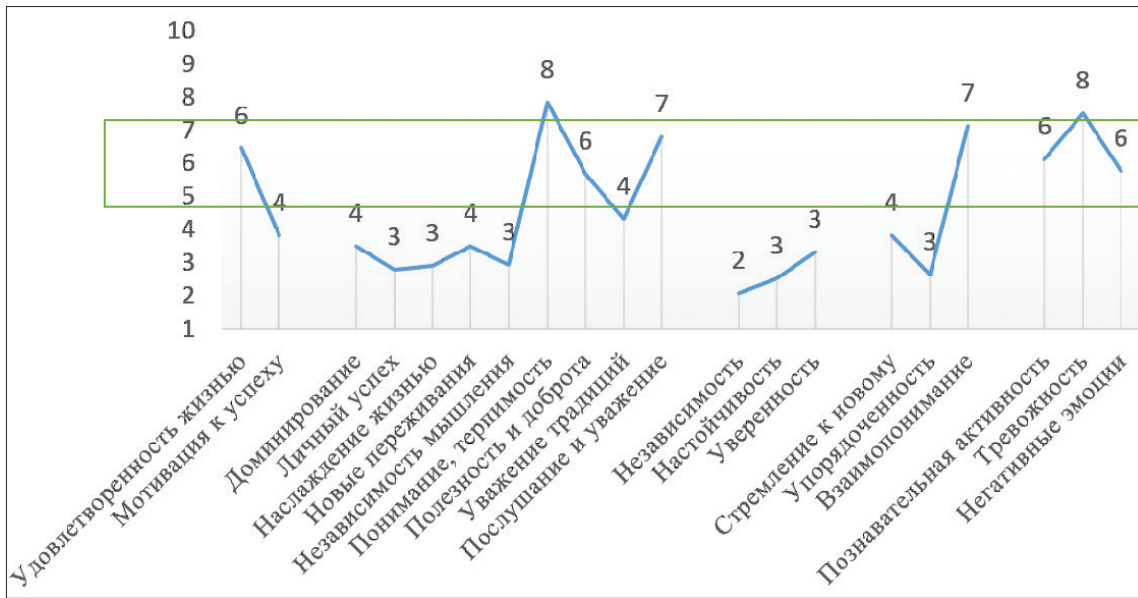

Рис. 2. Профиль второго типа (примерно 15 % от выборки)

Для школьников с таким личностным профилем характерен повышенный уровень тревожности, обусловленный отсутствием типичных для школьников интересов, увлечений, стремления к успеху, независимости, что компенсируется активным участием в групповых взаимоотношениях, во время которых такие учащиеся проявляют терпимость и согласие с другими.

Для этого личностного профиля акцент должен быть сделан на развитии форм саморегуляции и контроля за своим эмоциональным состоянием за счет смены ведущих ценностных ориентиров. Важно развивать у школьников навыки независимого поведения и формирования личностной устойчивости. Существенное значение имеет индивидуальная работа по преодолению разных форм субъективной зависимости от чрезмерных требований окружения и среды Интернета.

Профиль третьего типа (рис. 3) характеризуется очень низкой удовлетворенностью жизнью, отсутствием мотивации к успеху, ярко выраженной тревожностью и склонностью к оценке всего в негативном эмоциональном плане; в ценностной сфере все показатели, кроме ценности уважения традиций, достоверно ниже типичных для группы; характерно стремление к достижению взаимопонимания во взаимоотношениях.

Школьники с таким личностным профилем, несмотря на экстремально контрастные

результаты при общем сходстве с профилем второго типа, выделились в отдельную группу ввиду высокой повторяемости этих результатов в выборке. Профиль свидетельствует о серьезных деструктивных сдвигах в самооценке школьниками своих возможностей, обусловленных отсутствием типичных для школьников интересов, увлечений, стремлений к успеху, независимости. Для них характерен очень высокий уровень проявления тревожности и негативных эмоций, возможно, обусловленных их положением в коллективе. Отмечается выраженное стремление к достижению взаимопонимания с одноклассниками, полное признание складывающихся традиций. Эти школьники не удовлетворены своей жизнью. Такой выбор, являясь в значительной мере субъективным, может рассматриваться как протест против реалий этого мира, причем протест

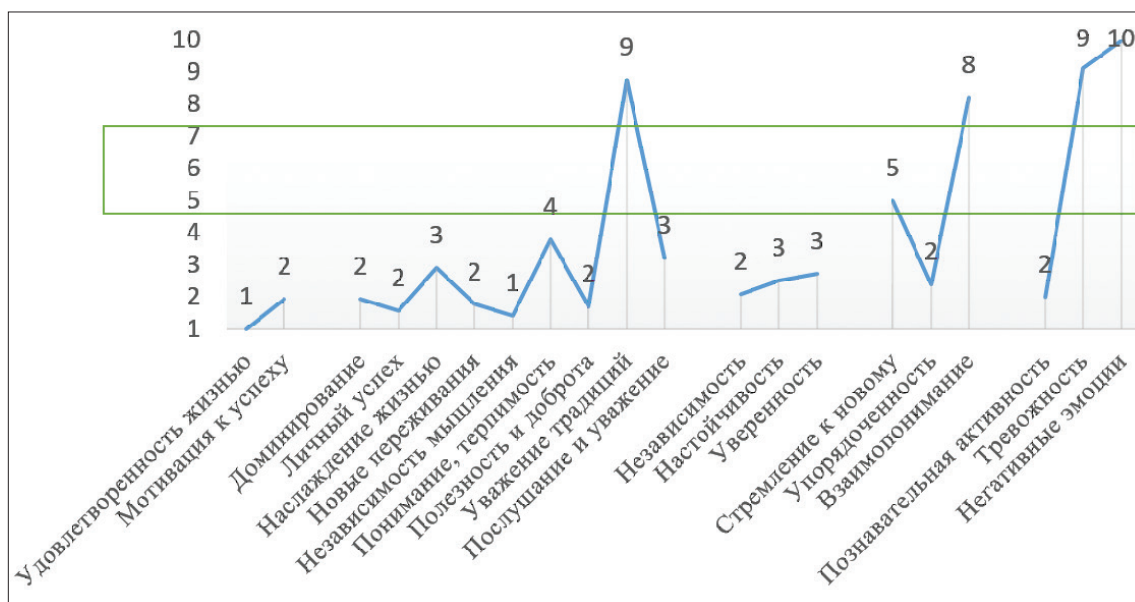

Рис. 3. Профиль третьего типа (примерно 10 % от выборки)

активный, связанный не с преобразованием мира, а с уходом из него. Особенностью детей с этим профилем является высокая осознанность совершившегося выбора и однозначность своих суждений по разным методикам.

В работе с такими школьниками необходимо восстановление устойчивой, характерной для всех школьников ценностной ориентации. Основной акцент должен быть сделан на преимущественное развитие саморегуляции собственных эмоциональных переживаний для сдерживания негативных поведенческих реакций.

Профиль четвертого типа (см. рис. 4) характеризуется высокой познавательной активностью, стремлением к новизне, высокими требованиями к упорядоченности жизни, высокой значимостью социальных ценностей доминирования, наслаждения жизнью, уважения социальных норм, высокими запросами к независимости, демонстрирующий типичную для группы уверенность и удовлетворенность жизнью.

Школьники с таким личностным профилем при достаточно высокой амбициозности и среднем уровне волевой регуляции вполне комфортно взаимодействуют с одноклассниками и взрослыми. Выбор социального и профессионального развития характеризуется обоснованностью и доминированием собственных решений. Твердая убежденность в своем выборе

может стать серьезным препятствием в преодолении асоциального выбора.

Для этого личностного профиля, который включает в себя и высокую познавательную активность, акцент должен быть сделан на переоценке собственного выбора, противоречащего нравственным правилам общественной жизни. Эти школьники выделяются своими лидерскими качествами при неустойчивом различении положительных и отрицательных факторов общественного развития. Они осознают перспективные направления своего развития. Целевые лекции и разработка проектов по разным направлениям развития могут оказаться наиболее эффективной формой преодоления возможных негативных последствий влияния большого количества разных мнений.

Профиль пятого типа (см. рис. 5) характеризуется высокой удовлетворенностью жизнью, высокими волевыми качествами (независимостью, настойчивостью, уверенностью), выраженными ценностями наслаждения жизнью, терпимости, полезности и доброты, уважения традиций.

Школьники с таким личностным профилем при достаточно высокой самостоятельности достаточно скрытны, поскольку у них стремление к доминированию и достижению ясности во взаимоотношениях находится на нижней границе нормы.

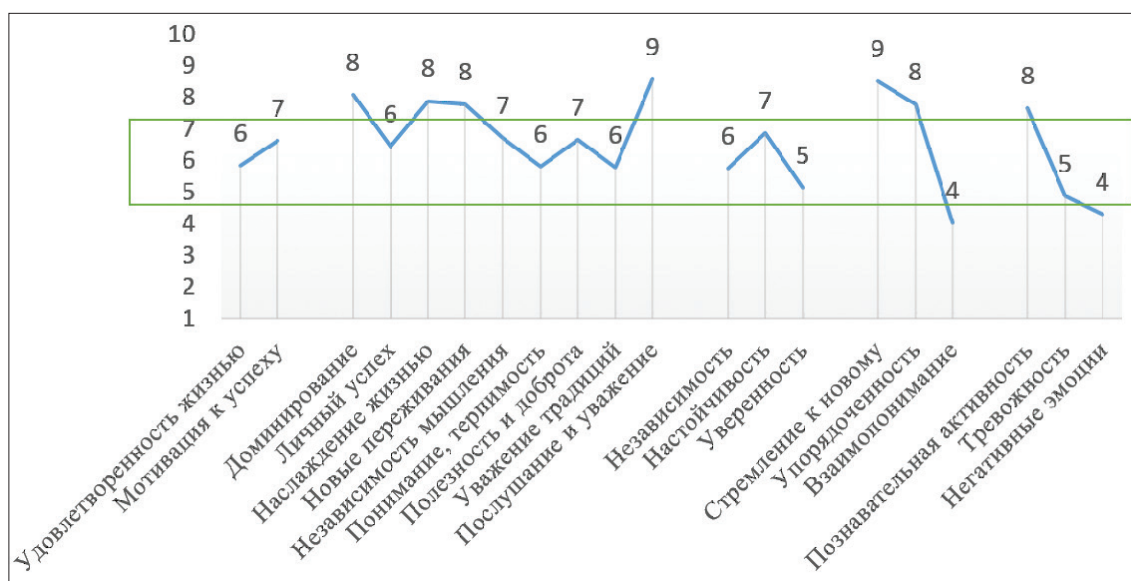

Рис. 4. Профиль четвертого типа (примерно 15 % от выборки)

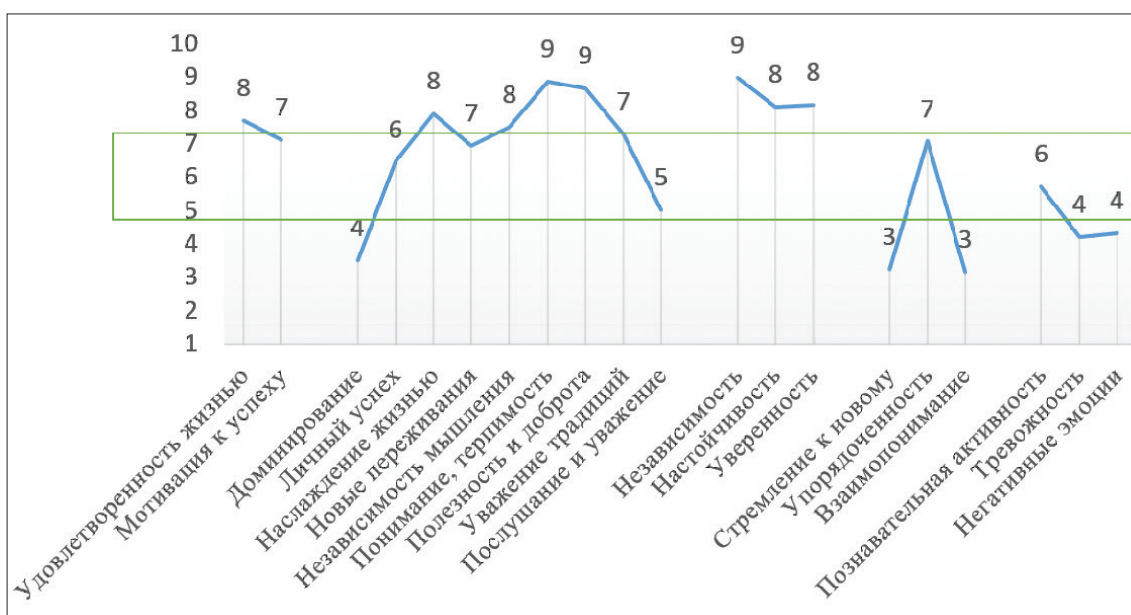

Рис. 5. Профиль пятого типа (примерно 15 % от выборки)

Для школьников с таким личностным профилем акцент должен быть сделан на преодолении возможных противоречий между удовлетворенностью жизнью в силу ее соответствия ценностным установкам и определенным дистанцированием от жизни школьного коллектива. Центральным направлением работы в данном случае является привлечение учащихся к дополнительному образованию для более внимательного осмысления ими своей будущей профессиональной перспективы.

Профиль шестого типа (рис. 6) характеризуется проявлением личностных качеств на типичном для выборки уровне (соответствующего статистической норме для выборки). Однородность выбора по всем показателям свидетельствует о наличии двух разных противоположных тенденций в развитии школьников. Первая — безразличие в самооценке, что в силу психометрических качеств методик приводит к средним оценкам. Вторая демонстрирует характерный жизненный стиль. Такие школьники

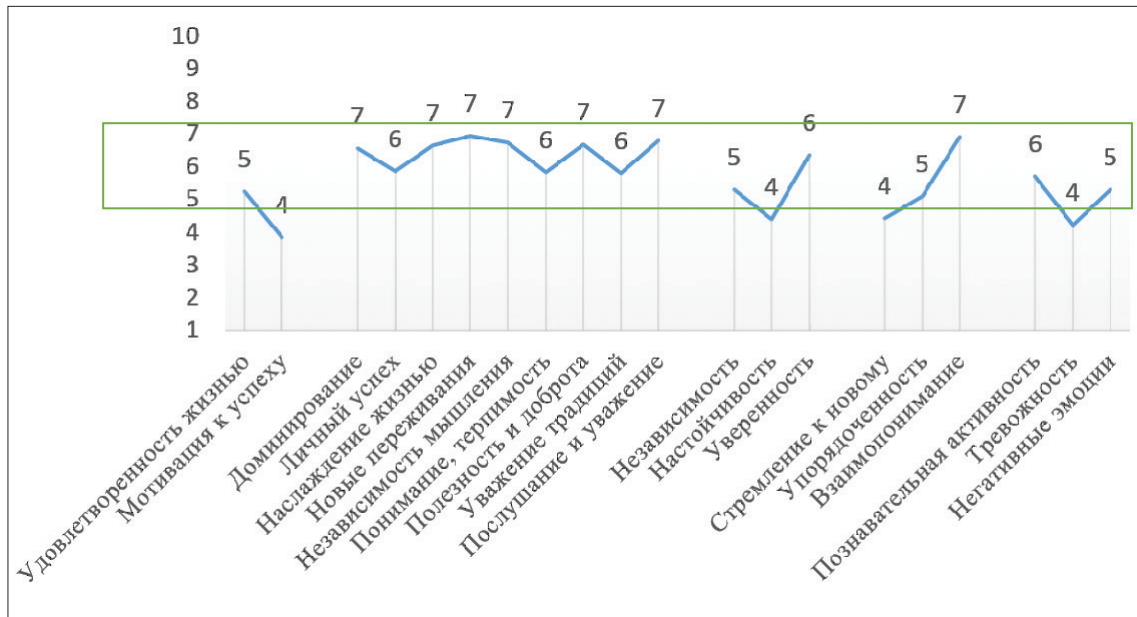

Рис. 6. Профиль шестого типа (примерно 25 % выборки)

склонны плыть по течению и, соответственно, подчиняться воле большинства.

Для обладателей этого личностного профиля принципиальные акценты в их личностном развитии не требуются. Для них не характерно демонстрировать неожиданные, яркие асоциальные поступки. Сетевое взаимодействие этих школьников со всем остальным миром, вероятнее всего, обуславливается стремлением к положительным эмоциям. Основным направлением работы с этими школьниками является расстановка правильных ориентиров в вопросах морали, этики, социальной ответственности за свои поступки и формирование устойчивой оценочной гражданской платформы.

Выделенные типологические особенности развития личностного и социального потенциала школьников предполагают возможность выбора из всего существующего в психологии арсенала активных форм работы со школьниками адресных развивающих практик.

На основе проведенной работы сформированы критерии эффективности коррекционно-развивающей работы со школьниками. Пороговые значения этих критериев, достаточные для устойчивого противодействия агрессивному проявлению среды, должны достигать верхней границы диапазона нормы для школьников по соответствующим показателям.

1. Умение школьника различать социальную направленность и нравственный потенциал воздействия в ситуациях прямого контакта с окружением и в ситуациях неограниченного информационного влияния в Интернете.

2. Способность контролировать свои эмоциональные реакции и управлять своим поведением.

3. Способность ставить социально значимые цели и достигать их.

4. Способность выстраивать эффективные взаимоотношения в ближнем социуме.

5. Умение противостоять негативному воздействию любого контента, содержащего противоправную информацию.

6. Умение противодействовать негативному или преступному поведению.

7. Удовлетворенность своей жизнью.

8. Высокая самооценка в ситуациях переживания позитивных или негативных психических состояний как фактор защищенности личности.

7. Ценностная ориентация на личный успех в учебной, творческой и общественной деятельности.

8. Ценностная ориентация на понимание и терпимость во взаимоотношениях.

9. Ценностная ориентация на уважение традиций.

10. Настойчивость при достижении целей.

Заключение

Разработанный комплексный психологический подход показал эффективность организации коррекционно-развивающей работы со школьниками по преодолению деструктивного влияния социальной среды на основе анализа особенностей их личностного потенциала. Многолетняя практика исследования ценностно-смысловой направленности личности обучающихся легла в основу выделения 20 основных личностных показателей, отражающих готовность школьников противостоять агрессивным проявлениям среды.

По итогам диагностики учащихся была выявлена устойчивая типология взаимозависимости этих показателей в виде шести характерных личностных профилей для отдельных групп школьников (в пределах от 10 до 25 % от выборки).

Результаты системного анализа содержательных особенностей личностных профилей позволили выйти на критерии эффективности коррекционно-развивающей работы со школьниками и обозначить пороговые значения этих критериев.

С учетом полученных результатов для школьников, родителей и учителей организуются семинары и циклы лекций по следующим темам: «Что такое психологическая безопасность?»; «Агрессивность в подростковом возрасте»; «Я учусь не конфликтовать»; «Я сегодня и завтра: факторы уверенности»; «Можно ли жить без конфликтов?»; «Школьная и социальная дезадаптация»; «Безопасные правила поведения в социальных сетях»; «Психологическое и психическое здоровье»; «Ложь. Как распознать обман и мошенничество?»; «Как строить эффективные коммуникации»; «Как сохранять спокойствие в агрессивном информационном потоке».

Литература

1. Бакланова Н. К., Иванова Т. С., Колот В. В. К проблеме создания психологически безопасной образовательной среды: целостный подход // Вестник МГОУ. Серия: Педагогика. 2018. № 3. С. 13–24.
2. Геворкян Е. Н., Романова Е. С., Вачкова С. Н. Психологическое сопровождение семейного образования. М.: Неолит, 2020. 288 с.
3. Добровидова Н. А. Взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей старшеклассников с тенденцией поведения в группе сверстников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 1 (26). С. 341–344.
4. Кисова В. В. Проблема регуляции поведения и деятельности в зарубежной психологии // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-3. С. 484–487.
5. Практическая психология образования / под ред. И. В. Дубровиной. 4-е изд. СПб.: Питер, 2004. 592 с.
6. Романова Е. С., Абушкин Б. М. Креативная проектная практика самопрезентации молодого специалиста в профессиональной среде: методическое пособие. М.: Спутник+, 2021. 241 с.
7. Романова Е. С., Абушкин Б. М., Решетина С. Ю. Развитие личностного и социального потенциала обучающихся: методическое пособие. М.: Ритм, 2021. 104 с.
8. Рыжов Б. Н. Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
9. Bandyopadhyay S., Cornell D. G., Konold T. R. Validity of three school climate scales to assess bullying, aggressive attitudes, and help seeking // School Psychology Review. 2009. Vol. 38 № 3. P. 338–355. DOI: 10.1080/02796015.2009.12087819
10. Bowes L., Arseneault L., Maughan B. et al. School, neighborhood, and family factors are associated with children's bullying involvement: A nationally representative longitudinal study // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2009. Vol. 48. № 5. P. 545–553. DOI: 10.1097/CHI.0b013e31819cb017
11. Bradshaw C. P., Waasdorp T. E., Debnam K. J. et al. Measuring school climate in high schools: A focus on safety, engagement, and the environment // Journal of School Health. 2014. Vol. 84. № 9. P. 593–604. DOI: 10.1111/josh.12186

12. Ebbert A. M., Luthar S. S. Influential domains of school climate fostering resilience in high achieving schools // *International Journal of School & Educational Psychology*. 2021. Vol. 9. № 4. P. 305–317. DOI: 10.1080/21683603.2021.1898501
13. Gottfredson D. C., Dipietro S. M. School size, social capital, and student victimization // *Sociology of Education*. 2011. Vol. 84. № 1. P. 69–89. DOI: 10.1177/0038040710392718
14. Luyten H., Visscher A., Witziers H. School effectiveness research: From a review of the criticism to recommendations for further development // *School Effectiveness and School Improvement*. 2005. Vol. 16. P. 249–279. DOI: 10.1080/09243450500114884
15. Romanova E. S., Bershedova L. I., Morozova T. Yu. et al. Psychological problems and features of modern schoolchildren's communication // *World Journal on Educational Technology: Current Issues*. 2021. Vol. 13. № 1. P. 10–20. DOI: 10.18844/wjet.v13i1.5360
16. Waasdorp T. E., Lindstrom J. S., Shukla K. D. et al. Measuring school climate: Invariance across middle and high school students // *Children & Schools*. 2019. Vol. 42. № 1. P. 53–62. DOI: 10.1093/cs/cdz026

References

1. Baklanova N. K., Ivanova T. S., Kolot V. V. K probleme sozdaniya psixologicheski bezopasnoj obrazovatel'noj sredy: celostny'j podxod [To the problem of creating a psychologically safe educational environment: a holistic approach] // *Vestnik MGOU. Seriya: Pedagogika* [Bulletin of Moscow State University. Series: Pedagogy]. 2018. № 3. P. 13–24.
2. Gevorkyan E. N., Romanova E. S., Vachkova S. N. Psixologicheskoe soprovozhdenie semejnogo obrazovaniya [Psychological support for family education]. M.: Neolit, 2020. 288 p.
3. Dobrovidova N. A. Vzaimosvyaz' individual'no-psixologicheskix osobennostej starsheklassnikov s tendenciej povedeniya v grupe sverstnikov [The relationship of the individual psychological characteristics of high school students with the tendency of behavior in the peer group] // *Azimut nauchny'x issledovaniy: pedagogika i psixologiya* [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology]. 2019. № 1 (26). P. 341–344.
4. Kisova V. V. Problema regulyacii povedeniya i deyatel'nosti v zarubezhnoj psixologii [The problem of regulating behavior and activity in foreign psychology] // *Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2018. № 59-3. P. 484–487.
5. *Prakticheskaya psixologiya obrazovaniya* [Practical psychology of education] / pod red. I. V. Dubrovinoj. 4-e izd. SPb.: Piter, 2004. 592 p.
6. Romanova E. S., Abushkin B. M. Kreativnaya proektnaya praktika samoprezentacii mladogo spetsialista v professional'noj srede: metodicheskoe posobie [Creative design practice of self-representation of a young specialist in a professional environment: Methodological manual]. M.: Sputnik +, 2021. 241 p.
7. Romanova E. S., Abushkin B. M., Reshetina S. Yu. Razvitie lichnostnogo i social'nogo potentsiala obuchayushhixsya. Metodicheskoe posobie [Development of the personal and social potential of students. Methodical manual]. M.: Ritm, 2021. 104 p.
8. Ry'zhov B. N. *Sistemnaya psixologiya* [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
9. Bandyopadhyay S., Cornell D. G., Konold T. R. Validity of three school climate scales to assess bullying, aggressive attitudes, and help seeking // *School Psychology Review*. 2009. Vol. 38 № 3. P. 338–355. DOI: 10.1080/02796015.2009.12087819
10. Bowes L., Arseneault L., Maughan B. et al. School, neighborhood, and family factors are associated with children's bullying involvement: A nationally representative longitudinal study // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2009. Vol. 48. № 5. P. 545–553. DOI: 10.1097/CHI.0b013e31819cb017
11. Bradshaw C. P., Waasdorp T. E., Debnam K. J. et al. Measuring school climate in high schools: A focus on safety, engagement, and the environment // *Journal of School Health*. 2014. Vol. 84. № 9. P. 593–604. DOI: 10.1111/josh.12186
12. Ebbert A. M., Luthar S. S. Influential domains of school climate fostering resilience in high achieving schools // *International Journal of School & Educational Psychology*. 2021. Vol. 9. № 4. P. 305–317. DOI: 10.1080/21683603.2021.1898501

13. Gottfredson D. C., Dipietro S. M. School size, social capital, and student victimization // *Sociology of Education*. 2011. Vol. 84. № 1. P. 69–89. DOI: 10.1177/0038040710392718
14. Luyten H., Visscher A., Witziers H. School effectiveness research: From a review of the criticism to recommendations for further development // *School Effectiveness and School Improvement*. 2005 Vol. 16. P. 249–279. DOI: 10.1080/09243450500114884
15. Romanova E. S., Bershedova L. I., Morozova T. Yu. et al. Psychological problems and features of modern schoolchildren's communication // *World Journal on Educational Technology: Current Issues*. 2021. Vol. 13. № 1. P. 10–20. DOI: 10.18844/wjet.v13i1.5360
16. Waasdorp T. E., Lindstrom J. S., Shukla K. D. et al. Measuring school climate: Invariance across middle and high school students // *Children & Schools*. 2019. Vol. 42. № 1. P. 53–62. DOI:10.1093/cs/cdz026

СИСТЕМНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПЕРИОД ЮНОСТИ И МОЛОДОСТИ

Е. А. Круглова,
ИвГУ, Иваново,
kruglo-e@mail.ru,

К. А. Корягина,
детский дом «Радуга», Иваново,
ksenia42@hotmail.com

В статье анализируются проблемы, связанные с восприятием будущего представителями разного возраста. В психологии личности вопрос отношения к собственному будущему является одним из важнейших в рамках экзистенциальных ценностей и отражает перспективы ее самореализации. Методологической основой исследования является системный подход и его основные принципы, в частности принцип многомерности и целостности в познании изучаемого психического явления с учетом его многочисленных детерминант.

Системно-психологическому анализу подвергнуты различные аспекты образа будущего у представителей разных возрастных групп: представления о ближайшем, среднесрочном и долгосрочном будущем; значимость различных сфер жизнедеятельности в будущем; степень ориентации на будущее в целом. Исследованы психологические детерминанты образа будущего в юношеском и молодом возрасте.

Результаты исследования показали, что у лиц юношеского и молодого возраста присутствуют представления о ближайшем, среднесрочном и долгосрочном будущем. Однако восприятие долгосрочных перспектив у лиц юношеского возраста выражено слабее. Установлено, что неустойчивое эмоциональное состояние личности со склонностью к невротизации способствует формированию негативного образа будущего и неудовлетворенности различными сторонами жизни. Таким образом, степень ориентации на будущее в юношеском и молодом возрасте детерминирована разными психологическими характеристиками, но в системе представлений о времени дает общую картину образа будущего личности.

Ключевые слова: системный подход; личность; образ будущего; временная перспектива; сферы жизнедеятельности; степень ориентации на будущее; самоактуализация.

Для цитаты: Круглова Е. А., Корягина К. А. Системно-психологический анализ образа будущего в период юности и молодости // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 19–29. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.2

Круглова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново.

E-mail: *kruglo-e@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7933-4921

Корягина Ксения Александровна, педагог-психолог Ивановского специального (коррекционного) детского дома «Радуга», Иваново.

E-mail: *ksenia42@hotmail.com*

ORCID: 0000-0003-2536-5746

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.2

**SYSTEM-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE IMAGE OF THE FUTURE
IN THE PERIOD OF ADOLESCENCE AND YOUTH****E. A. Kruglova,**ISU, Ivanovo,
*kruglo-e@mail.ru,***K. A. Koryagina,**orphanage "Raduga", Ivanovo,
ksenia42@hotmail.com

The article analyzes the problems associated with the perception of the future by representatives of different ages. In personality psychology, the question of attitude to one's own future is one of the most important within the framework of existential values and reflects the prospects for its self-realization. The methodological basis of the research is a system approach and its basic principles, in particular the principle of multidimensionality and integrity in the cognition of the investigated mental phenomenon, taking into account its numerous determinants.

Various aspects of the image of the future of different age groups representatives have been subjected to system psychological analysis: ideas about the near, medium and long-term future; the importance of various spheres of life in the future; the degree of orientation towards the future as a whole. The psychological determinants of the image of the future in adolescence and youth are investigated.

The results of the study showed that adolescents and young adults have ideas about their near, medium and long-term future. However, the perception of long-term prospects in young people is less pronounced. It is established that the unstable emotional state of a person with a tendency to neuroticism contributes to the formation of a negative image of the future and dissatisfaction with various aspects of life. Thus, the degree of orientation to the future in an adolescence and young age is determined by different psychological characteristics, but in the system of ideas about time gives a general picture of the image of the future of the individual.

Keywords: system approach; personality; image of the future; time perspective; spheres of life; degree of orientation to the future; self-actualization.

For citation: Kruglova E. A., Koryagina K. A. System-psychological analysis of the image of the future in the period of adolescence and youth // Systems psychology and sociology. 2022. № 1 (41). P. 19–29. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.2

Kruglova Elena Aleksandrovna, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: *kruglo-e@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7933-4921

Koryagina Ksenia Aleksandrovna, teacher-psychologist at the Ivanovo special (correctional) orphanage "Raduga", Ivanovo, Russia.

E-mail: *ksenia42@hotmail.com*

ORCID: 0000-0003-2536-5746

Введение

Среди экзистенциальных проблем современного социума, указывающих на направленность человеческого развития, основной считается образ будущего, который рассматривается как результат внутренней деятельности личности,

отражающей особенности жизненных стремлений, ценностные ориентации, перспективы, особенности самореализации [7]. Исследованию специфики формирования образа будущего посвящены работы ряда зарубежных [20; 27] и отечественных авторов [1; 4]. В рамках истории, психологии и других гуманитарных и социальных наук описывается интерес

человека к различным аспектам своего будущего.

Автор концепции личностных конструкторов Дж. Келли указывает, что человек, как правило, выстраивает свою жизнь в соответствии с планом на будущее. При этом адекватность в прогнозировании будущих событий зависит от использования личностных конструкторов, регулирующих взаимосвязь образа будущего с действительностью [25: с. 56]. Понятие образа будущего находит параллели с «социальным воображаемым» французского социолога, философа и психоаналитика К. Кастаньяна. По его мнению, образ будущего — это «необусловленное творчество» в социально-исторической области. При этом социальное воображаемое он связывает с особенностями человеческой психики, а не со спецификой социума [10: с. 67].

Картина будущего раскрывается как целостный, единый образ, который складывается в определенном социуме в определенное время. Он имеет когнитивную и эмоциональную составляющие. Когнитивной основой образа будущего являются жизненный опыт, ценностные ориентации, знания об окружающем мире, логическое и системное мышление, технологии социального взаимодействия. Эмоциональный компонент существует в феноменах желаемой нами реальности как мысленные конструкции устремлений, т. е. как некая мечта [5].

Ведущим научным подходом отечественной психологии является системный подход, разработанный Б. Ф. Ломовым, с точки зрения которого анализируется феномен образа будущего. Автор рассматривает проблему образа будущего на примере антиципации. В своих работах он отмечает высокое значение антиципации для всех аспектов жизнедеятельности людей, особо акцентируя внимание на том, что в начале любой деятельности у каждого человека имеется определенная ментальная модель в виде представления ожидаемых результатов [13].

Современные исследования образа будущего, закономерностей его формирования и детерминации представлены в различных теоретических и эмпирических исследованиях. Анализ социокультурной и психосоциальной обусловленности содержится в работе

С. В. Абрамова [1]. Духовный, социальный и нравственный аспекты образа будущего рассмотрены Е. В. Шелкопляс [20]. Особенности образа будущего в представлениях подростков и юношей проанализированы С. Б. Абрамовой [2], К. Н. Белогай [4], Н. С. Даниловой [5], О. М. Дудиной [6], К. А. Корягиной [12]. Взаимосвязь образа будущего с мотивацией и особенностями саморазвития личности изучена А. А. Тихоновой [19: с. 6], Н. Г. Скворцовым [17]. Образ будущего рассматривался в контексте проблем социума [14], профориентации молодежи [16; 18], уровней субъективного контроля личности [8: с. 5; 9]. Ряд исследований посвящен изучению отношения к будущему в различные возрастные периоды с участием российских [11; 21] и зарубежных респондентов [22–24]. Особое внимание уделялось образу будущего у представителей подросткового возраста [26; 28]

В настоящем исследовании представлен системный анализ возрастных особенностей образа будущего. Исследование основано на таком важном принципе системного подхода, как многомерность психических явлений [3]. Образ будущего у представителей разных возрастных групп анализируется с учетом взаимосвязи с психологическими особенностями личности. Возрастная периодизация базируется на положениях системно-психологической периодизации развития [15: с. 165]. Целью настоящего исследования стал комплексный анализ психологических особенностей и личностных детерминантов образа будущего у лиц юношеского и молодого возраста.

Методика исследования

В системном исследовании образа будущего в юношеском и молодом возрасте использовались следующие психодиагностические методики: 1) опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой и О. В. Митиной; 2) тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева; 3) Фрайбургский многофакторный личностный опросник (тест FPI) в адаптации А. А. Крылова и Т. И. Ронгинской; 4) авторская анкета, содержащая вопросы,

направленные на изучение взглядов испытуемых на образ будущего.

В исследовании участвовали 86 респондентов в возрасте от 18 до 37 лет, из них лица в возрасте от 18 до 23 лет — 44 респондента, лица в возрасте от 27 до 37 лет — 42 респондента.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования показали, что у лиц юношеского и молодого возраста присутствуют представления о ближайшем, среднесрочном и долгосрочном будущем. Однако с увеличением временного промежутка респонденты обеих возрастных групп чаще отмечают отсутствие у себя подобных представлений. Респонденты юношеского и молодого возраста практически одинаково оценивают особенности изменения собственного будущего. По их мнению, через 5–10 лет оно изменится преимущественно в лучшую сторону.

Образ будущего тесно связан со сферами жизнедеятельности, в которых он проявляется. В результате анализа значимости данных сфер и удовлетворенности успехами в них были выявлены следующие особенности. Статистически значимые различия между лицами юношеского и молодого возраста обнаружены по шкале семейной сферы, а также по шкалам удовлетворенности успехами в семейной, сексуальной, эмоциональной и физической сферах. Семейная сфера для лиц молодого возраста более значима, чем для лиц юношеского возраста, что можно объяснить их большей направленностью на построение и укрепление семейных отношений. В юношеском возрасте развитие и сохранение семейных отношений не является приоритетным направлением. Кроме того, лица молодого возраста более удовлетворены своими успехами в указанных сферах, чем лица юношеского возраста. Это можно объяснить тем, что юноши пока находятся в своеобразном поиске себя, направленный своего развития в будущем, а лица молодого возраста имеют определенные результаты во многих сферах жизнедеятельности.

Результаты исследования показали, что лица молодого возраста в большей степени,

чем лица юношеского возраста, воспринимают прошлое позитивно. При этом настоящее кажется им не таким фаталистичным. Респонденты молодого возраста позитивно принимают собственное прошлое, для них пережитое является опытом, способствующим развитию. Лица юношеского возраста более ориентированы на настоящее, но оно видится им независимым от собственной воли и предопределенным. Степень ориентации на будущее, согласно результатам данной методики, у обеих групп испытуемых находится на среднем уровне, что отражает наличие у них целей и планов на будущее, характеризуется планированием и стремлением к достижению будущих целей.

В ходе исследования было обнаружено, что респонденты молодого возраста подходят более осознанно к вопросам осмысленности жизни, нежели обследуемые юношеского возраста. У респондентов молодого возраста показатели «процесс жизни», «результат жизни» и «общий показатель осмысленности жизни» значимо превышают соответствующие показатели респондентов в период юности. Таким образом, в молодом возрасте жизнь представляется более эмоционально насыщенной, интересной и разнообразной, поэтому респонденты удовлетворены своим настоящим. Представители молодого возраста в большей степени удовлетворены результатом жизни и самореализацией, прожитая часть жизни представляется для них осмысленной и продуктивной.

Ориентация во времени является одним из главных показателей самоактуализации личности, поэтому следующим этапом исследования стало изучение основных аспектов самоактуализации и их различий в группах лиц юношеского и молодого возраста. Результаты исследования показали наличие значимых различий между представителями юношеского и молодого возраста по шкалам «ориентация во времени», «взгляд на природу человека», «самопонимание». Данные показатели определены выше у лиц молодого возраста.

Для лиц молодого возраста более характерен положительный взгляд на природу человека, вера в людей, а также гармония в межличностных отношениях. В юношеском возрасте

естественная симпатия и доверие к людям выражены в меньшей степени. Это можно объяснить тем, что юноши настороженно относятся к событиям жизни, потому что не имеют достаточного опыта выхода из проблемных ситуаций. Имея этот опыт к наступлению молодого возраста, личность способна абстрагироваться от переживаний настоящего и более позитивно рассматривать различные аспекты будущего.

Кроме того, в молодом возрасте обнаруживается более высокий уровень самопонимания. Самопонимание как одну из фундаментальных характеристик личности можно связать с большим опытом оценки прошлого, настоящего и будущего.

Следующим этапом исследования стало определение психологических детерминантов представлений о будущем в изучаемых группах респондентов. С этой целью был проведен корреляционный анализ по формуле Пирсона, позволяющий выявить взаимосвязи между количественными показателями, а также оценить их статистическую значимость. В таблице 1 представлены взаимосвязи между показателями образа будущего и личностными характеристиками респондентов.

Для респондентов с выраженной невротизацией личности (невротичностью) характерно отсутствие представлений о ближайшем ($r = -0,356; p \leq 0,01$), среднесрочном ($r = -0,319; p \leq 0,01$) и долгосрочном ($r = -0,343; p \leq 0,01$) будущем. Высокая невротичность не позволяет этим личностям выстраивать жизненные планы и прогнозировать собственное будущее. Тем не менее успехи в профессиональном развитии являются для них достаточно значимыми ($r = 0,271; p \leq 0,05$).

Лица с выраженной депрессивностью также не имеют представлений о ближайшем ($r = -0,526; p \leq 0,01$), среднесрочном ($r = -0,431; p \leq 0,01$) и долгосрочном ($r = -0,345; p \leq 0,01$) будущем. Они считают, что их будущее через 5–10 лет не изменится в лучшую сторону ($r = -0,321; p \leq 0,01$). Эти респонденты не удовлетворены своими успехами в профессиональной ($r = -0,388; p \leq 0,01$), семейной ($r = -0,227; p \leq 0,01$), сексуальной ($r = -0,314; p \leq 0,01$), эмоциональной ($r = -0,296; p \leq 0,01$) и духовной ($r = -0,264; p \leq 0,05$) сферах жизни. Негативное эмоциональное состояние и отрицательное отношение к себе, а также депрессивное поведение не позволяют данной категории

Таблица 1

Взаимосвязь образа будущего и личностных характеристик респондентов

Шкала	Показатели образа будущего		Коэффициент корреляции
Невротичность	Наличие представлений о будущем	ближайшее	-0,356
		среднесрочное	-0,319
		долгосрочное	-0,343
	Значимость профессиональной сферы жизни		0,271
Депрессивность	Наличие представлений о будущем	ближайшее	-0,526
		среднесрочное	-0,491
		долгосрочное	-0,345
	Изменение будущего через 5–10 лет в лучшую сторону		-0,227
	Успешность в сфере жизни	профессиональная	-0,388
		семейная	-0,227
		сексуальная	-0,314
		эмоциональная	-0,296
	духовная	-0,264	
Раздражительность	Наличие представлений о будущем	ближайшее	-0,253
		среднесрочное	-0,358
		долгосрочное	-0,322
	Изменение будущего через 5–10 лет в лучшую сторону		-0,293
Уравновешенность	Наличие представлений о будущем	ближайшее	0,407
		среднесрочное	0,350
		долгосрочное	0,413

Шкала	Показатели образа будущего		Коэффициент корреляции
	Изменение будущего через 5–10 лет в лучшую сторону		0,327
	Успешность в сфере жизни	профессиональная	0,293
		сексуальная	0,271
		эмоциональная	0,257
Застенчивость	Наличие представлений о будущем	ближайшее	–0,313
		среднесрочное	–0,272
	Успешность в сфере жизни	профессиональная	–0,257
		семейная	–0,260
		сексуальная	–0,360
		эмоциональная	–0,319
	духовная	–0,433	
Экстраверсия	Наличие представлений о будущем	ближайшее	0,354
		среднесрочное	0,250
	Изменение будущего через 5–10 лет в лучшую сторону		0,316
	Успешность в сфере жизни	профессиональная	0,352
		семейная	0,330
		эмоциональная	0,274
Эмоциональная лабильность	Наличие представлений о будущем	ближайшее	–0,524
		среднесрочное	–0,533
		долгосрочное	–0,447
	Изменение будущего через 5–10 лет в лучшую сторону		–0,258
	Значимость семейной сферы жизни		–0,230
	Успешность в сфере жизни	профессиональная	–0,434
		семейная	–0,367
		сексуальная	–0,387
		эмоциональная	–0,309
		духовная	–0,256
интеллектуальная		–0,232	
Маскулинность	Наличие представлений о будущем	ближайшее	0,252
		долгосрочное	0,246
	Успешность в сфере жизни	сексуальная	0,270
		эмоциональная	0,228

респондентов быть в полной мере удовлетворенными своей жизнью, а будущие позитивные изменения для них кажутся маловероятными. Аналогичные корреляции выявлены с такими качествами, как раздражительность, застенчивость и эмоциональная лабильность. Следовательно, неустойчивое эмоциональное состояние со склонностью к невротизации не способствует позитивной оценке будущего.

Уравновешенность (устойчивость к стрессу) позволяет респондентам прогнозировать собственное будущее на краткосрочные ($r = 0,407$; $p \leq 0,05$), среднесрочные ($r = 0,35$; $p \leq 0,01$) и долгосрочные ($r = 0,413$; $p \leq 0,01$) перспективы. Респонденты с высокими показателями по этой шкале видят позитивные изменения в своем будущем через 5–10 лет

($r = 0,327$; $p \leq 0,01$). Они удовлетворены своими успехами в профессиональной ($r = 0,293$; $p \leq 0,01$), сексуальной ($r = 0,271$; $p \leq 0,05$) и эмоциональной ($r = 0,257$; $p \leq 0,05$) сферах жизни. Уверенность в себе, оптимистичность и активность позволяют этим испытуемым положительно оценивать собственное будущее, видеть возможность позитивных изменений в нем, что также способствует развитию чувства удовлетворенности собственными успехами.

Экстраверсия дает возможность респондентам иметь представления о ближайшем ($r = 0,534$; $p \leq 0,01$) и среднесрочном будущем ($r = 0,25$; $p \leq 0,05$). Экстраверты удовлетворены своими успехами в профессиональной ($r = 0,352$; $p \leq 0,01$), семейной ($r = 0,33$;

$p \leq 0,01$) и эмоциональной ($r = 0,247$; $p \leq 0,05$) сферах жизни. Экстравертированность, связанная с общительностью и открытостью, позволяет респондентам быть уверенными в будущем и в собственных успехах. Аналогичные корреляционные связи отмечены с маскулинностью, которая характеризуется спокойностью, взвешенностью, стойкостью и способствует развитию позитивных взглядов на будущее и удовлетворенности успехами в жизни.

Следующим шагом стало изучение различий в детерминации образа будущего в юношеском и молодом возрасте. Были установлены корреляционные взаимосвязи степени ориентации на будущее и личностных характеристик респондентов. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 2.

жизненные ситуации) и склонность к невротизации.

Таким образом, можно составить своеобразный психологический портрет представителя юношеского возраста с высокой степенью ориентации на будущее.

Лицо юношеского возраста, имеющее достаточно четкие представления о будущем, склонное ставить цели и составлять планы на будущее, имеет положительный взгляд на природу человека. Его характеризует естественная симпатия и доверие к людям, ориентация на гармоничные, искренние и доброжелательные отношения с людьми. Такой человек оптимистичен, активен, уверен в себе и устойчив к стрессу. Обладает творческим отношением к жизни.

В молодом возрасте степень ориентации на будущее связана с уравновешенностью,

Таблица 2

Различия в детерминации степени ориентации на будущее в юношеском и молодом возрасте

	Личностные характеристики	Коэффициент корреляции		Вероятность ошибки	
		Юношеский возраст	Молодой возраст	Юношеский возраст	Молодой возраст
Степень ориентации на будущее	Невротичность	-0,386	-0,351	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,05$
	Уравновешенность	0,366	0,430	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$
	Положительный взгляд на природу человека	0,430		$p \leq 0,01$	
	Депрессивность		-0,533		$p \leq 0,01$
	Застенчивость	-0,383		$p \leq 0,05$	
	Эмоциональная лабильность		-0,491		$p \leq 0,01$
	Экстраверсия	0,326		$p \leq 0,05$	
	Креативность	0,334		$p \leq 0,05$	
	Самопонимание		0,459		$p \leq 0,01$
	Стремление к самоактуализации		0,401		$p \leq 0,01$
	Ориентация во времени		0,474		$p \leq 0,01$
	Ценности		0,416		$p \leq 0,01$
	Аутосимпатия		0,310		$p \leq 0,05$
	Контактность		0,318		$p \leq 0,05$

Результаты корреляционного анализа показали, что степень ориентации на будущее в юношеском и молодом возрасте детерминирована разными психологическими характеристиками.

В юношеском возрасте степень ориентации на будущее связана с уравновешенностью, положительным взглядом на природу человека, экстраверсией и креативностью. Препятствием на пути постановки целей и планов на будущее является застенчивость (предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные

самопониманием, стремлением к самоактуализации, ориентацией во времени, ценностными ориентациями, аутосимпатией и контактностью.

Позитивной оценке будущего у лиц молодого возраста не способствует депрессивность, неустойчивость эмоционального состояния, повышенная возбудимость, раздражительность и недостаточная саморегуляция.

Таким образом, представитель молодого возраста с высокой степенью ориентации

на будущее активно старается раскрыть и реализовать свой личностный потенциал, он чувствителен к своим желаниям и потребностям, не склонен подменять собственные вкусы, оценки и ценности внешними социальными стандартами. Оптимистичен, уверен в себе, устойчив к стрессу, способен к формированию стабильных и доброжелательных отношений с окружающими. Молодой человек разделяет ценности и традиции самоактуализирующейся личности, к числу которых относятся справедливость, уникальность, свершения, самодостаточность и др. Это цельная личность с хорошо осознаваемой Я-концепцией, адекватной и устойчивой самооценкой, понимающая экзистенциальную ценность жизни в целом.

Выводы

1. У лиц юношеского и молодого возраста присутствуют представления о ближайшем, среднесрочном и долгосрочном будущем. Однако восприятие долгосрочных перспектив у лиц юношеского возраста выражено слабее, юноши менее ориентированы на долгосрочное будущее, меньше уделяют внимание разработке планов.

2. Представители юношеского и молодого возраста в большей степени ориентированы на настоящее. Однако юношам оно видится независимым от собственной воли и предопределенным, а лица молодого возраста хорошо понимают экзистенциальную ценность жизни в целом: жизнь в настоящем и в будущем представляется им интересной и насыщенной смыслом.

3. Для лиц молодого возраста семейная сфера в будущем более значима, чем для лиц юношеского возраста. Кроме того, для лиц молодого возраста в будущем необходима удовлетворенность успехами в семейной, сексуальной, эмоциональной и физической сферах.

4. Развитию позитивных взглядов на будущее и удовлетворенности успехами в различных сферах жизни способствуют уравновешенность (оптимизм, уверенность в себе и стрессоустойчивость), а также экстравертированность и маскулинность.

5. Неустойчивое эмоциональное состояние личности со склонностью к невротизации не способствует позитивной оценке будущего и удовлетворенности различными сферами жизни.

6. Степень ориентации на будущее в юношеском и молодом возрасте детерминирована разными психологическими характеристиками:

- в юношеском возрасте — уравновешенностью, положительным взглядом на природу человека, экстраверсией и креативностью;
- в молодом возрасте — самопониманием, стремлением к самоактуализации, ориентацией во времени, ценностными ориентациями, аутосимпатией и контактностью.

Заключение

Системно-психологический анализ образа будущего показал, что его восприятие является важной экзистенциальной характеристикой личности как в юношеском, так и в зрелом возрасте. Степень ориентации на будущее, особенности образа будущего во многом зависят от индивидуальных и возрастных особенностей личности. В исследовании обнаружены характерные для обозначенных возрастных групп особенности и детерминанты, определяющие образ будущего.

Знание указанных особенностей, их учет в практике психологического консультирования и просвещения может помочь в работе с личностью в процессе планирования деятельности, постановки целей и задач на будущее и их успешной реализации.

Литература

1. Абрамов С. В. Социокультурная и психосоциальная обусловленность образа будущего в сознании общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 1. С. 16–19.
2. Абрамова С. Б. Образ будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 3. С. 97–106.

3. Барабанщиков В. А. Принцип системности в современной психологии // Психология. 2004. № 3. С. 3–17.
4. Белогай К. Н., Бугрова Н. А. Образ будущего у старших подростков: межполовые различия // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 86–104.
5. Данилова Н. С. Целевая составляющая образа будущего в юношеском возрасте // Научные исследования XXI века. 2020. № 1 (3). С. 394–400.
6. Дудина О. М., Алексеев М. О. Образ будущего и жизненные стратегии современной студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 8–14.
7. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.
8. Канищева М. А. Особенности образа будущего у студентов с разным уровнем субъективного контроля: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2016. 22 с.
9. Канищева М. А., Жукова В. И., Саенко Д. М. Осмысленность жизни как параметр образа будущего студентов с разным уровнем субъективного контроля [Электронный ресурс] // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход: материалы VII Всероссийской конференции с международным участием, 23–25 ноября 2017 г. / под ред. П. В. Ткаченко. Ч. 1. Курск: КГМУ, 2017. 1 CD/R. С. 156–160.
10. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис, 2003. 480 с.
11. Колда А. А. Образ желаемого будущего у подростков из больших и малых городов // Психология — наука будущего: материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология — наука будущего», 14–15 ноября 2017 года, Москва / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2017. С. 381–385.
12. Корягина К. А. Половые различия в восприятии образа будущего и в мотивационной сфере студентов вузов // Международный студенческий научный вестник: сетевое издание. 2019. № 1. С. 81.
13. Обозов Н. Н., Полежаева О. Д. Принципы системного подхода в психологии как основного инструмента познания психики в концепции Б. Ф. Ломова // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / отв. ред.: А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2017. С. 289–295.
14. Озеров А. А. Образ будущего в контексте проблем социума // Право и образование. 2019. № 9. С. 18–25.
15. Рыжов Б. Н. Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
16. Серякова С. Б., Звонова Е. В., Антонова У. А. Образ будущего в планировании карьеры молодыми сотрудниками // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 69–77.
17. Скворцов Н. Г., Безрукова О. Н., Шилкина Н. Е. Молодежь XXI века: образ будущего // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 148–150.
18. Тавасиева А. М., Тавасиева З. Р. Образ будущего и профессиональная ориентация молодежи: успешность и самореализация // Психология и педагогика XXI века. Современные проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 марта 2018 г., г. Оренбург): в 2 ч. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Ч. 2. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 158–162.
19. Тихонова А. А. Взаимосвязь образа будущего я с мотивацией к саморазвитию в возрасте юности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2015. 23 с.
20. Шелкопляс Е. В. Образ будущего: духовный, социальный и нравственный аспекты // На пути к гражданскому обществу. 2017. № 2 (26). С. 95–110.
21. Шилова Н. П., Бруданов П. П. Изменение представлений об образе будущего в юношеском возрасте // Психолог. 2020. № 4. С. 45–59.
22. Arnett J. J., Padilla-Walker L. M. Brief report: Danish emerging adults' conceptions of adulthood // Journal of Adolescence. 2015. Vol. 38. P. 39–44. DOI: 10.1016/j.adolescence.2014.10.011
23. Badger S., Nelson L. J., Barry C. M. Perceptions of the transition to adulthood among Chinese and American emerging adults // International Journal of Behavioral Development. 2006. Vol. 30. № 1. P. 84–93. DOI: 10.1177/0165025406062128
24. Hirsch D. Constructions and interpretations in adolescence: From the future anterior to the re-composed past // Adolescence. 2011. Vol. HS 1. Issue 5. P. 189–199. DOI: 10.3917/ado.hs01.0189
25. Kelly G. A. A theory of personality: The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1963, 208 p.
26. Porcelli C., Palumbo A. Adolescence between Past and Future // Adolescent Health and Wellbeing. November 2019. P. 273–284. DOI: 10.1007/978-3-030-25816-0_13

27. Ramatov J., Rakhmanova S., Yunusova N. S. Philosophical analysis of socio-economic forecasting of the future // *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 2020. Vol. 24. Special Issue 1. P. 991–999. DOI: 10.37200/IJPR/V24SP1/PR201244
28. Seginer R., Lilach E. How adolescents construct their future: the effect of loneliness on future orientation // *Journal of Adolescence*. 2004. Vol. 27. № 6. P. 625–643. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.05.003
29. Tikkanen J. Concern or confidence? Adolescents' identity capital and future worry in different school contexts // *Journal of Adolescence*. 2015. Vol. 46. P. 14–24. DOI: 10.1016/j.adolescence.2015.10.011

References

1. Abramov S. V. Sociokul'turnaya i psixosocial'naya obuslovlennost' obraza budushhego v soznanii obshhestva [Sociocultural and psychosocial conditionality of the image of the future in the consciousness of society] // *Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2019. № 1. P. 16–19.
2. Abramova S. B. Obraz budushhego v predstavleniyax sovremenny'x podrostkov: ozhidaniya i straxi [The image of the future in the representations of modern adolescents: expectations and fears] // *Logos et Praxis* [Logos et Praxis]. 2017. Vol. 16. № 3. P. 97–106.
3. Barabanshnikov V. A. Princip sistemnosti v sovremennoj psixologii [The principle of consistency in modern psychology] // *Psixologiya* [Psychology]. 2004. № 3. P. 3–17.
4. Belogaj K. N., Bugrova N. A. Obraz budushhego u starshix podrostkov: mezhpолоvy'e razlichiya [The image of the future in older adolescents: intersex differences] // *Psixologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research]. 2020. Vol. 12. № 1. P. 86–104.
5. Danilova N. S. Celevaya sostavlyayushhaya obraza budushhego v yunosheskom vozraste [The target component of the image of the future in adolescence] // *Nauchny'e issledovaniya XXI veka* [Scientific research of the XXI century]. 2020. № 1 (3). P. 394–400.
6. Dudina O. M., Alekseev M. O. Obraz budushhego i zhiznenny'e strategii sovremennoj studencheskoj molodezhi [The image of the future and life strategies of modern student youth] // *Social'no-gumanitarny'e znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2019. № 10. P. 8–14.
7. Zheltikova I. V. Issledovaniya budushhego i mesto v nix koncepta «obraz budushhego» [Future studies and the place of the concept “image of the future” in them] // *Filosofskaya my'sl'* [Philosophical Thought]. 2020. № 2. P. 15–32.
8. Kanishheva M. A. Osobnosti obraza budushhego u studentov s razny'm urovnem sub`ektivnogo kontrolya: avtoreferat dis. ... kand. psixol. nauk [Features of the image of the future for students with different levels of subjective control. Abstract of the dissertation of the candidate of psychological sciences] / *Yuzh. feder. un-t. Rostov-na-Donu*, 2016. 22 p.
9. Kanishheva M. A., Zhukova V. I., Saenko D. M. Osmy'slennost' zhizni kak parametr obraza budushhego studentov s razny'm urovnem sub`ektivnogo kontrolya [The meaningfulness of life as a parameter of the image of the future of students with different levels of subjective control] // *Psixologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psixologicheskij podhod: materialy VII Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem* [In the collection: Psychology of health and disease: a clinical and psychological approach. materials of the VII All-Russian Conference with international participation], 23–25 nojabrja 2017 g. / pod red. P. V. Tkachenko. Ch. 1. Kursk: KGMU, 2017. 1 CD/R. P. 156–160.
10. Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva [Imaginary establishment of society]. M.: Gnozis, 2003. 480 p.
11. Kolda A. A. Obraz zhelaemogo budushhego u podrostkov iz bol'shix i malyx gorodov [The image of the desired future in adolescents from large and small cities] // *Psixologiya — nauka budushhego: materialy VII Mezhdunarodnoj konferencii molody'x ucheny'x «Psixologiya — nauka budushhego»* [In the collection: Psychology — science of the future. Materials of the VII International Conference of Young Scientists “Psychology — the science of the future”], 14–15 nojabrja 2017 goda, Moskva / pod red. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko. M.: Izd-vo Instituta psihologii RAN, 2017. P. 381–385.
12. Koryagina K. A. Polovy'e razlichiya v vospriyatii obraza budushhego i v motivacionnoj sfere studentov vuzov [Gender differences in the perception of the image of the future and in the motivational sphere of university students] // *Mezhdunarodny'j studencheskij nauchny'j vestnik* [International Student Scientific Bulletin]: setevoe izdanie. 2019. № 1. P. 81.

13. Obozov N. N., Polezhaeva O. D. Principy` sistemnogo podxoda v psixologii kak osnovnogo instrumenta poznaniya psixiki v koncepcii B. F. Lomova [Principles of a systematic approach in psychology as the main tool for cognition of the psyche in the concept of B. F. Lomov] // Fundamental`ny`e i prikladny`e issledovaniya sovremennoj psixologii. Rezul`taty` i perspektivy` razvitiya [In the collection: Fundamental and applied research of modern psychology. Results and prospects of development] / otv. red.: A. L. Zhuravl'jov, V. A. Kol'cova. M.: Izd-vo Instituta psixologii RAN, 2017. P. 289–295.
14. Ozerov A. A. Obraz budushhego v kontekste problem sociuma [Image of the future in the context of problems of society] // Pravo i obrazovanie [Law and Education]. 2019. № 9. P. 18–25.
15. Ry`zhov B. N. Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
16. Seryakova S. B., Zvonova E. V., Antonova U. A. Obraz budushhego v planirovanii kar'ery` molody`mi sotrudnikami [The image of the future in career planning by young employees] // Chelovecheskij capital [Human capital]. 2020. № 8 (140). P. 69–77.
17. Skvorcov N. G., Bezrukova O. N., Shilkina N. E. Molodezh` XXI veka: obraz budushhego [Youth of the XXI century: the image of the future] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2020. № 3. P. 148–150.
18. Tavasieva A. M., Tavasieva Z. R. Obraz budushhego i professional`naya orientaciya molodezhi: uspešnost` i samorealizaciya [The image of the future and professional orientation of youth: success and self-realization] // Psixologiya i pedagogika XXI veka. Sovremenny`e problemy` i perspektivy`. sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii [In the collection: Psychology and pedagogy of the XXI century. Modern problems and prospects. collection of articles of the International Scientific and Practical Conference] (15 marta 2018 g, g. Orenburg): v 2 ch. / otv. red. A. A. Sukiasjan. Ch. 2. Ufa: AJeTERNA, 2018. P. 158–162.
19. Tixonova A. A. Vzaimosvyaz` obraza budushhego ya s motivaciej k samorazvitiyu v vozraste yunosti: avtoreferat dis. ... kand. psixol. nauk [The relationship of the image of the future self with motivation for self-development at the age of youth. Abstract of the dissertation of the candidate of psychological sciences]. Kazan`, 2015. 23 p.
20. Shelkopyas E. V. Obraz budushhego: duxovny`j, social`ny`j i npravstvenny`j aspekty` [Image of the future: spiritual, social and moral aspects] // Na puti k grazhdanskomu obshhestvu [On the way to civil society]. 2017. № 2 (26). P. 95–110.
21. Shilova N. P., Brudanov P. P. Izmenenie predstavlenij ob obraze budushhego v yunosheskom vozraste [Changing ideas about the image of the future in adolescence] // Psixolog [Psychologist]. 2020. № 4. P. 45–59.
22. Arnett J. J., Padilla-Walker L. M. Brief report: Danish emerging adults' conceptions of adulthood // Journal of Adolescence. 2015. Vol. 38. P. 39–44. DOI: 10.1016/j.adolescence.2014.10.011
23. Badger S., Nelson L. J., Barry C. M. Perceptions of the transition to adulthood among Chinese and American emerging adults // International Journal of Behavioral Development. 2006. Vol. 30. № 1. P. 84–93. DOI: 10.1177/0165025406062128
24. Hirsch D. Constructions and interpretations in adolescence: From the future anterior to the re-composed past // Adolescence. 2011. Vol. HS 1. Issue 5. P. 189–199. DOI: 10.3917/ado.hs01.0189
25. Kelly G. A. A theory of personality: The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1963, 208 p.
26. Porcelli C., Palumbo A. Adolescence between Past and Future // Adolescent Health and Wellbeing. November 2019. P. 273–284. DOI: 10.1007/978-3-030-25816-0_13
27. Ramatov J., Rakhmanova S., Yunusova N. S. Philosophical analysis of socio-economic forecasting of the future // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Vol. 24. Special Issue 1. P. 991–999. DOI: 10.37200/IJPR/V24SP1/PR201244
28. Seginer R., Lilach E. How adolescents construct their future: the effect of loneliness on future orientation // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27. № 6. P. 625–643. DOI: 10.1016/j.adolescence.2004.05.003
29. Tikkanen J. Concern or confidence? Adolescents' identity capital and future worry in different school contexts // Journal of Adolescence. 2015. Vol. 46. P. 14–24. DOI: 10.1016/j.adolescence.2015.10.011

УДК 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.3

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗДОРОВЬЕ У МУЖЧИН НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ВЗРОСЛОСТИ

В. В. Лемиш,
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск,
verlem2004@yandex.ru

В статье представлен системный анализ теоретических аспектов и результатов эмпирических исследований особенностей социальных представлений о здоровье среди мужчин. Выявлен ряд современных тенденций в концептуальных подходах к здоровью: биомедицинскую парадигму сменила гуманитарная модель; здоровье стали рассматривать с позиций возможности самореализации человека в социуме; отношение к здоровью и здоровьесохранительное поведение взрослых мужчин в значительной степени определяется стереотипами маскулинности; новые перспективы в осмыслении особенностей здоровьесохранительного поведения мужчин связаны с принципом развития. Вклад онтогенетического фактора в отношение к здоровью и здоровьесохранительное поведение подтвержден эмпирическими исследованиями отечественных и зарубежных авторов.

Системный анализ исследований отношения к здоровью на разных этапах взрослости показал, что, несмотря на признание ценности здоровья и понимание роли здорового образа жизни, поведение мужчин в целом характеризуется дефицитом ответственного отношения к своему здоровью.

Реальное ответственное отношение к здоровью формируется постепенно и максимально проявляется лишь в период поздней взрослости. При этом мужчины на всех этапах онтогенеза в большей степени, чем женщины, склонны к саморазрушительному поведению и недооценке влияния собственных усилий на здоровье. Их поведение, связанное с поддержанием и сохранением здоровья в значительной степени, определяется стереотипами маскулинности.

Ключевые слова: системный анализ; представление мужчин о здоровье; ранняя взрослость; средняя взрослость; поздняя взрослость; полоролевые стереотипы; здоровьесохранительное поведение.

Для цитаты: Лемиш В. В. Системный анализ социальных представлений о здоровье у мужчин на разных этапах взрослости // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 30–47. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.3

Лемиш Вера Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Омск.
E-mail: *verlem2004@yandex.ru*
ORCID: 0000-0001-7165-5248

UDC 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.3

SYSTEM ANALYSIS OF SOCIAL PERCEPTIONS OF HEALTH IN MEN AT DIFFERENT STAGES OF ADULTHOOD

V. V. Lemish,
Dostoevsky OmSU, Omsk,
verlem2004@yandex.ru

The article presents a system analysis of theoretical aspects and the results of empirical studies of the peculiarities of social perceptions of health among men. A number of modern trends in conceptual approaches to health have been identified: the biomedical paradigm has been replaced by the humanitarian model; health

© Лемиш В. В., 2022

has been viewed from the standpoint of the possibility of human self-realization in the society; the attitude to health and health-preserving behavior of adult men is largely determined by masculinity stereotypes; new perspectives in understanding the features of men's health-preserving behavior are associated with the principle of development. The contribution of the ontogenetic factor to the attitude to health and health-preserving behavior is confirmed by empirical studies of domestic and foreign authors.

A system analysis of the attitude to health research at different stages of adulthood has shown that, despite the recognition of the value of health and understanding of the role of a healthy lifestyle, men's behavior as a whole is characterized by a lack of a responsible attitude to their health. A responsible attitude to health is formed gradually and is maximally manifested only during late adulthood. At the same time, at all stages of ontogenesis men are more than women inclined to self-destructive behavior and underestimating the impact of their own efforts on health. Their behavior, related to maintaining and preserving health, is largely determined by masculinity stereotypes.

Keywords: system analysis; men's perception of health; early adulthood; middle adulthood; late adulthood; gender role stereotypes; health-preserving behavior.

For citation: Lemish V. V. System analysis of social perceptions of health in men at different stages of adulthood // Systems psychology and sociology. 2022. № 1 (41). P. 30–47. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.3

Lemish Vera Vasilievna, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor. Associate professor at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology of the Dostoevsky Omsky State University, Omsk, Russia.

E-mail: verlem2004@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7165-5248

Введение

Здоровье является безусловной базовой ценностью как отдельного человека, так и общества в целом, тем главным ресурсом, на основе которого возможно полноценное развитие. Среди проблем в области сохранения здоровья выявлен так называемый гендерный парадокс: женщины болеют чаще, мужчины умирают раньше. Данный феномен вызвал научный интерес к проблеме медиков, социологов, психологов.

Сегодня есть понимание, того, что здоровье человека зависит не только (и даже не столько) от усилий медицины, сколько от здоровьесохранительного поведения самого человека. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), лишь 8–10 % здоровья зависят от здравоохранения и 50 % — от образа жизни. Следовательно, объяснение гендерного парадокса необходимо искать прежде всего в субъективных аспектах регуляции поведения.

Одним из таких регуляторов являются социальные представления человека о здоровье. Содержание данных представлений определяется как социальным контекстом, так и индивидуальным опытом. И если социальный

контекст во многом связан с научными парадигмами здоровья, а также существующими в обществе стереотипами, то индивидуальный опыт — с этапами жизни человека. Таким образом, целостное понимание природы гендерного парадокса невозможно вне рассмотрения представлений мужчин о здоровье на разных этапах онтогенеза. Научному осмыслению вклада социальных представлений в здоровьесохранительное поведение может способствовать системный подход [33: с. 66]. Системный анализ позволяет выявить не только структурные элементы и взаимосвязи между ними, но и стадии развития системы. Вместе с тем данный аспект проблемы практически не изучен.

Развитие научных представлений о здоровье в XX веке

Научное понимание феномена здоровья существенно изменилось в XX в. Современное содержание понятия «здоровье» расширилось, включив в себя не только биологический, но и социальный, и психологический компоненты. Оно зафиксировано (и до сих пор остается неизменным) в преамбуле к уставу ВОЗ, приня-

тому в 1946 г.: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»¹.

Переход от биомедицинской парадигмы к гуманитарной способствовал смещению смыслового акцента научных исследований: от изучения болезни (традиционной сферы медицины) к изучению феномена здоровья; от изучения болезни организма к изучению здоровья человека. Объектом научных исследований стали не только соматические, но и социальные, и психологические аспекты здоровья.

В результате исследований социологов, медиков, психологов выявлено, что отношение к здоровью как к ценности зависит от различных факторов: уровня образования [35], семейного статуса [4], места проживания (регион/город/село) [20], экономической ситуации в стране [10], религиозных убеждений [1], оценки собственной уязвимости перед факторами, связанными с риском для здоровья [45], уровня самоактуализации [16], расовой принадлежности [50], менталитета, обусловленного этнической принадлежностью [44].

Еще одно направление изменений связано с рассмотрением здоровья и болезни с позиций функционирования человека в социальной реальности, возможности продолжать жить и жить полноценно, несмотря на болезнь. «Ставя больному тот или иной диагноз на основе обследования, врач, по сути, обозначает биологическое отклонение на языке отклонения социального» [28: с. 14]. Недуг, особенно недуг тяжелый, может коренным образом изменить жизнь человека, требуя от него выработки новой стратегии поведения.

При таком подходе смысловой акцент перемещается на «независимость человека от ограничений, задаваемых его собственной телесностью» [43: с. 72]. Как отмечает Б. Г. Юдин, если традиционное осмысление

понятия «здоровье» связывалось с лечением недуга, то сегодня (без утраты данного контекста) все более значимым становится и другой аспект его осмысления: здоровье рассматривается как ресурс, потенциал человека, от которого зависит возможность его самореализации, определяющей качество жизни. С этой точки зрения выздоровление связано не только с избавлением от болезненных симптомов, но и с восстановлением возможностей человека полноценно функционировать в обществе, его духовным развитием. Иначе говоря, человек тем более здоров, чем шире у него возможности для реализации имеющихся ресурсов. Соответственно, сегодня понимание здоровья связано не только с негативным дискурсом: «как “здоровья от” — в смысле свободы от болезни, но и как “здоровья для” — в смысле тех возможностей действовать, реализовывать себя, которые открыты человеку, поскольку он здоров» [43: с. 82].

Неотъемлемой составляющей современных научных знаний о здоровье человека стали исследования в области психологии. Именно в XX в. сформировалось особое научное направление — «Психология здоровья», — ключевые вопросы которого связаны с изучением факторов, влияющих на отношение к своему здоровью, на здоровьесохранительное поведение. Психологические аспекты проблемы здоровья анализируются и в рамках других отраслей психологии.

Современное понимание здоровья тесно связано с понятием здорового образа жизни, предполагающего принятие человеком ответственности за свое здоровье, за выбор и контроль своего поведения, влияющего на здоровье. Именно в здоровом образе жизни проявляется субъектность человека [30].

Отношение человека к своему здоровью рассматривается как механизм саморегуляции. Однако развитие данного механизма — процесс длительный: он начинает выполнять свою регуляторную функцию лишь на определенном этапе онтогенеза и по мере накопления опыта совершенствуется. При этом важную роль играет (помимо индивидуальных особенностей) социальная среда [36].

В данном контексте конструктивной представляется идея М. Г. Чесноковой,

¹ Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // Documentation of WHO for Executive Board sessions and Health Assemblies = Документы на официальном сайте Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 17.10.2021). С. 1.

которая предлагает рассматривать здоровье человека как высшую психическую функцию (ВПФ). Автор исходит из идеи Л. С. Выготского, который к ВПФ относил все культурные формы поведения человека. Социальная природа здоровья проявляется не только в интериоризации норм и форм здоровьесохранительного поведения, но и в способности творчески преобразовывать эти формы в соответствии с индивидуальными особенностями. М. Г. Чеснокова рассматривает здоровье как открытую систему, на развитие которой существенное влияние оказывает социальная среда. При этом интериоризация норм и форм здоровьесохранительного поведения имеет определенные этапы. «В индивидуальном сознании представление о здоровье проходит ряд стадий: осознание здоровья как инструментальной ценности; осознание здоровья как цели; осознание здоровья как способа существования. Последняя стадия предполагает обретение человеком своего индивидуального жизненного стиля» [40: с. 29].

Таким образом, данный подход позволяет рассматривать здоровье как продукт онтогенетического развития, связанного с осознанной регуляцией здоровьесохранительной деятельности. Косвенным подтверждением этой идеи являются данные, свидетельствующие о том, что образование является одной из главных социальных детерминант здоровья. Продолжительность жизни образованных людей выше, и они меньше болеют [4].

Понимание здоровья, как ВПФ, помимо социального происхождения, предполагает характеристику опосредованности и произвольности. Опосредованность рассматривается как способность прогнозирования последствий своих поступков и возможность конструктивного анализа собственных ошибок [18]. Произвольность проявляется в способности регулировать свое здоровьесохранительное поведение.

Таким образом, развитие научных представлений о здоровье связано, прежде всего, со сменой концептуального подхода: традиционную биомедицинскую парадигму сменила гуманитарная модель, что привело к расширению содержания самого понятия «здоровье», которое стало включать не только биологическую, но и социальную, а также

психологическую составляющие. Здоровье сегодня рассматривается с позиций эффективности функционирования человека в социальной реальности. Психологические аспекты, объясняющие поведение человека в отношении своего здоровья, являются неотъемлемой частью современного научного знания о здоровье. Одно из направлений психологических исследований в данном контексте связано с изучением здоровья сквозь призму принципа развития, разработанного в отечественной психологии Л. С. Выготским. Здоровье рассматривается как культурная форма здоровьесохранительного поведения, которая формируется в процессе взаимодействия человека с социальной средой и, соответственно, имеет свои особенности на разных этапах онтогенеза.

Отношение к здоровью на разных этапах взрослости

Научное объяснение поведения человека в отношении своего здоровья не может быть осуществлено вне анализа возрастного контекста. Интерес к этапам взрослости обусловлен тем, что если в детстве контроль и, следовательно, ответственность за здоровье своих детей несут родители, то по достижении взрослости эти функции осуществляются самим человеком. Именно взрослые в полной мере несут ответственность за свое здоровье.

Современные исследования возрастных аспектов, связанных со здоровьем на различных этапах взрослости, касаются таких проблем, как ценность здоровья, отношение к здоровому образу жизни (ЗОЖ), представление о здоровье. При этом следует отметить неравномерность изученности обозначенных аспектов и отношения к ним людей разных возрастов. Большинство исследований выполнено на студенческих выборках. Исследования представителей средней взрослости, как правило, связаны с проблемами здоровья, которые обусловлены профессиональной деятельностью. Что же касается этапа поздней взрослости, то здесь преобладают исследования медицинских аспектов здоровья; исследования психологических аспектов мизерны.

Анализ научных публикаций показал, что все взрослые, независимо от этапа онтогенетического развития, признают ценность здоровья. Вместе с тем обнаружены и существенные различия в представлениях о своем здоровье и в отношении к нему.

В исследованиях отношения молодежи к здоровью выделены две тенденции. Во-первых, молодежь меньше других склонна заботиться о своем здоровье. Данный факт объясняют тем, что представления о здоровье в этом возрасте «во многом стихийны и нерелексивны» [11: с. 115]. Вместе с тем именно степень осознанности определяет выработку стратегии поведения. А поскольку молодые люди в большинстве своем еще не имеют серьезного опыта переживания болезни, то представление о здоровье у них в значительной мере обусловлено малоосознаваемыми установками.

Во-вторых, именно молодежь склонна к «экспериментированию» в области здоровья и, как следствие, в большей степени подвержена социальным болезням: наркомании, алкоголизму, СПИДу и др. Данную тенденцию исследователи связывают со вступлением во взрослую жизнь, освобождением от контроля родителей [11].

Выявленные тенденции свидетельствуют о незрелости, несформированности здоровьесохранительного поведения, что может негативно сказываться на состоянии здоровья в дальнейшем.

Однако, как показали исследования А. Е. Завьялова [14], уже после 25 лет отношение к своему здоровью становится более ответственным и объективным (по сравнению с 18–24-летними людьми). Автор объясняет данный факт тем, что в этот период успешность в жизни, на работе и в семье все больше связывается с состоянием здоровья. Поэтому, начиная испытывать проблемы со здоровьем, молодые мужчины и женщины пытаются его восстановить.

Ряд зарубежных авторов полагает, что возраст от 18 до 25 лет является отдельной жизненной фазой. Начавшаяся зрелость характеризуется изменением жизненных обстоятельств, личностным ростом и проявлением определенного образа жизни. По сравнению

с другими возрастными группами молодые люди склонны употреблять больше алкоголя, табака и наркотиков. Следовательно, этот жизненный этап является уязвимым и критическим периодом, когда специально организованные мероприятия в области охраны здоровья могут способствовать формированию здорового образа жизни [46].

Как уже отмечалось, психологические аспекты здоровья периода средней взрослости изучаются преимущественно в связи с профессиональной деятельностью. Исследования, отражающие возрастную специфику, представлены недостаточно. Одна из немногих работ, в которой проведен сравнительный анализ различных параметров здорового образа жизни, личностных характеристик и показателей качества жизни в период средней и ранней взрослости (возраст респондентов от 20 до 60 лет), принадлежит И. Р. Муртазиной [26]. Результаты данного исследования показали, что в период средней взрослости происходит снижение уровня жизненной активности, общее состояние здоровья ухудшается, появляется ощущение обесценности. На психологическом уровне наблюдается снижение стремления к развитию внутренних ресурсов, реже ставятся перед собой новые жизненные цели, снижается открытость новому опыту.

Многочисленные статистически значимые корреляционные связи между личностными факторами и параметрами ЗОЖ, выявленные в процессе исследования, позволили И. Р. Муртазиной сделать вывод о том, что здорового образа жизни склонны придерживаться «взрослые с высоким уровнем самосознания, культуры общения, толерантности к другим людям, эмоциональной стабильности и открытости опыту» [26: с. 8].

В период поздней взрослости происходит дальнейшее объективное, связанное со старением организма, снижение физического здоровья. При этом чем старше человек, тем выше риски увеличения у него числа хронических заболеваний. Мультиморбидность — типичная характеристика данного возрастного этапа. Проблема ухудшения здоровья существенно влияет на жизнь стареющих людей: на возможности самореализации, на качество

жизни в целом. «Особенностью пожилых больных является и то, что при большинстве заболеваний, встречающихся в этом возрасте, они, с одной стороны, не могут выздороветь, с другой — хотят полноценной, достаточно высокого качества жизни» [27: с. 61].

Данное противоречие ставит перед стареющим человеком психологическую задачу научиться жить с неизбежными физическими недугами, избегая при этом излишнего погружения в них. Успешное разрешение этой психологической задачи (задачи развития) является одним из важных условий адаптивного или успешного старения [19].

Современные исследования свидетельствуют о том, что именно оценки здоровья (объективные и субъективные) определяют удовлетворенность качеством жизни в период поздней зрелости. При этом «качество жизни в поздних возрастах зависит не столько от количества различных проблем, сколько от наличия внешних и внутренних ресурсов, копинг-стратегий, навыков решения проблем, которые могут помочь преодолеть трудности» [23: с. 60]. Возрастающую роль социальных и социально-психологических факторов подтверждает и исследование О. Ю. Стрижицкой [37], в котором выявлено, что по мере старения психологическое благополучие все больше зависит не от объективных медицинских показателей, а от социально-психологических показателей здорового образа жизни.

В научной литературе представлено немало данных, свидетельствующих о том, что вовлеченность в различные виды социальной активности влияет на самооценку здоровья пожилых людей. Так, например, пенсионеры, участвующие в различных образовательных программах, оценивают свое состояние здоровья выше, чем пассивные [6].

Сами пожилые люди воспринимают факт ухудшения здоровья как закономерный атрибут старения: «лишь 13,7 % людей возраста 50+... не удовлетворены своим здоровьем» [4]. При этом, как показывают исследования, именно пожилые люди наиболее ответственно относятся к профилактике хронических болезней. Выявлена тенденция, свидетельствующая о том, что чем старше человек, тем чаще он регулярно наблюдаются

у врача. Молодые (18–29 лет), даже при наличии одного или нескольких хронических заболеваний, к специалистам регулярно не обращаются [21].

По мере старения болезни все больше привносят в жизнь ограничения. Помимо соматических недугов возрастают риски ментальных проблем. С возрастом эта проблема становится более острой. Рефлексия нарастающих недугов, нежелание стать обузой приводит к переосмыслению жизненных приоритетов [39] и реальному изменению поведения в отношении собственного здоровья [19].

Таким образом, здоровье является одной из главных ценностей на разных этапах зрелости. Молодежь, зрелые и пожилые люди связывают здоровье со здоровым образом жизни. Однако на уровне реального поведения выявлены возрастные различия: чем старше человек, тем ответственнее он относится к своему здоровью. Данные различия связывают с влиянием объективного ухудшения здоровья с возрастом, собственным опытом болезни. Вместе с тем обращает на себя внимание следующий факт: несмотря на то что в процессе онтогенеза контроль своего здоровья возрастает, в целом для взрослого населения нашей страны характерен дефицит ответственного отношения к данной проблеме.

Вклад полоролевых стереотипов в формирование отношения мужчин к своему здоровью

Половая принадлежность оказывает существенное влияние на отношение к здоровью и продолжительность жизни. В качестве одного из существенных факторов полового диморфизма, сказывающегося на здоровье, исследователи отмечают гормональные различия. В частности, уровень мужского гормона тестостерона влияет на проявление агрессии, эмоциональные и поведенческие реакции на угрозу [15]. Кроме того, как свидетельствует медицинская статистика, среди мужчин больше распространены болезни, угрожающие жизни, которые при этом не сопровождаются четкой симптоматикой [9].

По мнению специалистов, биологический фактор, обуславливающий более низкую продолжительность жизни мужчин, составляет 1,9–2,1 года. Однако, как показывают статистические данные, разница в продолжительности жизни мужчин и женщин во всем мире значительно больше (в России 10 лет и более [21: с. 40]) и не может быть объяснена только половыми различиями.

Общепризнанно, что решающим фактором, определяющим отношение к здоровью, является не пол, а усвоенные полоролевые стереотипы, которые связаны с биологическим полом, но имеют социокультурную природу и формируются в процессе социализации [17].

При анализе социокультурных причин более ранней смертности мужчин акцент делается на двух гендерных стереотипах, обуславливающих отношения мужчин к своему здоровью. Первый связан с полоролевой семейной функцией: мужчина — добытчик, именно он обеспечивает финансовое благополучие семьи. Результаты современных исследований свидетельствуют о том, что мужчины чаще жертвуют своим здоровьем ради работы и, более того, считают это нормальным [12].

Показано, что свою лепту вносит экономическая ситуация в стране. Как отмечает Л. С. Шилова, реформы 90-х гг. XX столетия, существенно повлиявшие на социально-экономические условия жизни людей, привели к тому, что среди мужчин «возросло число тех, кто считает возможным пренебречь здоровьем ради достижения других целей... и уменьшилось число тех, кто придерживался мнения о равноценности здоровья, работы, развлечений»².

Второй стереотип маскулинности — мужчины не плачут, они должны стойко переносить все тяготы жизни. Данный стереотип имеет целый ряд негативных последствий, сказывающихся на здоровье мужчин. Во-первых, запрет на открытое выражение отрицательных эмоций увеличивает риски негативного влияния

стресса на сердечно-сосудистую систему. Неслучайно, как показывают исследования, мужчины, состоящие в браке, оказываются в более выгодном, благоприятном положении, поскольку «семья выполняет важнейшую защитную функцию в формировании здоровья мужчин, смягчая воздействие многих стрессогенных факторов» [9: с. 121]. Во-вторых, блокирует обращение за медицинской помощью, в результате чего «упускается время для диагностики и лечения» [38: с. 54]. Так, в исследовании И. П. Поповой выявлено, что мужчины в три раза чаще, чем женщины, ничего не предпринимают в связи с плохим самочувствием, а предпочитают ждать, когда все само собой пройдет [31]. Данная тенденция прослеживается и в европейских странах.

В-третьих, типичным является отказ мужчин от получения и использования информации о способах поддержания хорошего самочувствия, что в итоге влияет на стратегии поведения в отношении здоровья [31]. Более того, как показано в исследовании М. Л. Кубышкиной, Е. В. Казаковой, А. А. Гашевой [18], осведомленность о состоянии своего здоровья у мужчин (в отличие от женщин) не входит в структуру субъектной позиции в отношении здоровья. В исследовании А. О. Мусайгер [47] выявлено, что, несмотря на понимание большинством потребителей (95 %) вреда фаст-фуда для здоровья, мужчины его потребляют значительно чаще, чем женщины. В исследовании Т. Х. Зак и Д. К. Уайнс [48] показано, что мужчины в равной степени с женщинами признают важность профилактической медицины в области онкологии, однако на практике менее активно участвуют в программах по скринингу рака. Иначе говоря, знание о проблемах со здоровьем, важности профилактики заболеваний не является для мужчин побудительным фактором для активного оздоровительного поведения.

В-четвертых, указанный стереотип проявляется в самооценке здоровья. В частности, во многих исследованиях выявлена следующая устойчивая тенденция: мужчины оценивают свое здоровье выше, чем женщины [12], даже несмотря на более высокое бремя болезней [49], что, возможно, как считают Н. С. Григорьева и Т. В. Чубарова, является

² Шилова Л. С. Проблемы трансформации социальной политики и индивидуальных ориентаций по охране здоровья // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М.: Институт социологии РАН, 1999. С. 111.

результатом «устоявшихся стереотипов мужского и женского поведения (мужчина не должен жаловаться на здоровье)» [12, с. 116].

В-пятых, признание того, что мужчины не плачут, способствует снижению ценности здоровья в иерархии значимых ценностей [16], что приводит к менее выраженной мотивации к здоровому образу жизни и здоровьесохранительному поведению [29], пренебрежению рекомендациями профилактического характера [21]. Проведенные исследования свидетельствуют о наличии значимых половозрастных различий в динамике мотивации самосохранения у мужчин и женщин. Так, с наступлением эпохи молодости наблюдается существенное снижение значимости этого вида мотивации в мужской выборке [34: с. 25]. Кроме того, у мужчин отмечается большая склонность к рискованному поведению, патологическому образу жизни, они не хотят ни в чем себя ограничивать [5]. Более того, признаком мужественности является именно рискованное поведение [51]. В результате среди распространенных причин смерти мужчин «являются самоповреждающее поведение, связанное с алкоголем, употреблением наркотиков, небезопасным сексом, а также рискованное поведение на дороге» [38: с. 54]. При этом в исследованиях выявлен парадоксальный факт: мужчины меньше, чем женщины предпринимают реальных усилий по поддержанию здоровья, но более чем в два раза чаще считают, что делают для этого достаточно [31].

Таким образом, все вышеперечисленные факты, выявленные в различных исследованиях, свидетельствуют о том, что и отношение к здоровью, и, соответственно, поведение, связанное с поддержанием и сохранением здоровья, у взрослых мужчин в значительной степени определяется стереотипами маскулинности.

Поскольку полоролевые стереотипы имеют социокультурную природу и формируются в процессе социализации, то более глубокое осмысление их вклада в формирование отношения мужчин к своему здоровью требует рассмотрения возрастного аспекта.

Отношение мужчин к здоровью на разных этапах взрослости

В период ранней взрослости (20–40 лет) ведущим фактором развития «является трудовая деятельность, а главными задачами возраста являются профессиональное самоопределение и создание семьи» [32: с. 475]. Данный возрастной период весьма неоднороден. Если первая половина ранней взрослости в большей степени связана с выбором профессии и началом профессионального становления, осуществляемого в учебных заведениях, то вторая половина — это период непосредственного включения в трудовую деятельность и активного карьерного роста. Как уже отмечалось выше, после 25 лет отношение к своему здоровью становится более ответственным и объективным (по сравнению с возрастом от 18 до 24 лет). Приходит понимание того, что успешность в жизни зависит от здоровья [14].

Результаты исследования П. Г. Абдулманапова, Х. М. Хаджаловой [1], проведенного с участием студентов трех вузов Дагестана, свидетельствуют о том, что на самосохранительное поведение молодежи существенное влияние оказывают религиозные убеждения. В частности, это касается употребления алкоголя: все девушки и большинство юношей (85 %), соблюдающие религиозные обычаи, не пьют. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на религиозные убеждения, часть молодых мужчин, в отличие от женщин, склонны к саморазрушительным практикам.

В исследовании О. Е. Артамоновой [5] приводятся данные, свидетельствующие о том, что только 10 % молодых мужчин в возрасте 15–25 лет, когда заболевают, регулярно обращаются к врачу, что вдвое меньше, чем аналогичный показатель среди женщин. При этом каждый третий мужчина выбирает стратегию «жесткого» отказа от медицинской помощи, предпочитая самолечение. Подобная стратегия распространена среди них вдвое чаще, чем среди женщин такого же возраста.

Сравнительный анализ отношения юношей и девушек, обучающихся в вузе (возраст

респондентов 17–24 года) к здоровью и социальной ответственности в вопросах эпидемиологической безопасности в современной ситуации коронавирусной пандемии, представлен в исследовании Д. А. Гриценко. Показано, что хотя большинство юношей задумывается о безопасности своего здоровья и ответственности перед другими, однако необходимые ограничения вызывают у них негативные эмоции, а сама необходимость соблюдения этих ограничений подвергается сомнению. При этом собственную ответственность за здоровье они оценивают ниже, чем общую социальную, тем самым перекадывая эту ответственность на остальных членов общества, демонстрируя экстернатальный локус контроля, «что влечет за собой развитие неадаптивных стратегий поведения в обществе. Применяемые эпидемиологические меры рассматривают как угрозу собственной свободе действий, и нарушение привычного уклада жизни» [13: с. 95].

В отличие от юношей девушки отмечают влияние пандемии не только и не столько на психологическую сферу, сколько на социальную и профессиональную. Все девушки, участвовавшие в опросе, не сомневаются в масштабности и опасности коронавирусной пандемии. Они более информированы относительно мер эпидемиологической безопасности; в большей степени, чем юноши, озабочены вопросами собственной безопасности, а также возможными рисками для здоровья близких людей; и в большей степени верят в эффективность ограничительных мер. Данные внутренние установки приводят к тому, что девушки в большей степени склонны соблюдать ограничительные меры. Несмотря на то что девушки так же, как и юноши, испытывают негативные эмоции (злобу, раздражение), «эти отрицательные эмоции и состояния не влияют на следование сценарию социальной ответственности. Соответственно, у девушек преобладает интернатальный тип социальной ответственности, основанный на чувстве долга и морали» [13: с. 95].

Исследование отношения к здоровью во второй половине периода ранней взрослости (25–35 лет) выявило, что «мужчины недооценивают влияние собственных усилий человека на здоровье <...> считают, что

для здоровья, как своего, так и значимых для него людей, необходимо создать благоприятные, удобные, безопасные условия, удовлетворить все тривиальные потребности» [22]. Таким образом, и в данной возрастной группе мужчины в отношении ответственности за здоровье в большей степени проявляют тенденцию к экстернатальному локусу контроля.

Сравнительный анализ взаимосвязи параметров качества жизни и личностных характеристик в контексте здорового образа жизни мужчин и женщин в период средней взрослости представлен в исследовании И. Р. Муртазиной. Выявлено, что ухудшение физического состояния, проявляющееся в период средней взрослости, значительно в большей степени влияет на повседневную деятельность мужчин, нежели женщин. При этом мужчины менее внимательно и, следовательно, менее ответственно относятся к своему здоровью, у них в меньшей степени сформированы представления о культуре питания. Иначе говоря, возникает достаточно парадоксальная ситуация: даже осознание факта ухудшения здоровья не приводит к более ответственному отношению к нему.

Период поздней взрослости характеризуется дальнейшим и более существенным ухудшением здоровья, и это сказывается на удовлетворенности последним. Анализ данных Федеральной службы государственной статистики показал, что удовлетворенность здоровьем у мужчин выше, чем у женщин. При этом на популяционном уровне объективные показатели здоровья обратные: показатели здоровья мужчин ниже, чем у женщин [41]. Таким образом, мужчины склонны скрывать объективную оценку собственного здоровья, что не может не сказываться на их поведении. Подтверждением тому являются результаты исследования Л. А. Лещенко, свидетельствующие о том, что и на данном этапе онтогенеза мужчины демонстрируют менее ответственное поведение в отношении здоровья: «мужчины, в отличие от женщин, в своей повседневной практике чаще отклоняются от соблюдения правил, свойственных “культуре” самосохранительного поведения» [20: с. 181].

Сравнительный анализ самооценок здоровья мужчин и женщин на разных этапах

онтогенеза, проведенный О. Е. Артамоновой, выявил, что у мужчин критическое отношение к здоровью формируется медленнее, чем у женщин, и достигает максимума лишь после 70 лет. «Учитывая, что средняя продолжительность жизни мужчин составляет 57 лет, многие из них просто не успевают сформировать ценностное отношение к собственному здоровью» [5: с. 39].

Особый интерес в контексте анализируемой проблемы представляют исследования ученых в области медицины, участниками которых стали взрослые респонденты всех возрастов.

Новосибирские исследователи в течение десяти лет провели три среза: в 1984, 1988, 1994 гг. Скрининг осуществлялся в четырех возрастных группах: 25–34, 35–44, 45–54 и 55–64 года. Было выявлено различное влияние социально-экономического кризиса на оценку мужчинами своего здоровья в зависимости от возраста. «Обнаружено постоянное ухудшение самооценки здоровья в возрастной группе 25–34 лет. В возрасте 35–44 лет наблюдались те же тенденции, что и в младшей возрастной группе, но были менее выражены. В то же время в возрасте 45–54 не наблюдалось достоверных изменений в самооценке состояния здоровья... В возрастной группе 55–64 лет выявлено увеличение числа мужчин, оценивающих свое здоровье “позитивно”» [10: с. 105]. Полученные данные свидетельствуют о большей зависимости здоровья молодых мужчин от социально-экономических условий.

В пятнадцатилетнем исследовании, проведенном в Тюмени (осуществлены два среза: в 1996 и 2010 гг.; скрининг четырех возрастных групп: 25–34, 35–44, 45–54 и 55–64 года), результаты которого представлены в ряде публикаций, выявлено, что, во-первых, с возрастом у мужчин ответственность за свое здоровье повышается: наибольшую заботу о собственном самочувствии они проявляют в возрасте 55–64 лет. Во-вторых, важным фактором является уровень образования: наиболее ответственное отношение к своему здоровью проявляют мужчины с высшим образованием [35]. В-третьих, семейный статус мужчины имеет большое значение для развития осознанного

отношения к собственному здоровью: одинокие мужчины негативно либо индифферентно относятся к профилактике болезней, при этом проявляют «наименьшее стремление выйти на работу при плохом самочувствии в отличие от женщин» [2: с. 282]. В-четвертых, выявлена взаимосвязь между стрессом на рабочем месте (высокая нагрузка в течение года, смена специальности) и самооценкой здоровья: стресс приводит к снижению самооценки здоровья, причем наиболее существенное снижение самооценки здоровья обнаружено в группе мужчин 55–64 лет [3].

Таким образом, и мужчины, и женщины с возрастом все более осознают ценность здоровья и внимательнее относятся к нему, что соответствует общей тенденции отношения к здоровью в процессе онтогенеза. В то же время эмпирические исследования показали существенное влияние принадлежности к определенному биологическому полу на готовность заботиться о собственном здоровье, которое достаточно устойчиво проявляется на всех этапах взрослости. Мужчины в большей степени склонны к саморазрушительному поведению; скрывают объективную оценку своего здоровья; недооценивают влияние собственных усилий на здоровье. Здоровьесохранительное поведение мужчин в большей степени зависит от внешних социальных факторов, в частности от семейного статуса, что подтверждает доминирование экстернального локуса контроля в регуляции поведения мужчин в области здоровья. Выявленное противоречие между признанием взрослыми мужчинами ценности здоровья и реальным поведением (действиями, направленными на его сохранение и поддержание) требует дальнейших исследований, направленных на объяснение данного феномена.

Поскольку саморегуляция поведения осуществляется на основе образа, на наш взгляд, свою лепту в этом направлении может внести изучение социальных представлений, включающих как значения, так и личностные смыслы.

Роль социальных представлений о здоровье в регуляции здоровьесохранительного поведения

Современные исследования гендерного парадокса связывают причины данного феномена прежде всего с особенностями саморегуляции здоровьесохранительного поведения. Отношение к здоровью, которое лежит в основе саморегуляции, формируется в процессе взаимодействия человека с социальной средой. Существенное влияние при этом оказывают не только знания о здоровом образе жизни, но и полоролевые стереотипы, функционирующие в обществе. Интериоризованные полоролевые стереотипы становятся неотъемлемой составляющей социальных представлений о здоровье, включающих как значения, так и личностные смыслы.

Понятие «социальные представления» введено французским психологом С. Московичи. Под ними предлагалось понимать особую форму обыденного коллективного знания, которое усваивается отдельным индивидом. По образному выражению французского ученого, социальные представления являются «метисами»: они включают в себя не только научные, но и обыденные знания (убеждения). Эти виды знаний тесно взаимосвязаны: «научные представления ежедневно и спонтанно становятся представлениями здравого смысла, а последние превращаются в научные и автономные» [25: с. 7]. Иначе говоря, в социальные представления имплицитно включены и социальный контекст, и особенности индивидуального опыта.

Структуру социального представления С. Московичи отразил в формуле: «Представление = образ / значение», т. е. представление включает в себя одновременно как образный, так и вербальный компоненты. Именно через анализ вербального компонента можно проникнуть в содержание социальных представлений. «То, что я назвал постнаучным здравым смыслом — как и все знания, разделяемые обществом, — в своей совокупности вплетено в наш язык, определено нашими отношениями и способностями» [25: с. 12].

В отличие от научных теорий социальные представления обладают большей гибкостью.

Кроме того, они формируются раньше научных. «Даже маленькие дети без труда охватывают (как показал Фрейд в теории детской сексуальности) повседневные знания в том возрасте, когда они располагают еще очень ограниченным опытом человеческих отношений, чтобы извлекать такие знания» [25: с. 11].

Можно сказать, что социальные представления — это своеобразная призма, через которую происходит восприятие (осмысление, понимание, интерпретация) человеком феноменов социальной и личной жизни, определяющее в конечном итоге и поведение. Это объясняет, почему рассуждения и действия человека далеко не всегда подчинены законам формальной логики: «большинство людей склонны предпочитать идеи расхожие идеям научным, делать обманчивые сопоставления, некорректируемые объективными данными... Даже если опыт говорит им: это ложно, а рассудок — это абсурдно» [24: с. 3–4].

Наиболее полно идеи С. Московичи применительно к проблеме здоровья были реализованы И. Б. Бовиной [7: с. 245]. В ходе исследований ею была обнаружена специфика когнитивных структур, участвующих в регуляции здоровьесохранительного поведения молодежи, в том числе занимающейся и не занимающейся спортом; выявлены смыслообразующие элементы социальных представлений о здоровье и болезни; проанализированы профессиональные представления о здоровом образе жизни; проведен сравнительный анализ социальных представлений о СПИДе и раке и др. [7: с. 245].

Эффективность применения теории социальных представлений проявилась и в исследовании онтогенетического аспекта проблемы здоровья, в частности были изучены представления детей и подростков о здоровье и болезни [8]. Однако исследований представлений о здоровье взрослых людей в отечественной научной литературе нами не обнаружено.

Таким образом, вопрос о генезисе представлений о здоровье у взрослых мужчин остается открытым, затрудняя объяснение гендерного парадокса.

Заключение

Гендерный парадокс, проявляющийся в том, что женщины болеют чаще, а мужчины умирают раньше, зафиксированный медицинской статистикой, является сегодня междисциплинарной областью научных исследований. Медицина, социология, психология, философия ищут причины данного феномена. При всем разнообразии исследовательских подходов ученые признают невозможность объяснения этого парадокса исключительно особенностями функционирования мужского организма и отмечают значительно большее влияние социальных и психологических факторов. Об этом свидетельствуют их исследования, которые направлены на изучение таких аспектов, как самооценка здоровья, отношение к здоровью, здоровьесохранительное поведение, влияние полоролевых стереотипов. Иначе говоря, причины гендерного парадокса лежат прежде всего в психологической плоскости.

Во многом такое внимание представителей различных наук к психологическим аспектам обусловлено сменой научных представлений о сущности здоровья: биомедицинскую парадигму сменила гуманитарная модель, которая рассматривает здоровье как систему, включающую в себя биологический, социальный и психологический компоненты.

Анализ исследований отношения к здоровью на разных этапах взрослости показал, что, несмотря на признание здоровья одной

из главных ценностей, понимание роли здорового образа жизни, реальное поведение в целом характеризуется дефицитом ответственного отношения к своему здоровью. Несмотря на то что с возрастом, по мере ухудшения самочувствия человек все более осознает ценность здоровья и ответственнее относится к нему, остается открытым вопрос, почему знания не мотивируют здоровьесохранительное поведение взрослых людей.

Мужчины в большей степени, чем женщины, склонны к саморазрушительному поведению, недооценке влияния собственных усилий на здоровье; их поведение, связанное с поддержанием и сохранением здоровья, в значительной степени определяется стереотипами маскулинности.

Поскольку здоровьесохранительное поведение формируется в процессе взаимодействия человека с социальной средой, то в изучении природы гендерного парадокса можно выделить два аспекта: социальный (культурный) и онтогенетический.

На наш взгляд, исследование социальных представлений о здоровье, включающее не только социальный контекст, но и особенности индивидуального опыта, даст возможность «ухватить» культурный аспект гендерного парадокса. Системный анализ этих представлений на разных этапах взрослости позволит выявить как структурные элементы и взаимосвязи между ними, так и стадии развития системы.

Литература

1. Абдулманапов П. Г., Хаджалова Х. М. Самосохранительное поведение молодёжи демографически благополучного региона // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 1 (23). С. 208–215. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.23.208
2. Акимов А. М. и др. Отношение к своему здоровью и семейный статус в открытой городской популяции: гендерные различия // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 282–285.
3. Акимов А. М. и др. Некоторые параметры стресса на работе и отношения к своему здоровью у мужчин открытой городской популяции: распространенность, взаимосвязи // Международный журнал сердца и сосудистых заболеваний. 2019. Т. 7. № 24. С. 27–34.
4. Антонов А. И., Карпова В. М., Новоселова Е. Н. Здоровье в субъективных оценках состоящих в браке городских жителей // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 6. С. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-7
5. Артамонова О. Е. Гендерные различия отношения к здоровью // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути решения. 2012. Т. 7. № 1. С. 37–39.
6. Беловол Е. В. и др. Здоровье лиц «третьего возраста»: объективное и субъективное в представлениях пожилых людей о своем здоровье // Экология человека. 2016. № 4. С. 45–49.

7. Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни: монография. М.: Аспект Пресс, 2008. 263 с.
8. Бовина И. Б. и др. Здоровье в представлениях детей и подростков // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 61–74. DOI: 10.17759/exppsy.2018110104
9. Браун Дж. В., Русинова Н. Л., Панова Л. В. Гендерные неравенства в здоровье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114–122.
10. Гафаров В. В. и др. Тренды отношения к вопросам здоровья у мужчин в период социально-экономического кризиса в России // Сибирское медицинское обозрение. 2008. № 4 (52). С. 105–108.
11. Григорович Л. А., Ермолаев Б. В., Ермолаева М. В. Идентификация категории «индивидуальное здоровье» в студенческих представлениях // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. № 1 (53). С. 110–118.
12. Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Продвижение здоровья в контексте поведенческой экономики: гендерный аспект // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 112–124.
13. Гриценко Д. А. Исследование гендерных различий социальной ответственности в условиях пандемии коронавирусной инфекции // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-5. С. 91–96. DOI: 10.18411/lj-01-2021-194
14. Завьялов А. Е. Формирование здорового образа жизни молодежи в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013. 21 с.
15. Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин: обзор генетических, социальных и ценностных факторов // Демографическое обозрение. 2021. № 1. Т. 8. С. 106–126. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12395
16. Каширский Д. В., Шмойлова Н. А. Здоровье в системе ценностей самоактуализирующейся личности // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 1. С. 40–46.
17. Клецина И. С. Развитие гендерных исследований в отечественной психологии: итоги и перспективы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (07). С. 63–74.
18. Кубышкина М. Л., Казакова Е. В., Гашева А. А. Субъектная позиция в отношении здоровья у мужчин и женщин зрелого возраста // Психолог. 2020. № 2. С. 1–14. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.2.32546
19. Лемиш В. В. Психологические аспекты проблемы ухудшения здоровья в пожилом и старческом возрасте // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 1 (80). С. 43–50. DOI: 10.24411/1999-6241-2020-11007
20. Лещенко Л. А. Особенности самосохранительного поведения лиц, достигших пожилого возраста: региональный аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 4 (42). С. 181–186.
21. Малаев Х. М., Коновалов О. Е., Филатова Е. В. Гендерные различия отношения к здоровью и медицинской активности пациентов с дорсопатиями // Наука молодых (Eruditio Juvenium). 2018. Т. 6. № 1. С. 39–52. DOI: 10.23888/HMJ2018139-52
22. Маясова Т. В., Лекомцева А. А., Юсифов К. Д. Гендерные особенности отношения к здоровью лиц зрелого возраста [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2016. № 1-1 (13). С. 9. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/129> (дата обращения: 20.11.2021).
23. Мелёхин А. И. Качество жизни в пожилом и старческом возрасте: проблемные вопросы // Современная зарубежная психология. 2016. № 5 (1). С. 53–63. DOI: 10.17759/jmfp.2016050107
24. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
25. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
26. Муртазина И. Р. Качество жизни и личностные характеристики взрослых в контексте здорового образа жизни [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 1. С. 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN119.pdf> (дата обращения: 23.11.2021).
27. Овчаренко С. А., Кучумова Е. А., Ефремова Н. И. Качество жизни и здоровье граждан старшего поколения // Непрерывное образование и психическое здоровье: возможности для молодых и пожилых: материалы международной научно-практической конференции (24–25 апреля 2015 г., г. Санкт-Петербург) / Межрегиональный ресурсный центр «Серебряный возраст», общественная организация «Экологическое здоровье человека. СПб.: [б. и.], 2015. С. 59–62.

28. Орлова М. М. Социально-психологический контекст изучения соматического здоровья и болезни // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 12–18.
29. Паутова Н. И., Паутов И. С. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщины в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 60–70.
30. Полуэктова Н. М., Смирнова А. Н. Человек как субъект здоровья // Человек. 2016. № 1. С. 5–16.
31. Попова И. П. Мужчины и женщины в сферах занятости и здоровья: контекст девяностых // Женщины в российском обществе. 2012. № 2 (63). С. 53–67.
32. Психология человека от рождения до смерти: младенчество, детство, юность, взрослость, старость / под общ. ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2001. 652 с.
33. Рыжов Б. Н. Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
34. Рыжов Б. Н., Котова О. В. Динамика половозрастных особенностей мотивации в эпоху юности и молодости // Системная психология и социология. 2021. № 2 (38). С. 23–40. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.03
35. Смазнов В. Ю., Акимов А. М. Уровень образования мужчин трудоспособного возраста и их отношение к своему здоровью в открытой популяции // Профилактика 2015: научно-практическая конференция с международным участием (Москва, 11 июня 2015 г.) / Российское кардиологическое общество. М.: Силицей-Полиграф, 2015. С. 7–8. (Сер. 14: Кардиоваскулярная терапия и профилактика; Специальный выпуск).
36. Старовойтова С. Ю. Отношение к здоровью рабочей молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 2. С. 92–97.
37. Стрижицкая О. Ю. Здоровый образ жизни и психологическое благополучие в период поздней взрослости и старения [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 6. С. 91. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/101PSMN617.pdf> (дата обращения: 07.12.2021).
38. Федоров К. На пороге новой маскулинности: что значит быть мужчиной вне патриархальных норм // Психология и психотерапия семьи. 2020. № 3–4. С. 53–57. DOI: 10.24411/2587-6783-2020-10014
39. Черкасов С. Н., Киртадзе И. Д. Влияние жизненных приоритетов на самооценку здоровья у населения старших возрастных групп // Общественное здоровье и здравоохранение. 2019. № 1 (61). С. 40–43.
40. Чеснокова М. Г. Понятие здоровья в контексте ключевых категорий культурно-деятельностного подхода // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 2. С. 23–36.
41. Шибалков И. П. и др. Удовлетворенность качеством жизни в российских регионах в контексте реализации ресурсного потенциала пожилых людей // Успехи геронтологии. 2021. Т. 34. № 3. С. 454–460. DOI: 10.34922/AE.2021.34.3.016
42. Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134–141.
43. Юдин Б. Г. Здоровье человека как проблема гуманитарного знания // Философия здоровья / Институт философии РАН. М.: [б. и.], 2001. С. 61–85.
44. Campos V., Kim H. S. Incorporating the cultural diversity of family and close relationships into the study of health // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 6. P. 543–554. DOI: 10.1037/amp0000122
45. Kim Y.-H., Park I.-K., Kang S.-J. Age and gender differences in health risk perception // Central European Journal of Public Health. 2018. Vol. 26. № 1. P. 54–59. DOI: 10.21101/cejph.a4920
46. Lange M. et al. Health literacy, health status and health behaviors of German students — study protocol for the “Healthy Habits” cohort study // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. P. 1523. DOI: 10.1186/s12889-021-11542-w
47. Musaiger A. O. Consumption, health attitudes and perception toward fast food among Arab consumers in Kuwait: gender differences // Global Journal of Health Science. 2014. Vol. 6. № 6. P. 136–143. DOI: 10.5539/gjhs.v6n6p136
48. Sach T. H., Whyne D. K. Men and women: beliefs about cancer and about screening // BMC Public Health. 2009. Vol. 9. P. 431. DOI: 10.1186/1471-2458-9-431
49. Sood R. et al. Gender differences in self-perception of health at a wellness center // American Journal of Health Behavior. 2019. Vol. 43. № 6. P. 1129–1135. DOI: 10.5993/ajhb.43.6.10
50. Wade J. C., Rochlen A. B. Introduction: Masculinity, identity, and the health and well-being of African American men // Psychology of Men & Masculinity. 2013. Vol. 14. № 1. P. 1–6. DOI: 10.1037/a0029612
51. Yoo E., Baek K. Gender differences in environmental and health-related risk perception in Korea // Asian Women. 2019. Vol. 35. № 4. P. 47–67. DOI: 10.14431/aw.2019.12.35.4.47

References

1. Abdulmanapov P. G., Xadzhalova X. M. Samosoxranitel'noe povedenie molodyozhi demograficheski blagopoluchnogo regiona [Self-preservation behavior of young people in a demographically prosperous region] // Nauka o cheloveke: gumanitarny'e issledovaniya [Science of man: humanitarian studies]. 2016. № 1 (23). P. 208–215. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.23.208
2. Akimov A. M. et al. Otnoshenie k svoemu zdorov'yu i semejny'j status v otkry'toj gorodskoj populyacii: genderny'e razlichiya [Attitude to one's health and family status in an open urban population: gender differences] // Mir nauki, kul'tury', obrazovaniya [The world of science, culture, education]. 2016. № 6 (61). P. 282–285.
3. Akimov A. M. et al. Nekotory'e parametry` stressa na rabote i otnosheniya k svoemu zdorov'yu u muzhchin otkry'toj gorodskoj populyacii: rasprostranennost', vzaimosvyazi [Some parameters of stress at work and attitude to their health in men of the open urban population: prevalence, interrelations] // Mezhdunarodny'j zhurnal serdca i sosudisty'x zabolevanij [International Journal of Heart and Vascular Diseases]. 2019. Vol. 7. № 24. P. 27–34.
4. Antonov A. I., Karpova V. M., Novoselova E. N. Zdorov'e v sub`ektivny'x ocenках sostoyashhix v brake gorodskix zhitelej [Health in subjective assessments of married urban residents] // Social'ny'e aspekty` zdorov'ya naseleniya [Social aspects of public health]. 2020. Vol. 66. № 6. P. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-7
5. Artamonova O. E. Genderny'e razlichiya otnosheniya k zdorov'yu [Gender differences in attitudes to health] // Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenciala: problemy` i puti resheniya [Health is the basis of human potential: problems and solutions]. 2012. Vol. 7. № 1. P. 37–39.
6. Belovol E. V. et al. Zdorov'e licz «tret'ego vozrasta»: ob`ektivnoe i sub`ektivnoe v predstavleniyax pozhily'x lyudej o svoem zdorov'e [Health of persons of the “third age”: objective and subjective in the views of older people about their health] // E`kologiya cheloveka [Human ecology]. 2016. № 4. P. 45–49.
7. Bovina I. B. Social'naya psixologiya zdorov'ya i bolezni: monografiya [Social psychology of health and disease: monograph]. M.: Aspekt Press, 2008. 263 p.
8. Bovina I. B. et al. Zdorov'e v predstavleniyax detej i podrostkov [Health in the representations of children and adolescents] // E`ksperimental'naya psixologiya [Experimental psychology]. 2018. Vol. 11. № 1. P. 61–74. DOI: 10.17759/exppsy.2018110104
9. Braun Dzh. V., Rusinova N. L., Panova L. V. Genderny'e neravenstva v zdorov'e [Gender inequalities in health] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2007. № 6. P. 114–122.
10. Gafarov V. V. et al. Trendy` otnosheniya k voprosam zdorov'ya u muzhchin v period social'no-e`konomicheskogo krizisa v Rossii [Trends in attitudes to health issues in men during the socio-economic crisis in Russia] // Sibirskoe medicinskoe obozrenie [Siberian Medical Review]. 2008. № 4 (52). P. 105–108.
11. Grigorovich L. A., Ermolaev B. V., Ermolaeva M. V. Identifikaciya kategorii «individual'noe zdorov'e» v studencheskix predstavleniyax [Identification of the category “individual health” in student representations] // Novoe v psixologo-pedagogicheskix issledovaniyax [New in psychological and pedagogical research]. 2019. № 1 (53). P. 110–118.
12. Grigor`eva N. S., Chubarova T. V. Prodvizhenie zdorov'ya v kontekste povedencheskoj e`konomiki: genderny'j aspekt [Health promotion in the context of behavioral economics: gender aspect] // Narodonaselenie [Population]. 2020. Vol. 23. № 2. P. 112–124.
13. Gricenko D. A. Issledovanie genderny'x razlichij social'noj otvetstvennosti v usloviyax pandemii koronavirusnoj infekcii [Research of gender differences of social responsibility in the conditions of a pandemic of coronavirus infection] // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the development of science and education]. 2021. № 69-5. P. 91–96. DOI: 10.18411/lj-01-2021-194
14. Zav`yalov A. E. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni molodezhi v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [Formation of a healthy lifestyle of youth in modern Russia: autoref. dis. ... cand. sociol. nauk]. M., 2013. 21 p.
15. Zin`kina Yu. V., Korotaev A. V. Razry`v v ozhidaemoj prodolzhitel`nosti zhizni muzhchin i zhenshin: obzor geneticheskix, social'ny'x i cennostny'x faktorov [The gap in life expectancy of men and women: a review of genetic, social and value factors] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2021. Vol. 8. № 1. P. 106–126. DOI: 10.17323/demreview.v8i1.12395
16. Kashirskij D. V., Shmojlava N. A. Zdorov'e v sisteme cennostej samoaktualiziruyushhejsya lichnosti [Health in the value system of a self-actualizing personality] // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya [Bulletin of Humanitarian Education]. 2015. № 1. P. 40–46.

17. Klecina I. S. Razvitie genderny`x issledovanij v otechestvennoj psixologii: itogi i perspektivy` [Development of gender studies in Russian psychology: results and prospects] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Filosofiya [Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy]. 2017. № 3 (07). P. 63–74
18. Kuby`shkina M. L., Kazakova E. V., Gasheva A. A. Sub`ektnaya poziciya v otnoshenii zdorov`ya u muzhchin i zhenshin zrelogo vozrasta [The subjective position regarding health in men and women of mature age] // Psixolog [Psychologist]. 2020. № 2. P. 1–14. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.2.32546
19. Lemish V. V. Psixologicheskie aspekty` problemy` uxudsheniya zdorov`ya v pozhilom i starcheskom vozraste [Psychological aspects of the problem of health deterioration in the elderly and senile age] // Psixopedagogika v pravooxranitel`ny`x organax [Psychopedagogy in Law Enforcement]. 2020. Vol. 25. № 1 (80). P. 43–50. DOI: 10.24411/1999-6241-2020-11007
20. Leshhenko L. A. Osobennosti samosoxranitel`nogo povedeniya licz, dostigshix pozhilogo vozrasta: regional`ny`j aspekt [Features of self-preservation behavior of persons who have reached old age: Regional aspect] // Vektor nauki Tol`yattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Science Vector of Togliatti State University]. 2017. № 4 (42). P. 181–186.
21. Malaev X. M., Konovalov O. E., Filatova E. V. Genderny`e razlichiya otnosheniya k zdorov`yu i medicinskoj aktivnosti pacientov s dorsopatiyami [Gender differences in attitudes to health and medical activity of patients with dorsopathies] // Nauka molody`x (Eruditio Juvenium) [Science of the Young (Eruditio Juvenium)]. 2018. Vol. 6. № 1. P. 39–52. DOI:10.23888/HMJ2018139-52
22. Mayasova T. V., Lekomceva A. A., Yusifov K. D. Genderny`e osobennosti otnosheniya k zdorov`yu licz zrelogo vozrasta [E`lektronny`j resurs] [Gender-specific attitudes to the health of adults [Electronic resource]] // Vestnik Mininskogo universiteta [Minin University Bulletin]. 2016. № 1-1 (13). P. 9. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/129> (accessed: 20.11.2021).
23. Melyoxin A. I. Kachestvo zhizni v pozhilom i starcheskom vozraste: problemny`e voprosy` [Quality of life in the elderly and senile age: problematic issues] // Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya [Modern foreign psychology]. 2016. № 5 (1). P. 53–63. DOI:10.17759/jmfp.2016050107
24. Moskovichi S. Social`ny`e predstavleniya: istoricheskij vzglyad [Social representations: a historical view] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 1995. Vol. 16. № 1. P. 3–18.
25. Moskovichi S. Social`ny`e predstavleniya: istoricheskij vzglyad [Social representations: a historical view] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 1995. Vol. 16. № 2. P. 3–14.
26. Murtazina I. R. Kachestvo zhizni i lichnostny`e karakteristiki vzrosly`x v kontekste zdorovogo obraza zhizni [E`lektronny`j resurs] [Quality of life and personal characteristics of adults in the context of a healthy lifestyle [Electronic resource]] // Mir nauki. Pedagogika i psixologiya [The World of Science. Pedagogy and Psychology]. 2019. Vol. 7. № 1. P. 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN119.pdf> (accessed: 23.11.2021).
27. Ovcharenko S. A. Kuchumova E. A. Efremova N. I. Kachestvo zhizni i zdorov`e grazhdan starshego pokoleniya [Quality of life and health of citizens of the older generation] // Nepriyvatnoe obrazovanie i psixicheskoe zdorov`e: vozmozhnosti dlya molodyx i pozhilyx: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (24–25 aprelya 2015 g., g. Sankt-Peterburg) / Mezhhregional`nyj resursnyj centr «Serebryanij vozrast», obshhestvennaya organizaciya «E`kologicheskoe zdorov`e cheloveka» [Continuing education and mental health: proceedings of the international scientific and practical conference / Interregional resource center “Silver age”, the NGO “Environmental health”]. SPb.: [b. i.], 2015. P. 59–62.
28. Orlova M. M. Social`no-psixologicheskij kontekst izucheniya somaticheskogo zdorov`ya i bolezni [Socio-psychological context of the study of physical health and disease] // Kul`turno-istoricheskaya psixologiya [Cultural-Historical Psychology]. 2012. № 3. P. 12–18.
29. Pautova N. I., Pautov I. S. Genderny`e osobennosti samoocenki zdorov`ya i ego vospriyatiya kak sociokul`turnoj cennosti (po danny`m 21-j volny` RLMS-HSE) [Gender features of self-assessment of health and its perception as a socio-cultural value (according to the 21st wave of RLMS-HSE)] // Zhenshhiny` v rossijskom obshhestve [Women in Russian Society]. 2015. № 2 (75). P. 60–70.
30. Polue`ktova N. M., Smirnova A. N. Chelovek kak sub`ekt zdorov`ya [Man as a subject of health] // Chelovek [Man]. 2016. № 1. P. 5–16.
31. Popova I. P. Muzhchiny` i zhenshhiny` v sferax zanyatosti i zdorov`ya: kontekst devyanosty`x [Men and women in the fields of employment and health: the context of the nineties] // Zhenshhiny` v rossijskom obshhestve [Women in Russian Society]. 2012. № 2 (63). P. 53–67.

32. Psixologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti: mladenchestvo, detstvo, yunost', vzroslost', starost' [Human psychology from birth to death: infancy, childhood, youth, adulthood, old age] / pod obshh. red. A. A. Reana. SPb.: Prajm-Evroznak; M.: Olma-Press, 2001. 652 p.
33. Ry`zhov B. N. Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.
34. Ry`zhov B. N., Kotova O. V. Dinamika polovozrastny`x osobennostej motivacii v e`poxu yunosti i molodosti [Dynamics of sex and age characteristics of motivation in the epoch of adolescence and youth] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2021. № 2 (38) P. 23–40. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.03
35. Smaznov V. Yu., Akimov A. M. Uroven` obrazovaniya muzhchin trudospособnogo vozrasta i ix ot-noshenie k svoemu zdorov`yu v otkry`toj populyacii [The level of education of men of working age and their attitude to their health in an open population] // Profilaktika 2015: nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 11 iyunya 2015 g.) [Prevention 2015. Ser. "Cardiovascular therapy and prevention; Special issue" Russian Cardiological Society] / Rossijskoe kardiologicheskoe obshhestvo. M.: Siliceya-Poligraf, 2015. S. 7–8. (Ser. 14: Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika; Special'nyj vypusk).
36. Starovojtova S. Yu. Otnoshenie k zdorov`yu rabochej molodezhi [Attitude to the health of working youth] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika [Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2012. Vol. 12. № 2. P. 92–97.
37. Strizhiczskaya O. Yu. Zdorovy`j obraz zhizni i psixologicheskoe blagopoluchie v period pozdnej vzro-slosti i stareniya [E'lektronny`j resurs] [Healthy lifestyle and psychological well-being during late adulthood and aging [Electronic resource]] // Internet-zhurnal «Mir nauki» [Online magazine "World of Science"]. 2017. Vol. 5. № 6. P. 91. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/101PSMN617.pdf> (accessed: 07.12.2021)
38. Fedorov K. Na poroge novej maskulinnosti: chto znachit by`t' muzhchinoj vne patriarxal'ny`x norm [On the threshold of a new masculinity: what it means to be a man outside of patriarchal norms] // Psixologiya i psixoterapiya sem'I [Psychology and Psychotherapy of the Family]. 2020. № 3-4. P. 53–57. DOI: 10.24411/2587-6783-2020-10014.
39. Cherkasov S. N., Kirtadze I. D. Vliyanie zhiznenny`x prioritetov na samoocenku zdorov`ya u nasele-niya starshix vozrastny`x grupp [The influence of life priorities on the self-assessment of health among the pop-ulation of older age groups] // Obshhestvennoe zdorov'e i zdravooxranenie [Public Health and Healthcare]. 2019. № 1 (61). P. 40–43.
40. Chesnokova M. G. Ponyatie zdorov`ya v kontekste klyuchevy`x kategorij kul'turno-deyatel'nostnogo podxoda [The concept of health in the context of the key categories of the cultural-activity approach] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psixologiya [Moscow University Psychology Bulletin. Series 14]. 2015. № 2. P. 23–36.
41. Shibalkov I. P. et al. Udovletvorennost` kachestvom zhizni v rossijskix regionax v kontekste realizacii resursnogo potenciala pozhily`x lyudej [Satisfaction with the quality of life in Russian regions in the context of realizing the resource potential of elderly people] // Uspexi gerontologii [Successes of Gerontology]. 2021. Vol. 34. № 3. P. 454–460. DOI: 10.34922/AE.2021.34.3.016
42. Shilova L. S. Transformaciya zhenskoj modeli samosoxranitel'nogo povedeniya [Transformation of the female model of self-preservation behavior] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2000. № 11. P. 134–141.
43. Yudin B. G. Zdorov'e cheloveka kak problema gumanitarnogo znaniya [Human health as a problem of humanitarian knowledge] // Filosofiya zdorov`ya [Philosophy of health] / Institut filosofii RAN. M.: [b. i.], 2001. P. 61–85.
44. Campos B., Kim H. S. Incorporating the cultural diversity of family and close relationships into the study of health // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 6. P. 543–554. DOI: 10.1037/amp000122
45. Kim Y.-H., Park I.-K., Kang S.-J. Age and gender differences in health risk perception // Central Euro-pean Journal of Public Health. 2018. Vol. 26. № 1. P. 54–59. DOI: 10.21101/cejph.a4920
46. Lange M. et al. Health literacy, health status and health behaviors of German students — study protocol for the "Healthy Habits" cohort study // BMC Public Health. 2021. Vol. 21. P. 1523. DOI: 10.1186/s12889-021-11542-w
47. Musaiger A. O. Consumption, health attitudes and perception toward fast food among Arab consumers in Kuwait: gender differences // Global Journal of Health Science. 2014. Vol. 6. № 6. P. 136–143. DOI: 10.5539/gjhs.v6n6p136

48. Sach T. H., Whynes D. K. Men and women: beliefs about cancer and about screening // BMC Public Health. 2009. Vol. 9. P. 431. DOI: 10.1186/1471-2458-9-431
49. Sood R. et al. Gender differences in self-perception of health at a wellness center // American Journal of Health Behavior. 2019. Vol. 43. № 6. P. 1129–1135. DOI: 10.5993/ajhb.43.6.10
50. Wade J. C., Rochlen A. B. Introduction: Masculinity, identity, and the health and well-being of African American men // Psychology of Men & Masculinity. 2013. Vol. 14. № 1. P. 1–6. DOI: 10.1037/a0029612
51. Yoo E., Baek K. Gender differences in environmental and health-related risk perception in Korea // Asian Women. 2019. Vol. 35. № 4. P. 47–67. DOI: 10.14431/aw.2019.12.35.4.47

УДК 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.4

ЭКОЛОГИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Е. А. Петрякова,
АГТУ, Астрахань,
elena_a_petryakova@inbox.ru

Современное общество предъявляет определенные требования к социальным отношениям во всех своих сферах. Актуализируется вопрос создания такой системы управления в организации, которая позволит в сложившихся условиях оптимально совмещать требования экономики и сохранять человеческие ресурсы.

В статье предлагается системный подход к определению и наполнению содержанием категории «экологичное управление персоналом» в целях поиска оптимальных условий для полноценной, результативной деятельности человека в организации, предотвращения истощения человеческого ресурса. Приведены результаты исследования, на основе которого выявлены основные затруднения и подготовлена понятийная база.

В рамках предпринятого исследования определено понятие экологичного управления персоналом, рассмотрены подходы к созданию трехуровневой структуры рабочей среды с позиций экологичного управления персоналом; выявлены способы конструктивного взаимодействия руководителя и сотрудников, описаны условия существования рабочей среды для реализации профессионального и личного ресурсов каждого сотрудника; представлены принципы экологичного управления, формы и методы взаимодействия руководства с персоналом в данном контексте.

Ключевые слова: экологичное управление персоналом; системный подход; рабочая среда; ресурсы сотрудников; принципы управления; формы и методы взаимодействия в организации.

Для цитаты: Петрякова Е. А. Экологичное управление персоналом как социально-психологическая категория // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 48–60. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.4

Петрякова Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и психологии Астраханского государственного технического университета, Астрахань.

E-mail: *elena_a_petryakova@inbox.ru*
ORCID: 0000-0002-6051-0884

UDC 159.9.07
DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.4

ECO-FRIENDLY PERSONNEL MANAGEMENT AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CATEGORY

E. A. Petryakova,
ASTU, Astrakhan,
elena_a_petryakova@inbox.ru

Modern society dynamically imposes certain requirements on social relations in all its spheres. The issue of creating such a management system in the organization, which will allow in the current conditions to optimally combine the requirements of the economy and save human resources is being actualized.

The article proposes a system approach to the definition and content filling of the category “eco-friendly personnel management”, in order to find optimal conditions for full-fledged, effective human activity

© Петрякова Е. А., 2022

in the organization, to prevent the depletion of human resources. The results of the investigation, on the basis of which the main difficulties are identified and a conceptual framework is prepared, are presented.

Within the framework of the undertaken research, the concept of “eco-friendly personnel management” is defined, approaches to creating a three-level structure of the working environment from the standpoint of eco-friendly personnel management are considered; ways of constructive interaction between the manager and employees are identified, the conditions of the working environment for the implementation of professional and personal resources of each employee are described; the principles of eco-friendly management, forms and methods of interaction between management and personnel in this context are presented.

Keywords: eco-friendly personnel management; system approach; work environment; employee resources; management principles; forms and methods of interaction in the organization.

For citation: Petryakova E. A. Eco-friendly personnel management as a socio-psychological category // Systems psychology and sociology. 2022. № 1 (41). P. 48–60. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.4

Petryakova Elena Alexandrovna, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Humanities and Psychology, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.

E-mail: elena_a_petryakova@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-6051-0884

Введение

Понятие «экологичное управление персоналом» в современной науке находится на стадии разработки. Как отдельное понятие оно не выявлено в научных публикациях. Однако есть предпосылки и рекомендательный базис, накопленные авторами различных гуманитарных и общественных наук.

В гуманитарных и социально-экономических исследованиях встречается термин «экология отношений», который рассматривается в большей степени теоретически, с акцентом изучения в сферах семейных и межличностных отношений, в индивидуальной психотерапевтической практике [3: с. 6]. Выделены понятия «внутренняя и внешняя экология отношений»¹, «экопсихологические взаимодействия»² и типы таких взаимодействий. Интересен практический взгляд бизнес-тренеров и организационных психологов-консультантов, которые раскрыли критерии экологических отношений в бизнесе³, описали подходы

к определению «экологичной корпоративной среды» (управления в коучинговом стиле эмпатического лидерства)⁴. Все эти исследования всесторонне подчеркивают значение «человеческого» подхода к управлению персоналом, понимание социально-психологической обусловленности рабочего процесса.

Представленные в статье результаты исследования направлены на системную оценку социально-психологических особенностей и условий экологичного управления персоналом в современной организации.

Социально-психологический аспект экологичного управления персоналом

В отношении объяснения категории «экологичное» и соотношения ее с процессом управления персоналом существует много научных подходов, однако они или экономического толка, или экология затрагивает другие сферы жизни человека. Употребляется лишь общий корень «эколог». Так, в экономических исследованиях используется термин «экологическое» относительно развития взаимодействия между сотрудниками и руководством организации в целях сбалансированного

¹ Селезнева Н. А. К вопросу об экологии человеческих взаимоотношений // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. Казань, 2012. № 4. С. 481–484.

² Панов В. И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 13–27.

³ Иванов А. Экология отношений в бизнесе [Электронный ресурс]. URL: <https://psycho.ru/library/3523> (дата обращения: 22.03.2022).

⁴ Велданова М. Экологичная корпоративная среда как рецепт от выгорания [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0236a79a794706a9ca4d83> (дата обращения: 22.03.2022).

отношения систем «человек – окружающий мир, природа». Отмечены в большом количестве социально-экономические особенности социальных отношений в организациях, результаты деятельности людей для экономического роста организаций⁵.

С социально-психологической точки зрения экологичность в управлении персоналом изучается в следующих аспектах: эмоциональное влияние и мотивация в управлении персоналом [4; 9]; принципы и практика организации психологического влияния, критерии психологического планирования в управлении персоналом [5: с. 128]; воздействие вида профессиональной деятельности на эмоциональное состояние человека, психологическое благополучие специалистов [10: с. 39]; социально-психологические методы управления [7: с. 134].

Растет число исследований, изучающих природу, предпосылки, результаты и механизм управленческого воздействия на работу и самочувствие сотрудников, взаимосвязь процесса управления персоналом и ресурсов сотрудников в коллективе, в том числе результатов труда и отношений между собой и к работе [17]. Освещаются вопросы управления персоналом в формате «с человеческим лицом», например взаимосвязь пренебрежительного, грубого, отстраненного поведения руководителя и/или инструментального типа лидерства и негативных последствий психологического климата в рабочем коллективе [16]. Отметим, что эти исследования направлены на изучение частных затруднений в управлении персоналом, в частности манипулятивных воздействий на него и их последствий

(вызывание чувств стыда и вины у подчиненных) [15; 20]; влияние стиля руководства и построения системы передачи информации на слаженность работы в коллективе [14].

Многочисленные социально-психологические исследования организационных процессов направлены на изучение условий, приводящих к истощению человеческого и профессионального ресурса сотрудников: факторы и условия эмоционального выгорания в организациях [12: с. 3; 13]; предпосылки эмоционального выгорания [2: с. 695]; роль руководителя (лидера) в профилактике эмоционального истощения подчиненных, значение четких коммуникационных процессов и сохранения самооценности каждого сотрудника, предотвращение процесса «организационной дегуманизации» [1; 6: с. 46; 19: с. 745]; значение трансформационного лидерства в уменьшении эмоционального истощения подчиненных [18: с. 2]; формы поведения сотрудников в организации, связанные с направленностью управления (например, сочетание агрессивного поведения руководителя и контрпродуктивного поведения сотрудников) и их влияние на эмоциональное выгорание сотрудников [11: с. 3].

Анализ литературы показал отсутствие системного, целостного подхода к сохранению и приумножению человеческих ресурсов, эффективной деятельности организации. В перечисленных исследованиях управление персоналом рассматривается как вид деятельности руководителя, функциональная направленность его активности, вертикальное воздействие «сверху вниз». Не учитываются все возможности взаимодействия руководителя и сотрудников для более комфортной деятельности, сохранения человеческих ресурсов, для экономического роста организаций.

Исходя из вышеизложенного, становится логичным изучение системных процессов управления персоналом, поиска и нахождения наиболее адекватных и оптимальных подходов для управления конкретной организацией.

Рассматривать организацию необходимо не только как систему для достижения организационных целей, но и как место непрерывного, длительного совместного пребывания людей, направленного на определенный вид деятельности. Восстановление ресурсов

⁵ Сулима С. В., Медетова А. Г. Роль и значение системы управления персоналом в системе управления организацией // Евразийское научное объединение. 2018. № 3-3 (37). С. 184–187; Шилинскийте И. А. Совершенствование системы управления персоналом в организации и оценка его эффективности // Экономический рост России: проблемы и стратегические перспективы: материалы докладов XXV Научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ (Великий Новгород, 26–31 марта 2018 г.). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2018. С. 85–92.

человека происходит не мгновенно, а требует особой среды, состояния сознания, грамотного влияния на действия человека и его собственной активности.

В современном научном дискурсе слово «экология» многозначно. Однако интерес представляет его первоначальное, биологическое, значение, так как наравне с социальной природой человека необходимо учитывать и биологическую. Экология в этом смысле — «наука о взаимодействии живых организмов и их сообществ между собой и окружающей средой»⁶, а экология человека трактуется как «наука, изучающая закономерности возникновения, существования и развития антропоэкологических систем, которые представляют собой сообщество людей, находящихся в динамическом взаимодействии с средой и удовлетворяющих благодаря этому свои потребности»⁷. Можно провести аналогию в понимании этих терминов с пребыванием человека в организации. Люди — живые организмы, организация — часть окружающей среды, профессиональная деятельность людей в организации — это процесс и результаты взаимодействия. В данном случае изучению подлежат взаимоотношения людей между собой на разных уровнях — вертикальном и горизонтальном.

Методы и организация исследования

Для осмысления категории экологичного управления персоналом было организовано и проведено социологическое исследование с целью изучения социально-психологических особенностей и условий управления персоналом в современной организации (как процесса и результата), подходов к формированию и наполненности термина, актуальности темы для респондентов, выявления основных затруднений по изучаемой проблеме.

Исследование проводилось в Астраханском государственном техническом университете методом анкетирования; выборочная

совокупность — серийно-гнездовая (взяты по четыре учебные группы трех направлений подготовки магистрантов — технического, информационного, экономического). Общая численность обследуемых — 154 человека.

Все респонденты работают в организациях и на предприятиях различных форм собственности и отраслей экономики, занимают должности разных уровней — от менеджера по работе с клиентами до руководителя организации. Среди респондентов линейный персонал составлял 80 %, руководящий состав — 20 %. Это обстоятельство позволило нам собрать многообразную социальную информацию об изучаемом феномене, мнения людей «изнутри».

Результаты исследования

Линейные сотрудники (менеджеры по работе с клиентами, механики судов, администраторы IT и менеджеры по обслуживанию ПК — всего 81 % респондентов) считают в своем большинстве (около 70 % опрошенных) более приемлемым процесс управления персоналом без участия подчиненных, по принципу: «руководителю виднее, как лучше, даже если многое не устраивает в условиях труда». Однако большая часть респондентов (60 %) представляет свою организацию как систему оптимального для всех взаимодействия руководителя и сотрудников. Более 70 % респондентов отмечают, что в организации, в которой они трудятся, нет экологичного подхода в управлении персоналом. Однако «считают важным присутствие такого подхода в управлении и создания комфортной для труда рабочей среды» подавляющее большинство респондентов (89 %).

Основными затруднениями в работе, с которыми сотрудники чаще всего встречаются, выступают коммуникативные и коммуникационные процессы: «неорганизованная искаженная передача информации» (40 %), «непонятная трактовка заданий от руководства» (28 %); деятельностный аспект — «нечеткая структура связей между отделами и сотрудниками», «неотлаженная система взаимодействий между отделами и структурами» (35 %).

⁶ Ибрагимова К. К., Рахимов И. И., Зиятдинова А. И. Словарь-справочник терминов по экологии и охране природы: учеб. пособие. Казань: Отечество, 2012. С. 120.

⁷ Там же. С. 121.

Мнения линейного персонала и руководителей о готовности активно взаимодействовать для улучшения условий труда неоднозначны (см. табл. 1, 2).

на совещаниях готовы излагать и обосновывать свою точку зрения (81 %).

Результаты исследования — различные мнения респондентов о взаимодействии

Таблица 1

Ответы линейного персонала на вопрос «Что вы делаете / готовы делать для улучшения условий своего труда?»

Ответы на вопрос	Количество, %	Стратегия поведения
«Ничего, руководство само знает, как лучше»	30	Отстранение, бездействие
«Говорить бесполезно, я всего лишь подчиненный»	18	Перенос ответственности
«Уже подходили другие — только хуже будет»; «Стараюсь свои проблемы решить сам»	15	Защита
«Говорю о своих затруднениях, и, как правило, помогают решать (решаем совместно)»	25	Сотрудничество

Таблица 2

Ответы руководителей на вопрос «Что вы делаете / готовы делать для улучшения условий труда ваших сотрудников?»

Ответы на вопрос	Количество, %	Стратегия поведения
«Делаю сам, что могу»	47	Отстранение
«Каждый сам должен знать, что делать, и свои обязанности, за это он получает зарплату»	21	Перенос ответственности
«Решаем совместно с сотрудниками вопросы по мере поступления»	32	Сотрудничество

У рядовых сотрудников присутствует низкий уровень осознанности себя активным участником взаимодействия, построения и развития системы экологичного управления персоналом и ответственности за результаты такого взаимодействия (неконструктивные стратегии поведения составляют в целом 63 %). В ответах руководителей превалирует отсутствие готовности взаимодействовать с сотрудниками в вопросах улучшения условий их работы, нежелание сделать шаг навстречу подчиненным (неконструктивные стратегии поведения — в целом 68 %).

Есть отличия в ответах респондентов технического и экономического направлений деятельности по поводу готовности активно участвовать в процессе взаимодействия с руководством (обсуждать, предлагать). Первые в большей степени настроены на четкое выполнение команд и распоряжений свыше (так ответили 73 %), без обсуждения целесообразности, соблюдая специальный регламент (например, судомеханики). Магистранты-экономисты делают акцент на обсуждении тех аспектов деятельности, которые их не устраивают;

в организации, наличие затруднений и отсутствие готовности активно действовать совместно для улучшения рабочей среды в организации — стали основанием для формирования подходов к управлению персоналом, к оптимальной структуре рабочей среды.

Под экологичным управлением персоналом следует понимать наиболее оптимальный способ формирования рабочей среды, взаимодействия руководителя и сотрудников, при котором максимально сохраняются и приумножаются ресурсы коллектива и каждого сотрудника, происходит полноценное достижение целей и потребностей организации и каждого сотрудника. Это понятие синонимично словам «человекоориентированный», «здоровьесберегающий», «жизнеспособный» в формировании рабочей среды. «Ресурс» в данном случае представляет собой человеческий и профессиональный потенциал и актуальное состояние сил человека в организации, такие возможности всего коллектива. Человеческий ресурс предусматривает физическое и психологическое здоровье

конкретного человека, его возможности и готовность для развития. Профессиональный ресурс, в свою очередь, включает компетентность в профессии, мотивацию к выполнению конкретных задач и развитию в профессии. «Рабочая среда» в контексте экологичного управления персоналом понимается как организованное взаимодействие сотрудников, оптимальное для совместной деятельности руководителя и коллектива конкретной организации.

Важно рассматривать данную категорию не как рекомендательную базу для руководителя (в совокупности правил, советов), а как системное образование — «рабочую среду», организованную для людей. Несомненно, этот подход требует компетентности и личной заинтересованности руководителя. Однако организация в социально-психологическом смысле представляет собой объединение людей, их статусное и ролевое проявление, различные уровни мотивации к труду и компетентность. Следовательно, значимую роль, на наш взгляд, будет играть учет активной позиции всех участников организации, осмысление основных вариантов их взаимодействия, взаимоотношений и результатов труда.

Раскрытие понятия «экологичное управление персоналом» возможно через формирование трехуровневой системы рабочей среды.

Первый уровень — *деятельностный*. Основу любой организации составляет активное взаимодействие всех сотрудников, направленное на достижение значимых для организации целей. Активность как результативная поведенческая характеристика может быть не только социально полезной (адекватной), но и социально опасной, проявляясь в профессиональном или личном поведении сотрудников коллектива, включая руководителя. В связи с этим считаем важным рассматривать системный подход к организационному поведению каждого сотрудника, обуславливающему деятельность всего коллектива. Значимыми составляющими для этого становятся характер взаимодействия в вертикальной и горизонтальной системах («руководитель — подчиненные», «сотрудник — сотрудник»); позиционирование сотрудников; стратегии

поведения сотрудников организации⁸. Наиболее конструктивный характер взаимодействий для существования конкретной личности в коллективе и коллектива в целом — субъект-субъектный, так как он направлен на активность и развитие личности и профессионала. Мы принимаем во внимание наличие иерархии и этику делового взаимодействия и не умаляем их значимости. Однако в экологичной концепции взаимодействия считаем первостепенным активное состояние сознания каждого сотрудника, при котором он понимает свою ценность (профессиональную и личную) для организации, имеет готовность проявить лучшие свои качества и проявляет их в решении задач организации. Одно из общих правил взаимодействия — «все хотят, чтобы их ценили» [8: с. 30] — затрагивает вопросы подкрепления адекватной самооценки, ощущения своей значимости и чувства собственного достоинства, касающиеся каждого сотрудника. В этом проявляется потребность в принятии, уважении.

Субъект-субъектный характер взаимодействий предполагает адекватное понимание сотрудниками своей ценности для общей цели и самореализации и способность проявить себя. Этот подход позволяет в процессе трудовой деятельности спрашивать о непонятном/неизвестном; уточнять неясное/неконкретное; просить о содействии/помощи; оказывать содействие; заявлять о неспособности/затруднении; не соглашаться, аргументированно и с уверенностью, в отсутствии «наказывающего административного рикошета в перспективе»; предлагать, имея право на ошибочное мнение, без страха публичного осуждения, открытого и скрытого и т. д. Это происходит вне зависимости от статусов и ролей, страха перед вышестоящим должностным лицом или боязни проявить свою «глупость» по непонятному для сотрудника вопросу. Данный подход к взаимодействию дословно основан на взаимных действиях всех в организации для достижения как организационных целей, так и личного здорового самоутверждения.

⁸ Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. С. 122.

Характер такой деятельности ценен в социально-психологическом плане и задается руководителем, который подчеркивает значимость каждого человека, декларирует и создает оптимальную (безопасную, без давления, без осуждения) рабочую среду для сотрудников, не приемля другие формы проявлений организационного поведения. Существенными категориями здесь выступают «поддержка», «взаимопомощь», «человечность».

В предлагаемой концепции позиционирование в рабочей среде должно быть в тесной взаимосвязи профессионально-статусного и личностно-ролевого поведения сотрудников. Позиции рассматриваются в контексте личностных установок, устойчивого отношения сотрудников к работе и коллективу, совместной деятельности. Ролевая позиция «сотрудник» — это в адекватном и гуманном понимании «коллективное сознание» с присутствием своей индивидуальной активной позиции каждого сотрудника. Руководитель выступает в данном случае как пример компетентного подхода к работе, профессионализма, законодатель этического делового взаимодействия.

Экологичное управление персоналом предполагает понимание каждым сотрудником четкой деятельности в двух аспектах: для себя («Чем я занимаюсь?», «Для чего я это делаю?») и для организации («К каким результатам приведет моя деятельность?», «Что я могу сделать для более конструктивного результата своей деятельности?»). Важными условиями выступают четкое структурирование деятельности организации, т. е. наличие и понимание всеми участниками процесса, целей, мотивов, средств достижения результатов этой деятельности; осознание каждым сотрудником стратегии своей деятельности — плана действий, правил, норм, средств и способов достижения организационных и личных целей. Инструментально стратегии всех участников организации могут быть отражены в доступном виде: это документально закрепленные инструкции, правила, регламенты. Такой подход организуется вертикально — от руководителя к подчиненным. Однако в рамках субъект-субъектного варианта взаимодействия задача подчиненных дать обратную связь, поддержать созданную руководителем

рабочую среду и сохранить ее в организационной деятельности.

Наиболее конструктивной стратегией взаимодействия руководителя и подчиненных представляется сотрудничество. Оно направлено на повышение у каждого работника уровня ответственности и сознательности за результаты своего и коллективного труда, помогает ему почувствовать себя активным субъектом, последователем своего руководителя в достижении целей, а не безликим подчиненным, маленьким человеком, незначимым винтиком общего механизма.

Коммуникативно-коммуникационный уровень рабочей среды — формально-неформальный элемент экологичного управления персоналом. Роль руководителя состоит, с одной стороны, в создании системы передачи информации в организации (коммуникационный компонент), с другой стороны, в формировании здорового межличностного общения (коммуникативный компонент). Формальная составляющая уровня — коммуникационный элемент. Речь идет об информационных потоках, их распределении в организации. Основными характеристиками коммуникации выступают непрерывность, многоканальность, достоверность, доступность, синхронность. Рассмотрим подробнее каждую из них. Известные вертикальные и горизонтальные потоки информации в каждой организации фактически существуют. Однако в организациях уделяется недостаточное внимание качеству восходящей и нисходящей коммуникации, обратной связи. (Респонденты, принявшие участие в нашем исследовании, на вопрос о качестве деловой коммуникации ответили следующим образом: «неорганизованная, искаженная передача информации» — 40 %, «непонятная трактовка заданий от руководства» — 28 %.) Данный факт проявляется в непонимании подчиненными заданий и распоряжений руководства (на уровне средств и подходов выполнения), субъективном искажении содержания заданий сотрудниками, неверном выполнении заданий (результате). Главные задачи вертикальной и горизонтальной коммуникации в организации — оперативное обеспечение достоверной информацией для оптимального выполнения

поставленных задач. Затруднения возможны в двух направлениях: отсутствие личной ответственности конкретного сотрудника за принятие/предоставление нужной информации и/или несвоевременное недостоверное предоставление информации сверху. Таким образом, важной задачей руководителя выступает формирование своевременного достоверного информационного обмена, что снижает личностную напряженность каждого сотрудника, создает возможность для качественного выполнения задач. Кроме этого, руководитель создает и стимулирует коллективную осознанность в организации, организационную ответственность: информация каждого — это ценная часть рабочей среды, обеспечивающая успех организации и каждого в ней. Здесь значимыми поведенческими актами руководителя могут выступать наблюдение за поведением и результатами работы сотрудников, фиксирование плюсов и минусов в информационном обмене и обсуждение путей корректировки данного процесса. Ценно для развития и руководителя, и сотрудников получение обратной связи по всему информационному потоку в организации, ее обоснование и обсуждение. Главными формами обсуждения могут выступать совещания, рабочие группы, мини-опросы. Как можно заметить, коммуникационный процесс складывается из инструментальных (налаживание информационных потоков) и психологических (ответственность каждого за результат при создании и передаче информации) подходов к формированию экологичной рабочей среды.

Коммуникативный компонент информационного обмена в организации в большей степени связан с личностными и деловыми умениями сотрудников устанавливать и поддерживать профессиональные контакты. Данный компонент может проявляться в неформальном общении, обнаруживать симпатии и антипатии. Однако разделение личного (субъективного) и делового (объективно необходимого для конструктивного взаимодействия в организации) является главным акцентом в поддержании экологичности рабочей среды. Простыми способами управления будут являться собственный пример руководителя, пресечение в организационном

взаимодействии «перехода на личности», осознанное поведение в рамках делового общения и демонстрация такого поведения. Неэкологичными, а значит, неприемлемыми для рабочей среды выступают манипуляционные и провокационные механизмы управления и взаимодействия. В противовес должны декларироваться и применяться открытые способы организационного воздействия и поведения — объективное изложение информации с правом выбора для сотрудников. Кроме названного недопустимы такие формы искаженной передачи информации и взаимодействия, как групповой фаворитизм⁹ (подчеркивание позиции «свои — чужие»), избирательное информирование, сплетни, слухи. Названные разрушительные стратегии информационного обмена напрямую влияют на эмоциональное состояние, мотивацию, направленность в деятельности, в целом на ресурсность человека и профессионала в организации. Они отвлекают сотрудников от решения деловых задач, способствуют растративанию их жизненных и профессиональных сил впустую, снимая фокус внимания с рабочей среды. Именно руководитель как законодатель этического взаимодействия и общения способен демонстрировать отказ от подобных коммуникативных форм и запрещать их использование линейному персоналу.

Все перечисленные способы управления и особенности информационных связей являются человекоориентированными, а значит, экологичными в управлении персоналом и создании рабочей среды, профилактически для процессов психоэмоционального перенапряжения, выгорания.

Ситуационный уровень. Организация — открытая система. Важно понимать, что на создание и развитие рабочей среды влияет множество условий и факторов. Они имеют тенденцию меняться объективно часто. Это понятие «часто» в сознании каждого руководителя и коллектива свое. Однако для современной организации неминуемы постоянные

⁹ Платонов Ю. П. Групповые эффекты и методы повышения эффективности совместной работы [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 23.05.2008. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4934> (дата обращения: 22.03.2022).

перемены (внешние и внутренние), определенные совокупностью социально-политических, экономических и психологических причин. Сущность ситуационного подхода заключается в том, что выбор способа и метода управления обуславливается конкретной ситуацией. Любая ситуация предполагает учет как минимум нескольких условий — времени, места, конкретных людей, задач, доступных ресурсов, совокупность всех перечисленных обстоятельств. Экологичность управления в данном случае определяется выбором и применением лучшего пути решения затруднения с точки зрения сохранения ресурса сотрудников, направления развития и корректировки их организационного поведения. В данном случае важны объективная позиция руководителя (взгляд со стороны); помощь экспертов (по конкретному вопросу, при необходимости); учет категории «социальная справедливость»; открытость в разъяснении и обосновании каждой точки зрения сторон и последующих управленческих решений. Человечность здесь проявляется не с позиции «добренького» руководителя, а с помощью обоснованного, открыто провозглашенного решения руководства. Такое взаимодействие сохраняет и приумножает ресурс каждого человека и коллектива в целом, позволяет задуматься, провести работу над ошибками, более осознанно и корректно взаимодействовать в будущем.

Представленная выше трехуровневая система рабочей среды позволяет выделить принципы экологичного управления персоналом как основы для поведения руководителя и взаимодействия с сотрудниками:

- демократичность: активное привлечение подчиненных в процессы принятия организационных решений;
- системность: учет в организации рабочей среды совокупности деятельностных, коммуникационных, ситуационных особенностей;
- оптимальность: выбор способов и методов управления, максимально сохраняющих и приумножающих профессиональный и человеческий ресурсы каждого сотрудника;
- ситуативность: реагирование на конкретную сложившуюся ситуацию в совокупности всех ее внешних и внутренних условий существования;

- открытость: обеспечение каждого сотрудника максимально доступной достоверной информацией для понимания и владения ею в рабочих целях;

- адекватность: демонстрация разумных, целесообразных действий, соответствующих ситуации, нормам организации, деловой и человеческой этике;

- гуманность: обеспечение субъект-субъектного характера взаимодействия в рабочей среде на основе принятия и подчеркивания ценности взаимоуважения сотрудников всех должностных уровней (профессионально и лично).

Благодаря теоретическому и практическому аспектам изучения темы предлагаем перечень форм и методов взаимодействия руководителя с сотрудниками в рамках экологичного управления персоналом:

- опросы: письменные или устные своды вопросов на актуальную для организации тему с целью получить мнение сотрудников, обратную связь, принять оптимальное управленческое решение;

- экспресс-совещания: непродолжительные по длительности собрания всего коллектива или рабочих групп с целью обсудить проблему, получить обратную связь на организационное затруднение, требующее безотлагательного решения, в режиме «здесь и сейчас»;

- наблюдение: возможность включенно (в совместной деятельности) и невключенно (со стороны) фиксировать процесс и результаты организационной деятельности с целью выделить сильные стороны и зоны роста;

- «карточки настроений»: ежедневный способ отслеживания психоэмоционального фона в коллективе с целью выяснения причин изменения настроений и затруднений сотрудников, получение возможности оперативно предупредить стрессовые состояния и ситуации;

- коучинг: метод индивидуального консультирования и обучения, направленный на поиск решения, путей достижения целей сотрудника (на основе его активной позиции в консультировании). Возможен как метод осознанного труда сотрудников и/или руководителя со своими личными и профессиональными затруднениями в рабочей среде;

– обучение по запросу сотрудника / совместному решению с руководителем (профессиональные курсы, тренинги и группы личностного роста): групповые встречи с целью повысить профессиональную или личную компетентность;

– балинтовские группы: группы поддержки, где осуществляется разбор наиболее трудных случаев в профессиональной сфере, нахождение путей решения, оптимальных для здоровья сотрудника и делового общения; создаются для осмысления проблем профессиональной коммуникации.

Выводы

Проведенный социально-психологический анализ процессов управления персоналом и сохранения человеческих ресурсов в современной организации позволяет сделать ряд выводов.

1. В современной литературе и источниках нет всестороннего, целостного социально-психологического подхода к оптимальной организации деятельности руководителя и сотрудников, в которой каждый может комфортно выполнять свои трудовые задачи, сохраняя профессиональный и личный потенциал.

2. В рамках предпринятого социологического исследования выявлены затруднения в самочувствии, восприятии организационного взаимодействия и процесса управления персоналом с обеих сторон, как сотрудников организации, так и ее руководителей.

3. Системный подход к определению и наполнению понятия «экологичное управление персоналом» позволяет рассматривать организацию в целостном взаимодействии ее основных субъектов (руководителя и сотрудников). В этой связи экологичное управление персоналом можно определить как оптимальный способ формирования рабочей среды, взаимодействия руководителя и сотрудников, при котором максимально сохраняются и приумножаются ресурсы коллектива и каждого сотрудника, происходит полноценное достижение целей и задач не только организации, но и отдельного сотрудника. Определение

рабочей среды как организованного взаимодействия сотрудников, оптимального для совместной деятельности руководителя и коллектива конкретной организации, позволяет создать систему такого взаимодействия, сделав акцент на трех основных уровнях: деятельностный, коммуникативно-коммуникационный, ситуационный.

4. Предложенная система рабочей среды реализуется в процессе управленческого воздействия на всех трех уровнях и оптимизирует результаты организационного взаимодействия, сохраняет ресурсы каждого сотрудника.

5. Принципы экологичного управления персоналом являются основными направлениями в «нормировании» поведения руководителя (в первую очередь) и предназначаются для оптимизации взаимодействия руководителя и сотрудников, сохранения и приумножения человеческого ресурса в организации. Конкретные формы и методы взаимодействия руководителя и сотрудников способны создать оптимальные условия рабочей среды, стать экологичным проявлением в управлении персоналом.

Заключение

Результаты проведенного анкетного опроса показали следующие нарушения взаимодействия и управленческих воздействий: искаженные коммуникационные связи между руководителем и подчиненными, сотрудниками; нечеткость постановки задач; недостаточность информационного обмена между сотрудниками. Основные стратегии взаимодействия руководителя и подчиненных — отстранение, перенос ответственности, защита.

Содержание каждого уровня рабочей среды, описанного в статье, раскрывает важность активного взаимодействия руководителя и сотрудников в концепции экологичного управления персоналом. Деятельностный уровень рабочей среды предполагает субъект-субъектный характер взаимодействия руководителя и сотрудников; осознанность взаимодействий в организации; стратегии сотрудничества; активное профессионально-личностное позиционирование в поведении сотрудников; четкое структурирование деятельности

организации. Коммуникативно-коммуникационный уровень характеризуется формированием своевременного достоверного информационного обмена (оперативным обеспечением достоверной информацией всех сотрудников); ответственностью каждого за результат создания и передачи информации; разделением личного и делового в информационном взаимодействии; запретом на неэкологичные формы взаимодействия и передачи информации. Ситуационный уровень предполагает выбор и применение руководителем лучшего пути в решении затруднения в режиме «здесь и сейчас» (лучшего с точки зрения сохранения ресурса сотрудников, направления развития и корректировки их организационного поведения, с учетом всех условий ситуации); возможность открытого заявления и аргументации мнений всех сторон; обоснованное, открыто провозглашенное решение руководства.

В контексте изложенной трехуровневой системы рабочей среды каждый сотрудник организации имеет возможность ответить на существенные вопросы для своего оптимального труда: «Как действовать для решения рабочих задач?» (деятельностный уровень); «Какая информация необходима и доступна

для решения рабочих задач?» (коммуникативно-коммуникационный уровень); «Что делать в условиях “здесь и сейчас”?» (ситуационный уровень).

В качестве основных принципов экологичного управления персоналом выделены демократичность, системность, оптимальность, ситуативность, открытость, адекватность, гуманность. Руководитель призван демонстрировать соблюдение этих принципов и способствовать их реализации во взаимодействии сотрудников. Конструктивными формами и методами взаимодействия руководителя с сотрудниками в рамках экологичного управления персоналом могут выступать опросы, экспресс-совещания, наблюдение, ежедневный мониторинг эмоционального настроения сотрудников («карточки настроения»), коучинг, обучение по запросу, балинтовские группы.

В заключение хотим подчеркнуть, что только системный, целостный подход к управлению персоналом, всестороннее рассмотрение данного процесса позволит учесть социально-психологические особенности взаимодействия в коллективе, оптимизировать организационное сотрудничество и сохранить человеческие ресурсы.

Литература

1. Алехина Л. Л., Суханов Р. А. Развитие человеческих ресурсов в системе управления персоналом на основе эффективной кадровой политики организации // *Экономическая среда*. 2019. № 1 (27). С. 29–38.
2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2020. 943 с.
3. Невструева Т. Х. Экология отношений в контексте проблем психологической практики // *Экология человеческих отношений как проблема практической психологии в современном обществе: сб. научных трудов / под ред. Е. Н. Ткач. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. С. 3–6.*
4. Петрова А. С., Меньшикова М. А. Роль мотивации в системе управления персоналом организации // *Актуальные проблемы управления в электронной экономике. Одиннадцатые Ходыревские чтения: сб. материалов Международной научно-практической конференции (г. Курск, 01 июня 2018 г.). Курск: Курский гос. ун-т, 2018. С. 111–114.*
5. Пичугин В. Г. Психология влияния в управлении персоналом: учеб. пособие. М.: Прометей, 2020. 144 с.
6. Серба В. Я. Коммуникации как основа менеджмента на современных предприятиях // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2018. Т. 7. № 8. С. 38–48.
7. Соколова М. М. Социальная психология коллектива: учеб. пособие. Казань: КНИТУ, 2019. 140 с.
8. Темплар Р. Правила управления людьми: Как раскрыть потенциал каждого сотрудника / пер. с англ. М. Кульнева. М.: Альпина Паблишер, 2019. 236 с.

9. Черняева Е. К. Мотивация как важнейший фактор повышения эффективности системы управления персоналом организации // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 7 (55). С. 10–15.
10. Ярушевский С. Негативное влияние профессий типа «человек – человек» на психологическое благополучие специалистов // Человек и современный мир. 2020. № 3 (40). С. 39–47.
11. Akram Z., Li Y., Akram U. When employees are emotionally exhausted due to abusive supervision. A conservation-of-resources perspective // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (18). P. 1–17. DOI: 10.3390/ijerph16183300
12. Bao Y., Zhong W. How stress hinders health among chinese public sector employees: The mediating role of emotional exhaustion and the moderating role of perceived organizational support // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (22). P. 1–16. DOI: 10.3390/ijerph16224408
13. Brenner M. J. et al. Honesty and transparency, indispensable to the clinical mission — part III: How leaders can prevent burnout, foster wellness and recovery, and instill resilience // Otolaryngologic Clinics of North America. 2022. № 55 (1). P. 83–103.
14. Clari M. et al. Multi-level analysis of individual and work environment factors associated with nurses' perceived emotional exhaustion // Applied Nursing Research. 2022. № 63. 151514. P. 2–9. DOI: 10.1016/j.apnr.2021.151514
15. Daniels M. A., Robinson S. L. The shame of it all: A review of shame in organizational life // Journal of Management. 2019. № 45 (6). P. 2448–2473.
16. De Hoogh A. H. B., Den Hartog D. N., Belschak F. D. Showing one's true colors: Leader Machiavellianism, rules and instrumental climate, and abusive supervision // Journal of Organizational Behavior. 2021. № 42 (7). P. 851–866. DOI: 10.1002/job.2536
17. Robert V., Vandenberghe C. A study of laissez-faire leadership in organizations: The role of employees' goal orientations // Psychologie du Travail et des Organisations. 2021. № 27 (3). P. 159–174. DOI: 10.1016/j.pto.2021.07.001
18. Scheel T. E. et al. A fair share of work: Is fairness of task distribution a mediator between transformational leadership and follower emotional exhaustion? // Frontiers in Psychology. 2019. № 10. 2690. P. 1–8. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02690
19. Stinglhamber F. et al. Leader-member exchange and organizational dehumanization: The role of supervisor's organizational embodiment // European Management Journal. 2021. № 39 (6). P. 745–754. DOI: 10.1016/j.emj.2021.01.006 0263-2373
20. Xing L., Sun J.-M., Jepsen D. Feeling shame in the workplace: Examining negative feedback as an antecedent and performance and well-being as consequences // Journal of Organizational Behavior. 2021. № 42 (9). P. 1244–1260.

References

1. Alexina L. L., Suxanov R. A. Razvitiye chelovecheskix resursov v sisteme upravleniya personalom na osnove e`ffektivnoj kadrovoj politiki organizacii [Development of human resources in the personnel management system based on an effective personnel policy of the organization] // E`konomicheskaya sreda [Economic environment]. 2019. № 1 (27). P. 29–38.
2. Kitaev-Smy`k L. A. Psixologiya stressa. Psixologicheskaya antropologiya stressa [Psychology of stress. Psychological anthropology of stress]. M.: Akademicheskij Proekt, 2020. 943 p.
3. Nevstrueva T. X. E`kologiya otnoshenij v kontekste problem psixologicheskoy praktiki [Ecology of relations in the context of problems of psychological practice] // E`kologiya chelovecheskix otnoshenij kak problema prakticheskoy psixologii v sovremennom obshhestve: sbornik nauchny`x trudov [Ecology of human relations as a problem of practical psychology in modern society: a collection of scientific papers]. Xabarovsk: Izd-vo Tixookean. gos. un-ta, 2018. P. 3–6.
4. Petrova A. S., Men`shikova M. A. Rol` motivacii v sisteme upravleniya personalom organizacii [The role of motivation in the personnel management system of an organization] // Aktual`ny`e problemy` upravleniya v e`lektronnoj e`konomike. Odinnadczaty`e Xody`revskie chteniya. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Kursk, 01 iyunya 2018 g.) [Actual problems of management in the electronic economy. The eleventh Khodyrev readings. Collection of materials of the international scientific and practical conference]. Kursk: Kurskij gos. un-t, 2018. P. 111–114.

5. Pichugin V. G. Psixologiya vliyaniya v upravlenii personalom: uchebnoe posobie [Psychology of influence in personnel management: textbook]. M.: Prometej, 2020. 144 p.
6. Serba V. Ya. Kommunikacii kak osnova menedzhmenta na sovremenny`x predpriyatiyax [Communications as the basis of management in modern enterprises] // E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya [Economics and management: problems, solutions]. 2018. Vol. 7 (8). P. 38–48.
7. Sokolova M. M. Social`naya psixologiya kollektiva: uchebnoe posobie [Social psychology of the collective: a textbook]. Kazan`: KNITU, 2019. 140 p.
8. Templar R. Pravila upravleniya lyud`mi: Kak raskryt` potencial kazhdogo sotrudnika [Rules of people management: How to unlock the potential of each employee]. M.: Al`pina Publisher, 2019. 236 p.
9. Chernyaeva E. K. Motivaciya kak vazhnejshij faktor povы`sheniya e`ffektivnosti sistemy` upravleniya personalom organizacii [Motivation as the most important factor in improving the efficiency of the organization's personnel management system] // Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom [Education and science in Russia and abroad]. 2019. № 7 (55). P. 10–15.
10. Yarushevskij S. Negativnoe vliyanie professij tipa «chelovek-chelovek» na psixologicheskoe blagopoluchie specialistov [The negative impact of professions such as “man – man” on the psychological well-being of specialists] // Chelovek i sovremenny`j mir [Man and Modern World]. 2020. № 3 (40). P. 39–47.
11. Akram Z., Li Y., Akram U. When employees are emotionally exhausted due to abusive supervision. A conservation-of-resources perspective // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (18). P. 1–17. DOI: 10.3390/ijerph16183300
12. Bao Y., Zhong W. How stress hinders health among chinese public sector employees: The mediating role of emotional exhaustion and the moderating role of perceived organizational support // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (22). P. 1–16. DOI: 10.3390/ijerph16224408
13. Brenner M. J. et al. Honesty and transparency, indispensable to the clinical mission — part III: How leaders can prevent burnout, foster wellness and recovery, and instill resilience // Otolaryngologic Clinics of North America. 2022. № 55 (1). P. 83–103.
14. Clari M. et al. Multi-level analysis of individual and work environment factors associated with nurses' perceived emotional exhaustion // Applied Nursing Research. 2022. № 63. 151514. P. 2–9. DOI: 10.1016/j.apnr.2021.151514
15. Daniels M. A., Robinson S. L. The shame of it all: A review of shame in organizational life // Journal of Management. 2019. № 45 (6). P. 2448–2473.
16. De Hoogh A. H. B., Den Hartog D. N., Belschak F. D. Showing one's true colors: Leader Machiavellianism, rules and instrumental climate, and abusive supervision // Journal of Organizational Behavior. 2021. № 42 (7). P. 851–866. DOI: 10.1002/job.2536
17. Robert V., Vandenberghe C. A study of laissez-faire leadership in organizations: The role of employees' goal orientations // Psychologie du Travail et des Organisations. 2021. № 27 (3). P. 159–174. DOI: 10.1016/j.pto.2021.07.001
18. Scheel T. E. et al. A fair share of work: Is fairness of task distribution a mediator between transformational leadership and follower emotional exhaustion? // Frontiers in Psychology. 2019. № 10. 2690. P. 1–8. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02690
19. Stinglhamber F. et al. Leader-member exchange and organizational dehumanization: The role of supervisor's organizational embodiment // European Management Journal. 2021. № 39 (6). P. 745–754. DOI: 10.1016/j.emj.2021.01.006 0263-2373
20. Xing L., Sun J.-M., Jepsen D. Feeling shame in the workplace: Examining negative feedback as an antecedent and performance and well-being as consequences // Journal of Organizational Behavior. 2021. № 42 (9). P. 1244–1260.

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.5

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ВЕДУЩЕЙ РУКИ У ЛИЦ С НАРУШЕННЫМ СЛУХОМ

С. С. Шарова,
КМБ № 4, Москва,
lightgp@mail.ru,

Л. А. Машкова,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва,
la.mashkova@gmail.com

Статья посвящена использованию авторской методики выявления ведущей руки при диагностике лиц с нарушенным слухом. В настоящий момент существует несколько подходов к выявлению ведущей руки у детей и взрослых: анкеты-опросники, теппинг-тесты, комплексы заданий на выполнение различных действий и аппаратные методики. В рамках школы и колледжа наиболее эффективными являются анкеты-опросники. Авторская методика предназначена для выявления ведущей руки у глухих и слабослышащих обучающихся, но может применяться и для других категорий обучающихся и взрослых.

Апробация и валидизация методики проходила на базе колледжа малого бизнеса № 4 г. Москвы. В качестве эталона использовалась методика М. Аннет по выявлению ведущей руки. В авторскую методику был включен вопрос, выявляющий наличие наследственного фактора при леворукости/праворукости. Кроме того, учащиеся рисовали фигуры обеими руками по очереди, воспроизводили заданные психологом действия, что позволило выполнить системную оценку полученных результатов.

Результаты валидизации выявили высокий уровень статистической значимости корреляции авторской методики с методикой М. Аннет. В статье показано: разработанная методика удовлетворяет необходимым требованиям по критериям надежности и валидности, что позволяет использовать ее для выявления ведущей руки у глухих и слабослышащих учащихся.

Ключевые слова: леворукие учащиеся; праворукие учащиеся; системная оценка; лица с нарушенным слухом; глухие учащиеся; слабослышащие учащиеся; тест на выявление ведущей руки.

Для цитаты: Шарова С. С., Машкова Л. А. Методика выявления ведущей руки у лиц с нарушенным слухом // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 61–69. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.5

Шарова Светлана Сергеевна, педагог-психолог колледжа малого бизнеса № 4, Москва.

E-mail: *lightgp@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7740-1254

Машкова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва.

E-mail: *la.mashkova@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-7877-5418

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.5

THE TECHNIQUE FOR IDENTIFYING THE LEADING HAND IN PERSONS WITH HEARING IMPAIRMENT

S. S. Sharova,
CSB № 4, Moscow,
lightgp@mail.ru

L. A. Mashkova
MSU, Moscow,
la.mashkova@gmail.com

The article is devoted to the use of the author's technique to identify the leading hand in the diagnosis of persons with impaired hearing. Currently, there are several approaches to identifying the leading hand in children and adults: questionnaires, tapping tests, sets of tasks for performing various actions and hardware methods. Within the framework of school and college, questionnaires are most effective. The author's methodology is designed to identify the leading hand of deaf and hard of hearing students, but can also be used for other categories of students and adults.

The methodology was tested and validated on the basis of College of Small Business № 4 in Moscow. M. Annett's methodology for identifying the leading hand was taken as a reference. The author's methodology included a question revealing the presence of a hereditary factor in left-handedness/right-handedness. The research was supplemented by drawing figures with both hands in turn, carrying out a test with performance of the actions set by the psychologist, which allowed to carry out a system assessment of the results.

The results of validation have revealed a high level of statistical significance of the correlation of the author's technique with the method of M. Annette. The article shows that the developed technique meets the necessary requirements for reliability and validity criteria, which allows to use this technique to identify the leading hand of deaf and hard of hearing students.

Keywords: left-handed students; right-handed students; systematic assessment; hearing-impaired persons; deaf students; hearing-impaired students; leading hand detection test.

For citation: Sharova S. S., Mashkova L. A. The technique for identifying the leading hand in persons with hearing impairment // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 1 (41). P. 61–69. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.5

Sharova Svetlana Sergeevna, teacher-psychologist of the College of Small Business № 4, Moscow, Russia.

E-mail: *lightgp@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7740-1254

Mashkova Larisa Aleksandrovna, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: *la.mashkova@gmail.com*;

ORCID: 0000-0002-7877-5418

Введение

В литературе представлено множество методик, направленных на выявление ведущей руки. Практически все они рассчитаны на дошкольников или младших школьников; аппаратные методики исследования применяются в основном при диагностировании взрослых людей,

перенесших последствия поражения головного мозга в результате инсульта или травмы. Однако при наличии таких сенсорных патологий, как нарушение слуха, анализ профиля латеральной организации оказывается недоступен.

Поскольку леворукость может быть вызвана также органическим поражением головного мозга во внутриутробном развитии,

необходимо учитывать анамнез развития, а также наличие наследственности при леворукости. С целью адаптации процедуры диагностики леворукости у лиц с нарушенным слухом была разработана авторская методика, направленная на выявление ведущей руки у обучающихся юношеского возраста, а также выявляющая наличие или отсутствие наследственной предрасположенности к леворукости. В настоящей статье представлены результаты валидизации этой методики.

Современные методы определения ведущей руки

В человеческой популяции количество людей с леворукостью варьируется от 3,5 до 8,8 %. Исследование А. П. Чуприкова позволило уточнить распределение мануальной асимметрии среди населения Москвы в возрасте от 18 лет: количество леворуких составило 3,5 %, амбидекстров — 8,8 % [10]. Среди мужчин количество леворуких почти в два раза больше (4,7 % мужчин и 2,4 % женщин), при этом среди людей старше 18 лет много амбидекстров (7 % мужчин и 10,3 % женщин). По мнению авторов, такие результаты связаны с традицией переучивания леворуких в начальной школе. Исследование авторов также позволило обнаружить, что 18 % испытуемых имеют леворуких родственников, при этом женщины сообщали о наличии в их семьях леворуких чаще, чем мужчины. Примечательно, что в семьях, где есть леворукие родственники, рождалось достоверно больше леворуких.

Количество леворуких среди людей с нарушенным слухом составляет 13 %, наряду с этим среди глухих леворуких больше, чем среди слабослышащих и людей с сохранным слухом [8; 12: с. 5].

В настоящее время методик выявления ведущей руки достаточно много. Все они подразделяются на несколько групп: анкеты-опросники, комплексы заданий на выполнение каких-либо действий, теппинг-тесты, аппаратные методики [14]. Одной из наиболее популярных, валидных и надежных методик на выявление ведущей руки считается тест

М. Аннет¹, состоящий из 12 вопросов, в которых ребенку (или взрослому) предлагается выбрать, какой рукой и как часто он выполняет определенные действия. На основании полученных результатов делается вывод о ведущей руке человека. По такому же принципу построен опросник А. П. Чуприкова, содержащий 10 вопросов. Методика М. Озьяс предполагает выполнение ребенком 20 различных действий, при этом исследователь записывает, какой рукой ребенок выполняет каждое действие, в конце результаты по каждой руке подсчитываются и делается вывод о предпочтении одной из рук при выполнении повседневных действий. По такому же принципу построена методика на выявление ведущей руки, разработанная М. Г. Князевой, В. Л. Вильдавским. Впоследствии были введены методики, которые определяли профиль функциональной асимметрии, включающий в себя моторную асимметрию (рука, нога) и сенсорную асимметрию (ухо, глаз) [1; 16]. В последние годы в латеральный профиль включили определение ведущего полушария головного мозга [7]. Методика Н. Н. Брагиной и Т. А. Доброхотовой для определения латерального фенотипа к особенностям восприятия детей дошкольного возраста была адаптирована Е. М. Бердичевской с соавторами [2]. Адаптированная методика включает 25 тестов на сенсорные и моторные предпочтения, при этом коэффициент асимметрии признака остался без изменений.

В ходе обследования населения Москвы на распределение мануальной асимметрии приводят методы определения леворукости на основе использования антропософизиологических признаков (I, II, III), при этом указывая, что в настоящее время существует слишком много методик определения латерального фенотипа. На настоящий момент диагностика на основе антропософизиологических признаков ставится под сомнение и отечественными, и зарубежными исследователями [10].

Собственную методику разработали Н. А. Воронин и Т. А. Строганова, модифицируя

¹ *Annett M. Handedness and brain asymmetry: The right shift theory. Hove, UK: Psychology Press, 2002. 396 p.*

компьютерный тест нейросетей внимания LANT для детей 5–7 лет, который изучает латерализацию модулей зрительно-пространственного внимания [4; 5]. Для исследования латеральности И. В. Соболева с коллегами использовала аппаратно-программный комплекс «Энцефалан-131-03», который анализирует биоэлектрическую активность мозга в десяти стандартных отведениях [9].

Ряд современных авторов предлагает в тестах на выявление мануальной асимметрии использовать дистальные сегменты руки [13; 15]. При оценке теппинг-тестов отмечается, что сила теппинга определяет степень доминантности руки в большей степени по сравнению с частотой теппинга. Критические замечания звучат также в адрес исследования латерального профиля. Латеральный профиль определяется по количеству предпочтений сенсорных и моторных систем. Он может быть правосторонним, левосторонним и смешанным. Однако при исследовании сенсорных предпочтений рассматривается только одна функция и игнорируются другие (конвергенция для ведущего глаза и различимость звуковых сигналов ведущего уха). Критике также подвергается исследование ЭЭГ мозга с целью выявления «глобальной когнитивной деятельности полушарий» [6].

Таким образом, в литературе представлено множество методик, направленных на выявление ведущей руки. Однако диагностика лиц юношеского возраста, не имеющих поражений мозга, но имеющих такие сенсорные патологии, как нарушение слуха, нуждается в применении оптимальной методики, понятной для глухих и слабослышащих учащихся и доступной для проведения

в условиях образовательной организации [11]. С этой целью была разработана авторская методика, направленная на выявление ведущей руки у обучающихся юношеского возраста, а также выявляющая наличие или отсутствие наследственной предрасположенности к леворукости [3].

Методика и процедура исследования

Исследование проводилось в 2020–2021 гг. на базе колледжа малого бизнеса № 4 г. Москвы. Из общей выборки, составляющей 768 учащихся, отобрали случайным образом 184 глухих и слабослышащих учащихся основной и старшей школы (8–11-е классы). Степень нарушения слуха определялась на основании анализа аудиограмм. Слабослышащие учащиеся выборки имели III–IV степень тугоухости, из них более 80 % имели III степень на одном ухе и IV степень — на другом; оставшиеся 20 % имели двустороннюю тугоухость IV степени; глухие учащиеся имели в анамнезе диагноз — глухота с рождения.

По возрасту учащиеся с нарушенным слухом были старше на 2–3 года учащихся с сохранным слухом в связи с пролонгированностью обучения слабослышащих и глухих учащихся в начальном и основном звене школы. Возраст учащихся варьировался от 15 лет до 21 года. Из карт учета состояния слуха и речи было получены сведения о состоянии речевого развития: степени развития речи, ее внятности/невнятности; уровне словарного запаса (см. табл.).

В рамках исследования было проведено тестирование на выявление ведущей руки

Таблица

Распределение выборки по слуху, полушарию, ведущей руке и полу

Ведущее полушарие	Ведущая рука	Уровень слуха					
		Глухие		Слабослышащие		Нормально слышащие	
		женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Правое	правая	7	7	5	4	15	8
	левая	3	1	0	1	0	1
Левое	правая	10	8	14	10	26	18
	левая	2	5	5	4	3	2
Правое и левое в равной степени	правая	32	16	23	18	26	15
	левая	5	3	8	4	1	1

с помощью методики М. Аннет. К исследованию были привлечены эксперты-психологи. Инструкции к тесту М. Аннет учащиеся читали самостоятельно, в случае затруднений обращались к переводчикам русского жестового языка (РЖЯ) или к педагогу-психологу, владеющему РЖЯ. Форма предъявления теста М. Аннет была недоступна для учащихся с нарушенным слухом: они не понимали, что значит «только правой», «чаще правой», им требовалась уточняющая информация. Эксперты-психологи в процессе наблюдения за учащимися во время тестирования определяли латеральное предпочтение. Глухие (90 %) и слабослышащие (75 %) учащиеся не смогли справиться с тестом М. Аннет, так как не понимали, как оценивать свои ответы, куда их записывать, т. е., повторим еще раз: форма предъявления материала в тесте М. Аннет была сложна для учащихся с нарушенным слухом. Эксперты-психологи ошибались в определении профиля учащегося методом наблюдения только в случае амбидекстрии школьника, при этом количество ошибок было невелико.

Возникла необходимость в модификации теста для использования его при диагностике глухих и слабослышащих учащихся. Тест на выявление ведущей руки был представлен А. П. Чуприковым, использовался при диагностике ведущей руки у нормально слышащих учащихся [10]. Форма предъявления модифицированной методики была взята из теста А. П. Чуприкова. Были проанализированы другие тесты на выявление ведущей руки, благодаря чему модифицированная методика была дополнена вопросами из известных методик для определения ведущей руки (М. Аннет, М. М. Безруких, М. Озьянс). Модифицированная и дополненная методика учитывала особенности восприятия словесной информации учащимися с нарушенным слухом. В модифицированную методику также был добавлен вопрос, выясняющий наличие или отсутствие наследственного предпочтения руки. В настоящее время валидной является только методика М. Аннет, поэтому содержание модифицированной методики и оценка результатов были взяты из ее теста.

С помощью модифицированного теста было проведено тестирование на выявление ведущей руки. При его использовании количество совпадений при выявлении ведущей руки учащихся с мнением экспертов соответствовало таким же показателям в тесте М. Аннет. Однако при выполнении модифицированного теста не справились с заданием только 15 % учащихся, выполнявших до этого тест М. Аннет. С помощью психолога такие учащиеся смогли справиться с модифицированным тестом, так как его форма учитывает особенности восприятия тестовой информации учащимися с нарушенным слухом. Сразу после выполнения модифицированного теста учащимся предлагалось выполнить действия в режиме реального времени, например поднять предмет, который психолог бросал на пол; застегнуть/растегнуть молнию на предложенной психологом сумке, подчеркнуть слова, разрезать бумагу, бросить психологу мяч и т. п. В дополнение к этому учащимся было предложено нарисовать дом (или машину) сначала правой рукой, а потом на другой части листа — такой же дом (машину) левой рукой. Результаты выполнения действий в режиме реального времени, а также рисования обеими руками поочередно впоследствии сравнивались с результатами модифицированного теста.

На четвертом этапе была проведена процедура конвергентной валидности модифицированной методики на выявление ведущей руки с тестом М. Аннет. Для этого сравнивались результаты, полученные с помощью этого теста, с результатами, полученными с помощью модифицированной методики. Данные дополнялись результатами, полученными в ходе наблюдения за учащимися при выполнении действий, а также результатами, полученными при выполнении рисунка обеими руками поочередно.

Результаты исследования

При статистической обработке данных с помощью коэффициента корреляции Пирсона ($r = 0,925$, $p = 0,01$ (двусторонняя значимость)) и коэффициента корреляции

Спирмена ($r = 0,885$, $p = 0,01$ (двусторонняя значимость)) была обнаружена значимая положительная корреляция между тестом М. Аннет и модифицированной методикой выявления ведущей руки. Данная корреляция достоверна на высоком уровне статистической значимости. Для проверки надежности модифицированной методики спустя месяц после первоначального исследования учащимся снова было предложено пройти тест, но уже в дистанционной форме. Полученные результаты сравнивались с предыдущими результатами учащихся. В 99 % случаев учащиеся не меняли свои ответы. Полученные данные показывают, что модифицированная методика является надежной, валидной,

что позволяет использовать ее для выявления ведущей руки у лиц с нарушенным и сохранным слухом.

Заключение

Результаты валидации выявили высокий уровень статистической значимости корреляции авторской методики с методикой М. Аннет. Модифицированная методика показала свою надежность и валидность, что позволяет использовать данную методику для выявления ведущей руки у учащихся с нарушенным слухом как в очной форме, так и в дистанционном формате при психодиагностике (см. приложение к статье).

Литература

1. Ахильгова М. Б. Модификация методики по определению ведущей руки для молодежи в возрасте 18–20 лет // *Материалы Всероссийского научного форума с международным участием «Неделя молодежной науки – 2021»*, посвященного медицинским работникам, оказывающим помощь в борьбе с коронавирусной инфекцией (г. Тюмень, 26–28 марта 2021 г.). Тюмень: Айвекс, 2021. С. 202–203.
2. Бердичевская Е. М. и др. Динамика формирования межполушарных отношений на ранних этапах онтогенеза // *Асимметрия*. 2011. Т. 5. № 4. С. 4–14.
3. Булгаков О. М. и др. Моделирование надежности тестов с усложненной структурой тестовых заданий // *Вестник Воронежского института ФСИН России*. 2020. № 2. С. 62–70.
4. Воронин Н. А., Строганова Т. А. Исследование латерализованных модулей зрительно-пространственного внимания // *Вопросы психологии*. 2008. № 6. С. 119–129.
5. Воронин Н. А., Строганова Т. А. Латерализация модулей зрительно-пространственного внимания и эффект перцептивного научения у детей дошкольного возраста // *Вопросы психологии*. 2009. № 6. С. 138–149.
6. Гутник Б., Нердер П., Архангельская Ю. Критика некоторых традиционных подходов к исследованиям в области асимметрии и ЦНС // *Асимметрия*. 2010. Т. 4. № 4. С. 38–46.
7. Николаева Е. И., Борисенкова Е. Ю. Сравнение разных способов оценки профиля функциональной сенсомоторной асимметрии у дошкольников // *Асимметрия*. 2008. Т. 2. № 1. С. 32–39.
8. Рыжов Б. Н., Шарова С. С. Особенности речевого развития школьников при сочетании факторов нарушенного слуха и мануальной асимметрии // *Человеческий капитал*. 2018. № 5 (113). С. 105–112. DOI: 10.25629/НС.2018.05.11
9. Соболева И. В. и др. Индивидуальные особенности межполушарного взаимодействия и качество мыслительной деятельности при обучении // *Асимметрия*. 2008. Т. 2. № 4. С. 29–33.
10. Чуприков А. П. и др. Распределение рукости и некоторые латеральные антропологические признаки среди практически здорового населения Москвы // *Асимметрия*. 2010. Т. 4. № 1. С. 54–71.
11. Шарова С. С. Влияние ФАГМ на речевое развитие учащихся юношеского возраста с нарушенным слухом // *Новации педагогики и психологии: сб. науч. трудов по итогам Международной научно-практической конференции* (г. Рязань, 25 марта 2017 г.) / *Федеральный центр науки и образования «Эвенсис»*. Вып. 2. Рязань: [б. и.], 2017. С. 72–74.
12. Шарова С. С. Психолого-педагогическое сопровождение учащихся с нарушенным слухом и разной мануальной асимметрией: методическое пособие: программа психолого-педагогического сопровождения. М: Спутник +, 2017. 18 с.
13. De Kovel C. G. F., Carrión-Castillo A., Francks C. A large-scale population study of early life factors influencing left-handedness // *Scientific Reports*. 2019. № 9 (1). P. 1–11. DOI:10.1038/s41598-018-37423-8

14. Papadatou-Pastou M. et al. Human handedness: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2020. № 146 (6). P. 481–524. DOI:10.1037/bul0000229
15. Schmitz J. et al. The neurophysiological correlates of handedness: Insights from the lateralized readiness potential // *Behavioural Brain Research*. 2019. Vol. 364. P. 114–122. DOI: 10.1016/j.bbr.2019.02.021
16. Yang N. et al. Translation, cultural adaptation, and test – retest reliability of Chinese versions of the Edinburgh Handedness Inventory and Waterloo Footedness Questionnaire // *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*. 2017. № 23 (3). P. 255–273. DOI: 10.1080/1357650x.2017.1357728

References

1. Axil'gova M. B. Modifikaciya metodiki po opredeleniyu vedushhej ruki dlya molodezhi v vozraste 18–20 let [Modification of the methodology for determining the leading hand for young people aged 18–20 years] // *Materialy` Vserossijskogo nauchnogo foruma s mezhdunarodny`m uchastiem «Nedelya molodezhnoj nauki – 2021», posvyashhennogo medicinskim rabotnikam, okazy`vayushhim pomoshh` v bor`be s koronavirusnoj infekciej (g. Tyumen`, 26–28 marta 2021 g.)* [Materials of the All-Russian scientific forum with international participation “Youth Science Week – 2021” dedicated to medical workers assisting in the fight against coronavirus infection (Tyumen, March 26–28, 2021)]. Tyumen': Ajveks, 2021. P. 202–203.
2. Berdichevskaya E. M. et al. Dinamika formirovaniya mezhpolutsharny`x otnoshenij na rannix e`tapax ontogeneza [Dynamics of formation of interhemispheric relations in early stages of ontogenesis] // *Asimmetriya [Asymmetry]*. 2011. Vol. 5. № 4. P. 4–14.
3. Bulgakov O. M. et al. Modelirovanie nadezhnosti testov s uslozhnennoj strukturoj testovy`x zadaniy [Modeling the reliability of tests with a complicated structure of test tasks] // *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]*. 2020. № 2. P. 62–70.
4. Voronin N. A., Stroganova T. A. Issledovanie lateralizovanny`x modulej zritel`no-prostranstvennogo vnimaniya [Study of lateralized modules of visual-spatial attention] // *Voprosy` psixologii [Psychology issues]*. 2008. № 6. P. 119–129.
5. Voronin N. A., Stroganova T. A. Lateralizaciya modulej zritel`no-prostranstvennogo vnimaniya i e`ffekt perceptivnogo naucheniya u detej doshkol`nogo vozrasta [Lateralization of visual-spatial attention modules and the effect of perceptual learning in preschool children] // *Voprosy` psixologii [Psychology issues]*. 2009. № 6. P. 138–149.
6. Gutnik B., Nerder P., Arxangel'skaya Yu. Kritika nekotory`x tradicionny`x podxodov k issledovaniyam v oblasti asimmetrii i CzNS [Criticism of some traditional approaches to research in the field of asymmetry and CNS] // *Asimmetriya [Asymmetry]*. 2010. Vol. 4. № 4. P. 38–46.
7. Nikolaeva E. I., Borisenkova E. Yu. Cravnenie razny`x sposobov ocenki profilya funkcional`noj sensorotornoj asimmetrii u doshkol`nikov [Comparison of different ways of evaluating the profile of functional sensorimotor asymmetry in preschoolers] // *Asimmetriya [Asymmetry]*. 2008. Vol. 2. №1. P. 32–39.
8. Ry`zhov B. N., Sharova S. S. Osobennosti rechevogo razvitiya shkol`nikov pri sochetanii faktorov narushennogo sluxa i manual`noj asimmetrii [Features of the speech development of schoolchildren with a combination of factors of impaired hearing and manual asymmetry] // *Chelovecheskij kapital [Human capital]*. 2018. № 5 (113). P. 105–112. DOI: 10.25629/HC.2018.05.11
9. Soboleva I. V. et al. Individual`ny`e osobennosti mezhpolutsharnogo vzaimodejstviya i kachestvo my`slitel`noj deyatel`nosti pri obuchenii. [Individual features of interhemispheric interaction and quality of thought activity in training] // *Asimmetriya [Asymmetry]*. 2008. Vol. 2. № 4. P. 29–33.
10. Chuprikov A. P. et al. Raspredelenie rukosti i nekotory`e lateral`ny`e antropologicheskie priznaki sredi prakticheski zdorovogo naseleniya Moskvj` [The distribution of the hand and some lateral anthropological signs among the practically healthy population of Moscow] // *Asimmetriya [Asymmetry]*. 2010. Vol. 4. № 1. P. 54–71.
11. Sharova S. S. Vliyanie FAGM na rechevoe razvitie uchashhixsya yunosheskogo vozrasta s narushenny`m sluxom [The influence of FAGM on the speech development of youth students with impaired hearing] // *Novacii pedagogiki i psixologii: sb. nauch. trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Ryazan`, 25 marta 2017 g.) / Federal`ny`j centr nauki i obrazovaniya «E`vensis»* [Innovations of pedagogy and psychology. Issue II. A collection of scientific works based on the results of the international scientific and practical conference]. Vy`p. 2. Ryazan': [b. i.], 2017. P. 72–74.

12. Sharova S. S. Psixologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie uchashhixsya s narushenny`m sluxom i raznoj manual`noj asimmetriej: metodicheskoe posobie: programma psixologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya [Psychological and pedagogical support for students with impaired hearing and various manual asymmetries: Methodological manual. Psychological and pedagogical support program]. M.: Sputnik +, 2017. 18 p.

13. De Kovel C. G. F., Carrión-Castillo A., Francks C. A large-scale population study of early life factors influencing left-handedness // Scientific Reports. 2019. № 9 (1). P. 1–11. DOI: 10.1038/s41598-018-37423-8

14. Papadatou-Pastou M. et al. Human handedness: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 2020. № 146 (6). P. 481–524. DOI: 10.1037/bul0000229

15. Schmitz J. et al. The neurophysiological correlates of handedness: Insights from the lateralized readiness potential // Behavioural Brain Research. 2019. Vol. 364. P. 114–122. DOI: 10.1016/j.bbr.2019.02.021

16. Yang N. et al. Translation, cultural adaptation, and test – retest reliability of Chinese versions of the Edinburgh Handedness Inventory and Waterloo Footedness Questionnaire // Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition. 2017. № 23 (3). P. 255–273. DOI: 10.1080/1357650x.2017.1357728

Приложение

Тест на выявление ведущей руки

Ф. И. О. _____

Класс/группа _____

Дата тестирования _____

№	Вопросы	Правой рукой		Левой рукой		Любой рукой
		(а)	(б)	(в)	(г)	(д)
		<i>Чаще правой, но могу и левой</i>	<i>Могу только правой, левой не могу</i>	<i>Чаще левой, но могу и правой</i>	<i>Могу только левой, правой не могу</i>	<i>Могу и правой, и левой</i>
1	Какой рукой ты пишешь в тетради?					
2	Какой рукой ты рисуешь?					
3	Какой рукой ты бросаешь камень, мяч?					
4	Какой рукой ты разрезаешь бумагу ножницами?					
5	В какой руке ты держишь зубную щетку?					
6	Какой рукой ты расчесываешь волосы?					
7	Какой рукой ты стираешь ластиком то, что написано/подчеркнуто?					
8	В какой руке ты держишь ложку?					
9	Какой рукой ты раздаешь карточки с заданиями или тетрадки?					
10	Какой рукой ты бьешь молотком, когда забиваешь гвоздь?					

№	Вопросы	Правой рукой		Левой рукой		Любой рукой
		(а)	(б)	(в)	(г)	(д)
		<i>Чаще правой, но могу и левой</i>	<i>Могу только правой, левой не могу</i>	<i>Чаще левой, но могу и правой</i>	<i>Могу только левой, правой не могу</i>	<i>Могу и правой, и левой</i>
11	Какой рукой ты нанизываешь бусы?					
12	Какой рукой ты завязываешь и развязываешь узелки?					
13	Какой рукой ты протираешь тряпкой доску?					
14	Какой рукой ты поднимаешь предмет с пола?					
15	Какой рукой ты заводишь часы?					
16	Какой рукой ты подчеркиваешь текст, предложения, слова?					
17	Какой рукой ты продеваешь нитку в иголку?					
18	Какой рукой ты чистишь обувь щеткой?					
19	Какой рукой ты закрываешь и открываешь молнию на сумке?					
20	Какой рукой ты наливаешь воду в стакан?					
21	Какой рукой ты зажигаешь спички?					
22	Какой рукой ты откручиваешь и закручиваешь крышку на бутылках, банках?					
23	Какой рукой выполняют все выше перечисленные действия твои родные (мама, папа, бабушка, дедушка, сестра, брат)?					

Отработка результатов: за ответы в графе «Правой рукой» даются баллы со знаком плюс: (а) — +0,5 балла, (б) — +1 балл; за ответы в графе «Левой рукой» даются баллы со знаком минус; (в) — -0,5 балла, (г) — -1 балл; за ответы в графе «Любой рукой» — 0 баллов.

После написания теста исследователь подсчитывает сумму баллов:

- от -22 до -9 — предполагается леворукость;
- от -8,5 до +8,5 — предполагается амбидекстрия;
- от +9 до +22 — предполагается праворукость.

**КОРОТКАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА
«НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ»**

В. П. Шейнов,
РИВШ, Минск,
Республика Беларусь,
sheinov1@mail.ru,

А. С. Девицын,
БГУ, Минск,
Республика Беларусь,
a.dziavitsyn@gmail.com

Манипуляции весьма распространены в современном обществе и играют немалую роль, принося их жертвам значительный психологический и иной ущерб. Поэтому весьма актуальна проблема поиска средств предупреждения потенциальных жертв манипулирования об их уязвимости перед манипуляторами. С помощью разработанного ранее опросника «Незащищенность от манипуляций» получено немало практически полезных результатов, однако для массовых исследований желательно иметь опросник по возможности меньшего объема, что отвечает современной исследовательской тенденции.

Целью данной статьи является разработка короткой версии опросника «Незащищенность индивида от манипулятивных воздействий» (ВМ-16). В исследовании приняли участие 950 испытуемых ($M = 21,2$, $SD = 7,7$) в том числе 647 женщин ($M = 21,6$, $SD = 7,8$) и 303 мужчины ($M = 20,6$, $SD = 7,4$). Показано, что предложенная короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16) надежна и валидна. Структура опросника ВМ-16 описывается построенной четырехфакторной моделью незащищенности от манипуляций, имеющей высокие показатели надежности и совместности.

Показатель незащищенности от манипуляций мужчин, диагностированный посредством использования опросника ВМ-16, существенно, статистически значимо превосходит незащищенность от манипуляций женщин. В приложении к статье приведена краткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16) и ключ к нему.

Ключевые слова: манипуляции; незащищенность от манипуляций; короткая версия опросника; факторная модель; мужчины; женщины.

Для цитаты: Шейнов В. П., Девицын А. С. Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций» // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 70–80. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.6

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: *sheinov1@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-2191-646X

Девицын Антон Сергеевич, старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: *a.dziavitsyn@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-2804-4107

A SHORT VERSION OF THE QUESTIONNAIRE OF VULNERABILITY TO MANIPULATION

V. P. Sheinov,
NIHE, Minsk,
Republic of Belarus,
sheinov1@mail.ru,

A. S. Devitsyn,
BSU, Minsk,
Republic of Belarus,
a.dziavitsyn@gmail.com

Manipulation is very common in modern society and plays a significant role, bringing substantial psychological and other damage to their victims. Therefore, the problem of finding means to warn potential victims of manipulation about their vulnerability to manipulators is very urgent. With the help of the previously developed questionnaire of vulnerability to manipulation, many practically useful results have been obtained, however, for mass research it is desirable to have a questionnaire of a much smaller volume, which corresponds to current research trends.

The purpose of this article is to develop a short version of the questionnaire of an individual's vulnerability to manipulative influences (VM-16). The study involved 950 subjects ($M = 21.2$, $SD = 7.7$), including 647 women ($M = 21.6$, $SD = 7.8$) and 303 men ($M = 20.6$, $SD = 7.4$). It is shown that the proposed short version of the VM-16 questionnaire of vulnerability to manipulation is reliable and valid. The structure of the VM-16 questionnaire is described by a constructed four-factor model of vulnerability to manipulation, which has high reliability and compatibility indicators.

The indicator of men's vulnerability to manipulation, diagnosed through the use of the VM-16 questionnaire substantially, statistically significantly exceeds women's vulnerability to manipulation. The Appendix contains a short version of the VM-16 questionnaire of vulnerability to manipulation and the key to the questionnaire.

Keywords: manipulation; vulnerability to manipulation; short version of the questionnaire; factor model; men; women.

For citation: Sheinov V. P., Devitsyn A. S. A short version of the questionnaire of insecurity from manipulation // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 1 (41). P. 70–80. DOI: 10.25688/2223-6872. 2022.41.1.6

Sheinov Viktor Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Professor, professor at the Department of Psychology and Pedagogical Mastery of the Republican Institute of Higher Education, Minsk, The Republic of Belarus.

E-mail: *sheinov1@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-2191-646X

Devitsyn Anton Sergeevich, Senior Lecturer, Department of Web Technologies and Computer Modeling, Belarusian State University, Minsk, The Republic of Belarus.

E-mail: *a.dziavitsyn@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-2804-4107

Введение

Манипуляции весьма распространены в современном обществе и играют немалую роль во взаимодействиях индивидов. Наиболее существен-

ный фактор в этом феномене — скрытность воздействия и его эгоистический характер: «Манипуляция — это скрытое управление в личных целях его инициатора, противоречащее интересам адресата воздействия» [4: с. 8]. Системный анализ имеющихся определений

термина «манипуляция» позволяет выстроить универсальную модель манипулятивного воздействия.

В число негативных последствий манипуляций входит и то, что они являются серьезным источником конфликтов. К настоящему моменту описаны различные виды манипуляции, встречающиеся практически во всех областях социальных отношений.

Изучены личности макиавеллистов, т. е. тех, кто умело манипулирует людьми. Рассмотрено влияние возраста, биологического и социального пола, социализации и других факторов на возникновение макиавеллизма и его проявления. Составлен социально-психологический портрет макиавеллиста¹. В связи с необходимостью оценки факторов, влияющих на степень подверженности манипулятивному воздействию, был разработан опросник «Незащищенность от манипуляций» [5]. Результаты проведенных исследований показывают, что незащищенность личности от манипуляций «положительно связана с направленностью индивида на взаимодействие с другими и отрицательно — с направленностью на свое Я. Выявлено, что женщины в целом лучше мужчин защищены от манипуляций» [5: с. 147].

С помощью этого опросника получен ряд практически важных результатов. Показано, что «преподаватели недостаточно защищены от манипулятивных воздействий со стороны учащихся; склонность к манипулированию у учащихся выше, чем у преподавателей. Макиавеллизм подростков (16–17 лет) способствует их лучшей защищенности от манипуляций»². При этом «незащищенность студентов от манипуляций, их психологический пол, локус контроля и уверенность в себе связаны между собой. Незащищенность от манипуляций студентов обоего пола положительно коррелирует с показателями их феминности»³.

¹ Шейнов В. П. Макиавеллизм личности: кто умело манипулирует людьми. Минск: Харвест, 2012. 416 с.

² Шейнов В. П. Ассертивность, макиавеллизм, незащищенность от манипуляций и психические состояния преподавателей и учащихся // Системная психология и социология. 2014. № 3 (11). С. 106.

³ Шейнов В. П. Незащищенность студентов от манипуляций и их психологический пол, локус

Установлено, что незащищенность от манипуляций тесно связана с эмоциональным интеллектом, однако направленность этих связей имеет половые различия. «Защищенности от манипуляций юношей и девушек способствует их эмоциональная осведомленность. Защищенность от манипуляций и ассертивность студентов положительно связаны с их удовлетворенностью выбранной профессией, жизнью в целом и с успеваемостью»⁴.

В последнее время в психологической литературе получила развитие тенденция сокращать количество заданий в опросниках [1–3]. Это связано с тем, что большие опросники вызывают трудности со сбором материалов тестирования и проблемы с качеством ответов: часть испытуемых при виде большого количества вопросов отказывается от тестирования, либо подходит формально к выполнению задания, что еще хуже, поскольку это искажает картину изучаемого феномена и создает проблему исследователю в интерпретации полученных результатов [7; 9]. Указанные практические наблюдения подтверждаются рядом эмпирических исследований [6; 8]. В статье А. Херцог и Дж. Бахман показано, что «респонденты, отвечающие на вопросы, включенные в большие анкеты, к последним частям длинной анкеты с большей вероятностью дают одни и те же ответы на большинство или на все вопросы, по сравнению с более качественными ответами на вопросы в меньших анкетах или в более коротких опросниках» [11: с. 549]. Этот результат относится к традиционному способу тестирования посредством раздачи испытуемым стимульного материала при личном контакте. В исследовании М. Галешич и М. Босняк при изучении интернет-опросов установлено, что «чем больше длина предложенного опросника, тем меньше респондентов начали и завершили анкетирование. Кроме того, ответы на вопросы, находящиеся в анкете дальше от начала, были более быстрыми, короткими

контроля и уверенность в себе // Системная психология и социология. 2017. № 1 (21). С. 44.

⁴ Шейнов В. П. Ассертивность, незащищенность от манипуляций и эмоциональный интеллект индивидов // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 38.

и единообразными, нежели ответы на вопросы, расположенные ближе к началу» [10: с. 349].

В условиях пандемии, когда на смену непосредственным контактам приходит обмен информацией в режиме онлайн, сбор первичных данных для проведения эмпирического исследования приходится также осуществлять дистанционно. Ввиду отсутствия при этом возможности контролировать ход выполнения заданий респондентами вопрос о количестве заданий в опросниках приобретает весомое значение. Как показывает опыт проведенных исследований, оптимизация числа заданий способствует получению большего количества правдивых ответов и положительно влияет на их качество [12; 15]. Кроме того, наличие более коротких опросников позволяет включить в акт тестирования больше различных тестов, что расширяет возможности получения информации и проверки большего числа гипотез исследования [13; 14]. При грамотном сокращении количества вопросов получившийся более короткий опросник может обладать не только не худшими, но даже лучшими психометрическими характеристиками, чем первоначальный его вариант⁵.

В этой связи целью настоящей статьи является разработка короткой версии опросника «Незащищенность индивида от манипулятивных воздействий».

Методика исследования

За основу данной разработки принят представленный в приложении к статье расширенный (до 31 задания) вариант опросника «Оценка степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий» из 20 заданий, надежность и валидность которого

доказана [5]. Исходная версия была разработана для взрослых, расширенная версия ориентирована и на взрослых, и на молодых людей.

В исследовании приняла участие группа испытуемых, анонимно ответивших на вопросы разосланного авторами через социальные сети «Приглашения к исследованию». Всего использованы данные ответов 950 испытуемых, в том числе от 647 женщин ($M = 21,6$, $SD = 7,8$) и от 303 мужчин ($M = 20,6$, $SD = 7,4$). Статистика возраста групп испытуемых представлена в таблице 1.

Конструирование опросника

За основу создаваемого опросника приняты вопросы из приложения к статье.

С помощью одновыборочного критерия Колмогорова – Смирнова все выборки были проверены на их соответствие нормальному закону распределения. Двухсторонняя асимптотическая значимость оказалась во всех случаях больше 0,05, что указывает на соответствие нормальному закону при принятом уровне значимости $p = 0,05$.

Альфа Кронбаха матрицы ВМ-31 ответов 950 испытуемых на 31 вопрос равна 0,696. Вычисление статистик соотношения пунктов матрицы ВМ-31 с ее суммарным баллом показывает, что если ограничиться удалением только одного пункта (№ 10) опросника, то можно незначительно (на 0,006) улучшить его гомогенность: при этом альфа Кронбаха станет равной 0,702.

Более кардинальное улучшение психометрических характеристик позволяет осуществить удаление тех пунктов, которые при факторном анализе показывают небольшие веса. Эти вопросы были удалены из заданий полной версии опросника⁶ (оставшиеся задания представлены в приложении к статье).

Коэффициент альфа Кронбаха сокращенной матрицы для 950 испытуемых равен 0,739, для женской части выборки ($n = 647$) — 0,735, для мужской части выборки ($n = 303$) — также 0,735.

⁵ Шейнов В. П. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 1. С. 97–115. DOI: 10.38098/irpan.orwr.2021.18.1.005; Шейнов В. П., Девочкин А. С. Сокращенная версия опросника ассертивности // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Вып. 4. С. 557–565. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70

⁶ Шейнов В. Путь победителя. От неуверенности к успеху. СПб.: Питер. 2017. С. 241.

Таблица 1

Соотношения пунктов опросника ВМ-16 с его суммарным баллом

Пункты опросника	Среднее шкалы при удалении пункта	Дисперсия шкалы при удалении пункта	Корреляция пункта с суммарным баллом	Альфа Кронбаха при удалении пункта
ВМ_1	65,1274	302,703	,411	,724
ВМ_8	65,4126	300,923	,477	,722
ВМ_9	65,3274	302,336	,436	,724
ВМ_11	65,6295	303,197	,449	,724
ВМ_12	65,8400	297,551	,549	,719
ВМ_13	66,4316	308,364	,331	,729
ВМ_17	65,5768	297,680	,464	,720
ВМ_19	65,8863	299,426	,472	,721
ВМ_22	66,1579	308,316	,241	,730
ВМ_23	65,6642	307,937	,306	,729
ВМ_25	64,9958	303,498	,402	,725
ВМ_26	65,5284	301,369	,433	,723
ВМ_27	65,4432	301,170	,407	,723
ВМ_28	65,6958	297,852	,477	,720
ВМ_29	64,8042	307,258	,319	,728
ВМ_30	65,3179	308,027	,168	,731

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что удаление любого из 16 сохраненных пунктов опросника уменьшает коэффициент альфа Кронбаха и, как следствие, ухудшит его однородность. Точно такое же положение имеет место для женской и мужской частей выборки.

Дискриминативность всех 16 оставленных в опроснике заданий проверена посредством вычисления корреляции каждого задания

с общим баллом опросника. Все корреляции оказались статистически значимыми и находящимися в пределах от $R = 0,226$, $p \leq 0,001$ до $R = 0,593$, $p \leq 0,001$ (табл. 2). Таким образом, дискриминативность всех заданий оказалась выше порогового значения 0,2, рекомендуемого для включения задания в опросники.

Немаловажно, что высокая дискриминативность имеет место и для женской

Таблица 2

Корреляции между показателями пунктов короткой версии опросника (ВМ-16) и его суммарным показателем

Пункт опросника	Корреляция
ВМ_1	,454**
ВМ_8	,507**
ВМ_9	,464**
ВМ_11	,483**
ВМ_12	,593**
ВМ_13	,362**
ВМ_17	,517**
ВМ_19	,515**
ВМ_22	,276**
ВМ_23	,343**
ВМ_25	,439**
ВМ_26	,492**
ВМ_27	,450**
ВМ_28	,529**
ВМ_29	,344**
ВМ_30	,226**

Примечание: ** — корреляция значима на уровне $p = 0,001$.

выборки (все корреляции оказались в пределах от $R = 0,223$, $p \leq 0,001$ до $R = 0,526$, $p \leq 0,001$) и для мужской (корреляции в пределах от $R = 0,219$, $p \leq 0,001$ до $R = 0,559$, $p \leq 0,001$).

Отметим, что использованы и приведены корреляции по Пирсону, поскольку (как было отмечено ранее) показатели незащищенности от манипуляций имеют распределения, близкие к нормальному.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что все задания, включенные в короткую версию опросника (ВМ-16), являются дискриминативными для определения незащищенности от манипуляций. При этом дискриминативность в ВМ-16 оказалась более выраженной, чем у исходной его версии, так как корреляции каждого задания с общим баллом короткой версии опросника оказались большими. Таким образом, получено доказательство оправданности и эффективности присутствия в опроснике ВМ-16 каждого из 16 выбранных заданий.

Факторная модель незащищенности от манипуляций

Для подтверждения рабочей гипотезы о возможности сокращения (без ухудшения качества) количества пунктов опросника

и изучения его факторной структуры был проведен эксплораторный факторный анализ.

При проведении анализа с использованием непараметрических и параметрических методов были получены схожие результаты по структуре. Ввиду этого при оценке модели использованы общепринятые методы для психологических моделей. Такое решение оправдывается тем, что показатели факторов — это прямая сумма показателей, входящих в них переменных, причем и значения этих сумм имеют нормальное распределение (что подтверждается и результатами тестирования модели).

Для проведения факторного анализа использовалась платформа R. Основные параметры расчетной модели: количество факторов определялось на основании параллельного анализа (или анализа Хорна, введенного психологом Джоном Л. Хорном) с использованием методов симуляции Монте-Карло; для решения системы использовался метод минимальных невязок (minres) при косоугольном вращении (oblimin).

В результате была получена факторная модель, состоящая из четырех факторов, включающих 16 пунктов опросника. Модель представлена в таблице 3, в которой номер пункта указан в соответствии с нумерацией полной версии опросника.

При этом в построенной факторной модели были исключены как малозначимые

Таблица 3

Распределение пунктов опросника ВМ-16 по его факторам и их факторная нагрузка

Пункт опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
ВМ_8	0,641			
ВМ_9	0,536			
ВМ_29	0,513			
ВМ_30	0,315			
ВМ_25		0,528		
ВМ_1		0,395		
ВМ_28		0,363		
ВМ_17		0,363		
ВМ_27		0,339		
ВМ_13			0,511	
ВМ_19			0,365	
ВМ_12		0,320	0,336	
ВМ_22			0,315	
ВМ_11			0,314	
ВМ_23				0,490
ВМ_26				0,339

следующие пункты опросника: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 14, 15, 16, 18, 20, 21, 24, 31.

Справедливость подобного сокращения была подтверждена тем, что указанные переменные обладают, по сравнению с сохраненными пунктами, более низкой дискриминативностью.

Факторная модель была проверена общепринятыми статистическими тестами и были получены следующие результаты:

Критерий Бартлетта		
<i>Chi</i> -квадрат	<i>Df</i>	<i>p</i>
2549	465	< 0,001
RMSEA (90 % доверительный интервал)		0,0189 (0,0237 верхн.)
TLI		0,932
<i>Chi</i> -квадрат (модели)		
<i>Chi</i> -квадрат	<i>Df</i>	<i>p</i>
452	347	< 0,001

По результатам тестов можно сделать вывод о том, что данная модель имеет хорошие показатели надежности и совместности. Семантические обобщения вопросов, входящих в факторы, позволили дать следующие наименования факторов:

Номер фактора	Наименование фактора (смысловая интерпретация)
1	Совет и помощь
2	Труд и дела
3	Послушность
4	Запреты

Проверка надежности опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16)

Опросник ВМ-16 был проверен на внутреннюю согласованность, а также ретестовую надежность.

Мерой внутренней согласованности опросника служит альфа Кронбаха. Она для матрицы ответов на 16 заданий опросника оказалась равной $R = 0,739$, $p \leq 0,001$ для общей выборки женщин и мужчин ($n = 950$), $R = 0,741$, $p \leq 0,001$ для женской выборки ($n = 647$) и $R = 0,735$, $p \leq 0,001$ для мужской выборки ($n = 303$).

Это свидетельствует о хорошей внутренней согласованности короткой версии опросника

(ВМ-16) — лучшей, чем для полной версии опросника. Удаление любого задания привело бы к уменьшению альфы Кронбаха, т. е. к ухудшению внутренней согласованности.

Отметим, что альфа Кронбаха исходной версии опросника равнялась 0,696. Таким образом, психометрические показатели короткой версии опросника (ВМ-16) лучше, чем у полной версии опросника.

Ретестовая надежность проверена повторным тестированием с интервалом в пять недель. Из первоначального списка испытуемых прислали ответы 327 респондентов, в том числе 206 женщин и 121 мужчина. Корреляция между первым и вторым тестом равна 0,894. Это означает приемлемую ретестовую надежность, поскольку показатели, больше 0,7 служат свидетельством надежности по данному критерию.

Проверка валидности опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16)

При условии подтверждения конвергентной валидности сокращенная с 31 до 16 вопросов короткая версия опросника должна положительно коррелировать с ранее разработанной версией опросника, надежность и валидность которой доказана [5]. Между указанными опросниками имеют место следующие корреляции: для общей выборки женщин и мужчин ($n = 950$) $R = 0,914$, $p \leq 0,001$, для женской выборки ($n = 647$) $R = 0,908$, $p \leq 0,001$, для мужской выборки ($n = 303$) $R = 0,909$, $p \leq 0,001$. Это свидетельствует о высокой степени положительной связи между указанными опросниками.

Установлено, что «женщины в целом лучше мужчин защищены от манипуляций» [4: с. 153], т. е. у мужчин незащищенность от манипуляций должна быть выше, чем у женщин. Примененный *t*-критерий равенства средних значений Стьюдента для выборки женщин и мужчин дал результаты, представленные в таблице 4.

Данные таблицы 4 показывают, что диагностированная опросником ВМ-16 незащищенность мужчин от манипуляций (18,4) статистически значимо ($p \leq 0,001$) превосходит незащищенность женщин от манипуляций (15,3).

Групповая статистика опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16)
для мужчин и женщин

Опросник	Пол	N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
ВМ-16	Мужчины	303	18,3927	5,17196	0,29712
	Женщины	647	15,2798	4,99820	0,19650

Этот вывод имеет место как в предположении равенства дисперсий Ливиня, так и их неравенства.

Заключение

Показано, что предложенная короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16) надежна и валидна. Она удовлетворяет стандартным требованиям к опросникам относительно их надежности: на внутреннюю согласованность, высокую дискриминативность его пунктов и ретестовую надежность.

Опросник валиден, удовлетворяя ключевым критериям валидности: валидизации в процессе конструирования опросника;

валидности содержательной; «очевидной» валидности; текущей и прогностической валидности; конструктивной и конвергентной валидности; валидности по полу.

Построена четырехфакторная модель незащищенности от манипуляций, имеющая хорошие показатели надежности и совместности.

Опросник стандартизован: приведены нормы, позволяющие выразить отличие индивидуального результата от среднего в единицах стандартного отклонения.

Незащищенность мужчин от манипуляций, диагностированная опросником, статистически значимо превосходит незащищенность женщин от манипуляций.

Разработанный опросник и ключ к нему приведены в приложении к статье.

Литература

1. Корниенко Д. С., Дерриш Ф. В. Психометрические характеристики «короткого» опросника темной триады // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 525–538.
2. Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф. Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 138–154.
3. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. DOI: 10.17759/chp.2020160110
4. Шейнов В. П. Психология манипулирования. 3-е изд. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2011. 704 с.
5. Шейнов В. П. Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 147–154.
6. Barrios-Fernandez S. et al. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children // Children. 2021. Vol. 8 (799). P. 1–14. DOI: 10.3390/children8090799. URL: <https://www.mdpi.com/2227-9067/8/9/799> (access date: 04.12.2021).
7. Bieleke M. et al. The AEQ-S: A short version of the Achievement Emotions Questionnaire // Contemporary Educational Psychology. 2021. Vol. 65. P. 101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0361476X20301053?via%3Dihub> (access date: 24.11.2021).
8. Cabral A. C. et al. Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16 // The Journal of Clinical Hypertension, 2018. Vol. 20. № 1. P. 118–124. DOI: 10.1111/jch.13137
9. Cliffe T., Beinart H., Cooper M. Development and validation of a short version of the Supervisory Relationship Questionnaire // Clinical Psychology & Psychotherapy. 2016. Vol. 23. № 1. P. 77–86. DOI: 10.1002/cpp.1935
10. Galesic M., Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey // Public Opinion Quarterly. 2009. Vol. 73. № 2. P. 349–360.

11. Herzog A. R., Bachman J. G. Effects of questionnaire length on response quality // *The Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. № 4. P. 549–559. URL: <http://www.jstor.org/stable/2748903>
12. Mirghafourvand M., Jafarabadi M. A., Ghanbari-Homayi S. Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020. Vol. 20. № 616. DOI: 10.1186/s12884-020-03317-9. URL: <https://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12884-020-03317-9> (access date: 01.12.2021).
13. Mohamad E. M. W. et al. Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context // *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20. № 580. DOI: 10.1186/s12889-020-08704-7. URL: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-020-08704-7> (access date: 03.12.2021).
14. Jutten R. J. et al. Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL Questionnaire // *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. 2017. Vol. 8. P. 26–35. DOI: 10.1016/j.dadm.2017.03.002
15. Schrepp M., Hinderks A., Thomaschewski J. Design and evaluation of a short version of the User Experience Questionnaire (UEQ-S) // *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*. 2017. Vol. 4 (6). P. 103–108.

References

1. Kornienko D. S., Derish F. V. Psixometricheskie xarakteristiki «korotkogo» oprosnika temnoj triady` [Psychometric characteristics of the “short” questionnaire of the dark triad] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. 2019. № 4. P. 525–538.
2. Sergeeva A. S., Kirillov B. A., Dzhumagulova A. F. Perevod i adaptaciya kratkogo pyatifaktornogo oprosnika lichnosti (TIPI-RU): ocenka konvergentnoj validnosti, vnutrennej soglasovannosti i test-retestovoj nadezhnosti [Translation and adaptation of the short five-factor personality questionnaire (TIPI-RU): assessment of convergent validity, internal consistency and test-retest reliability] // *E`ksperimental`naya psixologiya* [Experimental psychology]. 2016. Vol. 9. № 3. P. 138–154.
3. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. Razrabotka i aprobaciya sokrashhennoj versii metodiki «Social`ny`e aksiomy`» M. Bonda i K. Leunga [Development and approbation of an abbreviated version of the methodology “Social axioms” by M. Bond and K. Leung] // *Kul`turno-istoricheskaya psixologiya* [Cultural and historical psychology]. 2020. Vol. 16. № 1. P. 96–110. DOI:10.17759/chp.2020160110
4. Shejnov V. P. Psixologiya manipulirovaniya [Psychology of manipulation]. 3-e izd. M.: AST; Minsk: Xarvest, 2011. 704 p.
5. Shejnov V. P. Razrabotka oprosnika dlya ocenki stepeni nezashhishhennosti individa ot manipuliyativny`x vozdeystvij [Development of a questionnaire to assess the degree of vulnerability of an individual from manipulative influences] // *Voprosy` psixologii* [Questions of psychology]. 2012. № 4. P. 147–154.
6. Barrios-Fernandez S. et al. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children // *Children*. 2021. Vol. 8 (799). P. 1–14. DOI: 10.3390/children8090799. URL: <https://www.mdpi.com/2227-9067/8/9/799> (access date: 04.12.2021).
7. Bieleke M. et al. The AEQ-S: A short version of the Achievement Emotions Questionnaire // *Contemporary Educational Psychology*. 2021. Vol. 65. P. 101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0361476X20301053?via%3Dihub> (access date: 24.11.2021).
8. Cabral A. C. et al. Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16 // *The Journal of Clinical Hypertension*, 2018. Vol. 20. № 1. P. 118–124. DOI: 10.1111/jch.13137
9. Cliffe T., Beinart H., Cooper M. Development and validation of a short version of the Supervisory Relationship Questionnaire // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2016. Vol. 23. № 1. P. 77–86. DOI: 10.1002/cpp.1935
10. Galesic M., Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey // *Public Opinion Quarterly*. 2009. Vol. 73. № 2. P. 349–360.
11. Herzog A. R., Bachman J. G. Effects of questionnaire length on response quality // *The Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. № 4. P. 549–559. URL: <http://www.jstor.org/stable/2748903>
12. Mirghafourvand M., Jafarabadi M. A., Ghanbari-Homayi S. Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020.

Vol. 20. № 616. DOI: 10.1186/s12884-020-03317-9. URL: <https://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12884-020-03317-9> (access date: 01.12.2021).

13. Mohamad E. M. W. et al. Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context // BMC Public Health. 2020. Vol. 20. № 580. DOI: 10.1186/s12889-020-08704-7. URL: <https://bmcpubhealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-020-08704-7> (access date: 03.12.2021).

14. Jutten R. J. et al. Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL Questionnaire // Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring. 2017. Vol. 8. P. 26–35. DOI: 10.1016/j.dadm.2017.03.002

15. Schrepp M., Hinderks A., Thomaschewski J. Design and evaluation of a short version of the User Experience Questionnaire (UEQ-S) // International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence. 2017. Vol. 4 (6). P. 103–108.

Приложение

Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций» (ВМ-16)

Инструкция: Как Вы поступите в предлагаемых ситуациях? Укажите свой вариант действий: а, б или в.

1. Когда родители принуждают ребенка заниматься в музыкальной школе, спортивной секции, то они так поступают, чтобы: а) ребенок достиг успеха в жизни; б) прославил фамилию; в) затрудняюсь с ответом.

2. Представьте, что у Вас есть сестра и она обратилась к Вам за советом: выходить ли ей замуж за своего молодого человека или не спешить? Как Вы поступите: а) дам совет; б) уклонюсь от него; в) решу в зависимости от обстоятельств.

3. Друг обратился к Вам за советом: куда поступать учиться? Ваши действия: а) дам совет; б) уклонюсь от него; в) решу в зависимости от обстоятельств.

4. Родитель создает в глазах ребенка образ «сверхродителя», который никогда не ошибается и всегда выполняет свои обещания. Ваше мнение: а) это положительный пример для ребенка; б) это наносит вред ребенку; в) здесь есть и плюсы, и минусы.

5. Бабушка — маленькому внуку: «Не делай этого! А то Баба-яга заберет». Это: а) приучает ребенка к послушанию и соблюдению порядка; б) грозит отрицательными последствиями для него; в) здесь есть свои плюсы и минусы.

6. Мама — своему ребенку: «Я не буду любить тебя, если ты не будешь слушаться». Это: а) приучает ребенка к послушанию и соблюдению порядка; б) лучше так не говорить; в) здесь есть свои плюсы и минусы.

7. Чтобы урезонить нарушителя дисциплины, учительница пригрозила: «Если не прекратишь мешать вести урок, из-за тебя пострадает весь класс — оставлю всех после уроков!» По Вашему мнению: а) она воспитывает коллективную ответственность; б) это беспомощность учителя; в) затрудняюсь с ответом.

8. Учительница беседует с учеником, которому грозит плохая оценка за четверть: «— Должны ли младшие помогать старшим? — Должны. — У меня сегодня тяжелый портфель с тетрадками. Ты можешь мне донести его до дома?» Ваше мнение: а) учитель приучает помогать старшим; б) отношусь к такому методу отрицательно; в) затрудняюсь с ответом.

9. Вы едете в такси. По прибытии таксист назвал сумму, превышающую показания счетчика. На Ваше недоумение ответил, что, судя по Вашему respectable виду, Вам не к лицу «крохоборничать». Вы: а) поддержите образ успешного человека и заплатите, сколько просит; б) несмотря на недовольство таксиста, уплатите строго по счетчику; в) поступите в зависимости от обстоятельств.

10. Родители без конца наказывают ребенка. Ваше мнение: а) для его же пользы; б) чтобы знал, кто есть кто; в) затрудняюсь с ответом.

11. Мать: «Если уберешь квартиру, отпущу на дискотеку». По Вашему мнению, это она: а) приобщает к труду по дому; б) не хочет убирать за другими; в) затрудняюсь с ответом.

12. Подросток (парень, девушка) говорит: «Родители запрещают мне практически все...» Как Вы продолжили бы эти слова: а) чтобы приучить к порядку; б) чтобы показать, кто в доме хозяин; в) затрудняюсь с ответом.

13. Родители задаривают ребенка (покупками, карманными деньгами). Тем самым они: а) выражают свою любовь; б) преследуют свои цели; в) затрудняюсь с ответом.

14. Бабушка (дедушка) постоянно критикует домашних. Это: а) он(а) переживает за всех, хочет, чтобы дела в семье шли как можно лучше; б) ей (ему) нравится поучать; в) затрудняюсь с ответом.

15. Друг (подруга) обращается к Вам за советом, как поступить. Вы: а) дам совет; б) откажусь советовать; в) затрудняюсь с ответом.

16. Друг просит взять деньги на хранение — у его отца бывают гости с выпивкой, могут деньги найти и забрать: а) возьму на хранение; б) не соглашусь; в) затрудняюсь с ответом.

Ключ к опроснику VM-16 — сумма ответов: а) = 2 балла, б) = 0 баллов, в) = 1 балл.

Системный взгляд на эпоху Возрождения

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ: «юношеская сексуальность» эпохи Возрождения¹

Б. Н. Рыжов,
МГПУ, Москва,
RyzhovBN@mgpu.ru

Статья продолжает цикл публикаций, посвященных системной периодизации развития европейской цивилизации и сопоставлению этапов ее развития с отдельными периодами жизни человека. Ранее опубликованные статьи включают описание аналогий в психологическом развитии человека от рождения до ранней юности и развития европейской цивилизации от темных столетий до XV века. В последних из ранее опубликованных статей рассматриваются в том числе параллели психологического развития в раннем юношеском возрасте и развития искусства и культуры в северном (Фландрия) и южном (Италия) очагах европейской цивилизации в XV столетии.

Настоящая статья продолжает эту тематику. Она посвящена аналогии между гормональным штормом, который наблюдается в 14–17-летнем возрасте у человека, и взрывом чувственности и героикой в культуре и искусстве Италии XV – первой половине XVI вв. Эта эпоха стала временем важнейших преобразований сексуальных норм и ценностей элитарных кругов Центральной и Северной Италии, сломавших в верхах общества традиции религиозной морали. По своей сущности этот процесс, происшедший в одном из двух исторических центров цивилизации, имел много общего с тем, что происходит в психологическом развитии человека в ранней юности. Приведенные аналогии подтверждают конгруэнтность рассматриваемых эпох жизни человека и цивилизации.

Ключевые слова: системная периодизация развития; системная психология; психологический возраст цивилизации; очаги европейской цивилизации; ранняя юность; Мазаччо; Донателло; Верроккьо; Филиппо Липпи, Боттичелли; Рафаэль; Джулио Романо.

Для цитаты: Рыжов Б. Н. Психологический возраст цивилизации: «юношеская сексуальность» эпохи Возрождения // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 81–99. DOI: 10.25688/2223-6872. 2022.41.1.7

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-8848-3622

---

¹ Продолжение, начало см. в журнале «Системная психология и социология» 2015 / № 2 (14); 2015 / № 3 (15); 2016 / № 1 (17); 2016 / № 3 (19); 2017 / № 4 (24); 2018 / № 1 (25); 2018 / № 2 (26).

Введение

Настоящая статья является частью цикла работ по системной периодизации развития европейской цивилизации и сопоставлению этапов ее развития с отдельными периодами жизни человека. В ранее опубликованных частях этого цикла приведено описание аналогий в психологическом развитии человека от рождения до семнадцатилетнего возраста и развития европейской культуры от начала Средних веков до XV в. Настоящая статья продолжает эту тему и посвящена аналогиям развития эротизма в изобразительном искусстве эпохи Возрождения и психосексуальному развитию в ранней юности.

Эмоциональный взрыв кватроченто

В 14–17 лет в жизни человека бушует гормональный шторм. Рост юноши увеличивается на 8–12 см ежегодно, появляются зачатки усов и бороды. У девушки стабилизируется менструальный цикл, а тело приобретает женственные формы. Человек неожиданно для самого себя начинает то ясно, то еще расплывчато осознавать себя мужчиной или женщиной и вдруг оказывается захваченным бурей чувственных переживаний, которые так часто, сфокусировавшись на одном предмете, вызывают у него сильнейшее эмоциональное переживание, называемое юношеской влюбленностью. Все мысли теперь прикованы к предмету страсти, а сам образ любимого, отрываясь от реальности, приобретает для любящего идеальные черты, всматриваться в которые и восхищаться которыми можно бесконечно.

Тот же эмоциональный взрыв характерен для итальянского изобразительного искусства XV в. [8]. Он связан с завершением средневекового детства европейской цивилизации и началом ее ранней юности в эпоху Возрождения. Одним из ее художественных символов становится образ прекрасной женщины, не похожей на бесплотные образы мадонн Проторенессанса и платонических возлюбленных Данте и Петрарки [2: с. 88].

По-видимому, первым, кто вопреки всем нормам морали того времени отважился запечатлеть свою возлюбленную в образе Богоматери, был монах ордена кармелитов — великий и беспутный флорентиец Филиппо Липпи. Самое знаменитое его творение — написанная в 1465 г. «Мадонна с младенцем и двумя ангелами», хранится ныне в галерее Уффици (рис. 1 А). В этом шедевре мастер изобразил в образе Богородицы свою жену — Лукрецию Бути.

Принявший обет безбрачия Филиппо Липпи был приглашен для создания алтарного образа в женский монастырь города Прато, там он увидел юную послушницу, поразившую его своей красотой. Филиппо, которому в то время уже шел шестой десяток, вначале добился, чтобы девушка позировала ему, а затем подговорил бежать с ним и жил с ней во Флоренции как с женой. Несмотря на негодование семьи и церковных властей, Лукреция осталась с Филиппо и родила ему сына, впоследствии ставшего тоже известным художником. На картине «Мадонна с младенцем» он изображен в виде младенца Христа.

Попраение всех норм благочестия, равно как и нарушение канонов церковной живописи, были налицо, тем не менее воздействие искусства Филиппо Липпи на современников была таково, что папа Пий II освободил мастера и его возлюбленную от монашеского обета, позволив им соединиться в браке. Мало того, состоя в браке, живописец сохранил право считаться монахом и получать соответствующие привилегии!

Не меньшей славы удостоился и знаменитый ученик Филиппо Липпи — Сандро Боттичелли. Его музой и тайной страстью стала Симонетта Веспуччи — первая красавица Флоренции, супруга родственника мореплавателя Америго Веспуччи. Однако чувство великого живописца не имело надежды на взаимность: сердце прекрасной Симонетты принадлежало Джулиано — младшему брату всемогущего правителя Флоренции Лоренцо Великолепного. Именно эту влюбленную пару художник изобразил на картине «Венера и Марс» (рис. 1 В).

В ранней юности бывает так, что весь школьный класс оказывается влюбленным

А

В

Рис. 1. Изображение женского лица в живописи Раннего Возрождения:

А — Филиппо Липпи. «Мадонна с младенцем и двумя ангелами», фрагмент. 1465. Галерея Уффици, Флоренция, Италия;

В — Сандро Боттичелли. «Венера и Марс», фрагмент. 1483. Национальная галерея, Лондон, Великобритания

в самую красивую одноклассницу. Причем ее обожание объединяет не только мальчиков, но и девочек, которые, не видя в ней соперницы, тянутся к ней и дорожат ее вниманием.

Подобное всеобщее восхищение вызывала и прекрасная Симонетта. Современники событий утверждают, что красота и удивительное обаяние девушки делали счастливым любого, на кого она обращала внимание. При этом никто из граждан Флоренции, включая мужа, Марко Веспуччи, и влюбленного в нее подобно другим, всемогущего Лоренцо Великолепного, даже и не думали ревновать Симонетту к ее избраннику Джулиано. Когда же красавица неожиданно скончалась в возрасте всего двадцати трех лет, весь город провожал ее к месту погребения, словно это были похороны правителя или великого завоевателя.

Всю свою жизнь Боттичелли оставался верен памяти своей возлюбленной. Он наделил ее чертами главных героинь своих лучших картин — «Весна», «Рождение Венеры», — благодаря чему образ прекрасной Симонетты стал едва ли не самым узнаваемым символом эпохи Возрождения [7: с. 269].

Однако восторженная любовь-обожание не единственный маркер ранней юности. Свойственная этому возрасту идеализация предмета любовного восхищения, как правило,

уживаются с юношеской гиперсексуальностью, находящей свое проявление в эротических фантазиях, снах и спонтанно охватывающем молодого человека сексуальном возбуждении [9: с. 151].

В искусстве кватроченто эти тенденции обнаруживают себя прежде всего во внезапно пробуждающемся интересе к обнаженному человеческому телу. Реалистическое изображение человека, столь естественное в Античности, было забыто в Средние века. В тех случаях, когда средневековый художник оказывался перед необходимостью показать тело без одежды, например при изображении Адама и Евы в райском саду, живописные фигуры выглядели схематично, а их позы были призваны скрыть гениталии.

Первые реалистические изображения обнаженной природы создаются почти одновременно в северном и южном очагах цивилизации в первой трети XV в. В их числе фреска Мазаччо «Изгнание из рая» в капелле Бранкаччи церкви Санта Мария дель Кармине во Флоренции (см. рис. 2 А). Стендаль называет Мазаччо гением, который породил целую эпоху и проложил новую дорогу для живописи [10: с. 59]. Созданная им сцена изгнания наполнена экспрессией совершенно неведомой искусству предшествующего времени.

А

В

С

Рис. 2. Изображения обнаженной натуры в живописи Раннего Возрождения:

- А — Мазаччо. «Изгнание из рая», фрагмент капеллы Бранкаччи в церкви Санта-Мария-дель-Кармине. 1427. Флоренция, Италия;
- В — Ян ван Эйк. «Адам и Ева», фрагменты Гентского алтаря. 1432. Гент, Бельгия;
- С — Мазолино. «Грехопадение», фрагмент капеллы Бранкаччи в церкви Санта-Мария-дель-Кармине. 1427. Флоренция, Италия

Вместе с тем художник еще не может преодолеть средневековую традицию, усматривающую в обнаженной женской натуре инструмент козней дьявола. В отчаянье закрывший лицо руками Адам и не думает скрывать свою наготу, но рыдающая Ева стыдливо прикрывает грудь и лоно. Такую позу, имеющую множество аналогов от античной Венеры Медицейской до скульптурной аллегии «Воздержание», выполненной в начале XIV в. Джованни Пизано для кафедры собора в Пизе, можно считать классической для изображения женского целомудрия.

Тот же стыдливый жест всего пятью годами позже повторяет величайший мастер Северного Возрождения Ян Ван Эйк, изображая прародителей человечества в знаменитом Гентском алтаре (рис. 2 В). Его Адам и Ева погружены в грустное размышление, а их фигуры далеки от идеала античной красоты [11: с. 126].

Однако работавший вместе с Мазаччо над росписями капеллы Бранкаччи тосканский живописец Мозолино да Паникале

придал образам на фреске «Грехопадение» не только реалистичность, но и определенную чувственность (рис. 2 С).

В отличие от фигур, написанных Мазаччо и Ван Эйком, изображения Адама и Евы Мазолино более идеализированы и эротичны. Они не столько иллюстрируют библейский сюжет, сколько демонстрируют красоту человеческого тела.

Гендерная идентичность героя

В чем же мастера кватроченто видели идеал красоты? Всех их манила античность. Но искусство Древней Греции и Рима прошло долгий путь. На заре античной цивилизации и во время упадка оно не было таким, как в период расцвета. Сегодня даже начинающий художник легко отличит грубоватые формы периода архаики от шедевров классического периода, изысканное и манерное творчество эллинистического периода

от примитивов времен заката Империи. Но в начале XV в. эстетическое восприятие античного искусства еще только формировалось. Зато в Риме едва ли не каждый день выкапывали из-под земли древние артефакты. Относительно сохранные или сильно поврежденные, бюсты полководцев и копии знаменитых греческих статуй. Их называли антиками. Еще недавно считали языческой нечистью, разбивали и использовали как строительный материал. Теперь же каждая находка вызывала восторг у почитателей древностей. В какой из них был заключен античный идеал, каждый должен был решить сам.

Одних привлекала красота и совершенство форм греческих статуй. В них человек изображался в цветущие годы юности и молодости и никогда в старости. Излюбленной моделью для греческих скульпторов были эфебы — юноши, переступившие шестнадцатилетний рубеж. Эфеб был уже не ребенком, но еще и не полноправным мужчиной. Закон предписывал ему определенные права и обязанности, но, возможно, главной особенностью их положения в обществе было то, что эфебы считались воплощением красоты. Греческая культура была пронизана эфебофилией. В классический период их изображали могучими атлетами. В эллинистическую эпоху, а копий этого времени находили больше всего, изображения эфебов стали более стройными и утонченными. На смену мощному торсу Дорифора пришла изысканная грация Нарцисса.

Других же восхищала суровая мужественность римской скульптуры. В Риме не стыдились изображать морщины. Зато каждый трибун и император имел свой характер, и на каждом стоял отпечаток величия народа, веками управлявшего миром.

Художественной традиции еще не существовало, вкус только вырабатывался, и идеалы могли различаться разительно. Здесь вновь видна конгруэнтность эпохи кватроченто в жизни европейской цивилизации и ранней юности в жизни человека. Одним из главных устремлений юности является поиск идентичности. По мысли Л. И. Божович, потребность в формировании смысловой

системы, определяющей представление о мире и самом себе, есть важнейшее новообразование юности [3]. В то же время формы идентичности пластичны и имеют возрастную динамику [12: с. 41]. Переход от одной стадии развития к другой неизбежно вызывает кризис идентичности, для которого характерны спутанность идентичности и острая необходимость найти для себя ориентир [13: с. 112]. При этом юности, и особенно ранней юности, свойственны многие крайности. Иногда случайно обретенный ориентир бывает способен превратиться в кумира. Так рождается юношеский максимализм.

Характерные признаки такого максимализма можно найти в крайностях гендерной идентичности, присущих итальянской скульптуре XV в. Именно в ту эпоху флорентийские мастера создают два уникальных изображения знаменитых героев, одно — предельно феминное, другое — предельно маскулинное. Более яркого выражения гендера в искусстве трудно найти во всей последующей истории.

Первой из этих крайностей стала бронзовая скульптура Давида, созданная флорентийцем Донателло между 1440 и 1460 гг. (см. рис. 3 А) по заказу деда Лоренцо Великолепного, мецената и основателя могущества семьи Медичи, Козимо Старшего. В возрасте шестнадцати лет Донателло участвовал в раскопках на Римском форуме и едва не погиб от рук горожан, принявших его за гробовщика. Но обломки древних статуй, к которым он смог прикоснуться, определили его взгляд на античное искусство, сфокусировав его на изображении мягкой пластики и изящества фигуры человека. Это стало основой его творческого стиля, в котором часто можно обнаружить черты, сходные с эфебофилией античных мастеров [4].

Созданная Донателло скульптурная версия Давида вызвала изумление и негодование у многих флорентийцев. Ведь в этом городе бытовало мнение, что Давид — прообраз самой Флорентийской республики. Подобно этому ветхозаветному пастушку, отважно вступившему в схватку с великаном Голиафом, маленькая Флоренция уже который век вела борьбу с германскими императорами.

Рис. 3. Два гендерных образа героя в скульптуре Раннего Возрождения:

А — Донателло. «Давид», фрагмент. 1440–1460. Национальный музей Барджелло, Флоренция, Италия;

В — Андреа дель Верроккьо. Памятник Бартоломео Коллеони, фрагмент. 1479–1496. Площадь Санти-Джованни э Паоло, Венеция, Италия

Но не насмешка ли это? Прихотливо изогнутая фигура изящного, женоподобного юноши очень мало напоминает облик библейского героя, победившего в бою грозного соперника. Пропорции тела Давида больше подходят для девушки-подростка, набоковской нимфетки. Нарциссическая эротика образа, кажется, скорее соответствует эстетическим вкусам не XV столетия, а наших дней. Это вовсе не отважный победитель Голиафа, а символ изящества и нежной утонченности, у которого признаки мужского пола кажутся нонсенсом.

Другой крайностью и полнейшим контрастом феминизированному Давиду стала конная статуя кондотьера Бартоломео Коллеони (рис. 3 В), Скульптура стоит на одной из площадей Венеции. Она была создана младшим современником Донателло, учителем Леонардо да Винчи, Андреа дель Верроккьо, для увековечивания памяти знаменитого военачальника.

Коллеони считался одним из лучших полководцев своего времени, для многих он был героем, почти кумиром. Таким и изображает его Верроккьо, вкладывая в созданную им фигуру такую мощь и агрессию, что она перестает быть просто памятником конкретному

историческому лицу [5]. Грозный облик закованного в латы могучего воина воспринимается как олицетворение силы, несокрушимой воли и brutальной мужественности [6: с. 133]. В этом отношении статуя Коллеони, как и женственный Давид, не имеет себе равных. Это застывшая в бронзе маскулинность — характерный маркер ранней юности цивилизации.

На психологический возраст эпохи указывает и связанная с суровым полководцем курьезная деталь. Начиная с XIII столетия дворянский род Коллеони имел весьма своеобразный герб: трехкратное изображение тестикул на бело-красном фоне. Итальянское звучание фамилии тоже связано с этим деликатным предметом. Предки кондотьера не оставили его монументального изображения, и оно сохранилось лишь на геральдическом гербовнике. Но знаменитый полководец видел в наследственной символике несомненный признак особой мужественности своего рода и гордился этим чрезвычайно. Свойственная юности бравада и сексуальные аллюзии не казались ему неуместными даже тогда, когда ему самому уже было за семьдесят. Пикантное изображение украшало все интерьеры его дворца, по его воле

оно несколько раз повторено на постаменте знаменитого памятника и, конечно, красуется в его усыпальнице в родном городе Бергамо — великолепной капелле Коллеони церкви Санта-Мария-Маджоре (рис. 4).

Гиперсексуальность рубежа XV–XVI вв. и эротика Высокого Возрождения

Однако нередко юношеская гиперсексуальность принимает более откровенный и даже грубый характер. Возникает фиксация внимания на эротической тематике и необычно сильное желание сексуального удовлетворения, которое превосходит сексуальную активность взрослого человека. Личность партнера и нравственные переживания при этом могут терять всякое значение.

Подобные проявления гиперсексуальности можно часто встретить в общественной жизни, культуре и искусстве конца XV – первой половины XVI вв. Именно в это время в Юго-Западной Европе складывается легенда о Дон Жуане, имя которого стало синонимом безудержной сексуальности. Его прообразом был испанский дворянин, живший в XIV в. Своим современникам он запомнился как распутник и убийца, которому все сходило с рук из-за близости к королю. Погиб реальный Дон Жуан, попав в «медовую ловушку». Его заманили на свидание с красивой женщиной и убили. Однако, следуя новым вкусам, эпоха Возрождения чрезвычайно приукрасила и облагородила образ средневекового авантюриста, превратив его в обаятельного оболъстителя. В такой интерпретации Дон Жуан стал одним из самых узнаваемых персонажей европейской культуры, не утратив своей популярности и в наши дни.

Еще более впечатляющий пример необузданной гиперсексуальности являет собой римский папа Александр VI, возглавлявший католическую церковь с 1492 по 1503 г. Его называли первым папой Возрождения. Имя этого понтифика, в миру — Родриго Борджиа, стало синонимом инцеста и откровенного разврата. Помимо множества неподобающих его сану любовных походов

Рис. 4. Герб Коллеони в капелле Коллеони церкви Санта-Мария-Маджоре, Бергамо, Италия

ему приписывали связь с дочерью Лукрецией и организацию невиданных по непристойности оргий. Красавице Лукреции Борджиа также приписывали любовную связь не только с отцом, но и с родным братом, Цезаре, кардиналом и генерал-капитаном Святой церкви, слывшим отчаянным головорезом. Даже если считать немалую часть возводимых на семейство Борджиа обвинений клеветой многочисленных врагов, нет сомнения в том, что моральный облик главы Римско-католической церкви был весьма далек от христианского идеала.

Не менее интересной и такой же юношеской по поведению фигурой был и римский папа Юлий II (1503–1513), занявший Ватиканский престол через три месяца после смерти Александра VI. Подобно предшественнику, он не чурался чувственных сторон жизни и имел внебрачную дочь, бывшую одной из самых влиятельных дам того времени. Однако в историю Юлий II, в миру — Джулиано делла Ровере, вошел не благодаря распутству. Это был папа-воин. По характеру он был ближе кондотьеру Коллеони, а не развратному Борджиа. Все десять лет своего понтификата он провел в непрекращающихся войнах, где не раз с мечом в руке лично бросался на врага в первых рядах своего войска. Воинственный понтифик нисколько не смущался того, что такое удалство более уместно семнадцатилетнему юноше, чем семидесятилетнему преемнику Святого Петра.

Женщины той эпохи нередко демонстрировали храбрость и сексуальность не менее выразительно, чем мужчины [1: с. 14]. Графиню Катерину Сфорца (1463–1509) считали красавицей и называли тигрицей из Форли по названию города, которым она владела по наследству. Ее первого мужа убили на ее глазах заговорщики. Графиня оказалась осажденной в цитадели. Заговорщики поставили перед крепостными воротами ее детей, угрожая немедленно убить их, если она не сдастся. Встав на высокой стене, Катерина задрала юбки и, показав гениталии врагам, объявила: «В этой формочке я сделаю других детей, а вам отомщу без пощады!». Обещание она выполнила: на коне, во главе отряда своих сторонников, перебила не только убийц мужа, но и их семьи, включая младенцев. Поразительно, но ее второго мужа постигла та же судьба, и графиня с той же жестокостью лично расправилась с убийцами, а ее сын от третьего мужа, Джованни делле Банде Нере стал знаменитым кондотьером и национальным героем Италии. Но еще более поразительно, что Катерина Сфорца, по мнению некоторых искусствоведов, является одной из наиболее вероятных моделей Моны Лизы Леонардо да Винчи [14: с. 112; 15: с. 56]. Возможно, в характере и судьбе тигрицы из Форли и кроется ключ к разгадке тайны исчезающей улыбки Джоконды.

Искусство является выразительным средством и транслятором царящих в обществе настроений и идей. Вполне закономерно, что юношеская гиперсексуальность эпохи находит в нем свое выражение. Однако здесь мы сталкиваемся со своеобразным культурным табу. Британский искусствовед Эдвард Люси-Смит обращает внимание на то, что современное общество, преклоняясь перед статусом старых мастеров, отказывается замечать элементы непристойности в их произведениях [14: с. 82]. Сегодня картины художников Возрождения признаны непреходящей ценностью, величайшим культурным наследием человечества, их цена достигает фантастической величины. Эта реальность заставляет видеть в них только проявление прекрасного, игнорируя многие аспекты, которые непременно бы привлекли к себе внимание в творчестве менее статусных мастеров.

Тем не менее нельзя отбросить тот факт, что в конце XV – первой половине XVI столетий в итальянской живописи происходит несомненное усиление эротичности. «Мадонну с младенцем» Филиппо Липпи и «Рождение Венеры» Сандро Боттичелли (рис. 5 А) разделяют всего 20 лет, но как за этот небольшой срок возросла чувственная тональность восприятия художником женской красоты. Отличавшийся необузданной любвеобильностью Филиппо Липпи на картинах все же облачает свою жену в традиционные одежды Мадонны. В отличие от этого никогда не состоявший в браке и по слухам сторонившийся женщин Боттичелли написал свою тайную возлюбленную полностью обнаженной.

В начале следующего столетия Рафаэль Санти представит миру свою возлюбленную Форнарину также обнаженной и в той же позе, в какой изобразил свою возлюбленную Боттичелли (рис. 5 В). Но выражение лица и жест правой руки прекрасной булочницы, которую Рафаэль однажды повстречал в римском квартале Трастевере уже столь эротичны, что рядом с ней Венера-Симонетта Боттичелли кажется олицетворением целомудрия.

Однако своего апофеоза «юношеская гиперсексуальность» эпохи Возрождения достигает в графике и фресках любимого ученика Рафаэля Джулио Романо. В 1524 г. он в содружестве с гравером Маркантонио Раймонди издал книгу порнографических гравюр, к которым известный сатирик того времени Пьетро Аретино добавил столь же непристойные стихотворные подписи. Эта книга, получившая название «Позы» Аретино, была уничтожена по приказу папы Климента VII, а гравер Раймонди оказался в заключении. Примечательно, что кроме эпатажа скандальное издание не преследовало никакой иной цели. А авторами этой юношеской асоциальной выходки были вполне взрослые люди: Джулио Романо и Аретино давно перешагнули тридцатилетний, а гравер Раймонди — пятидесятилетний рубеж.

В отличие от утраченных оригиналов гравюр Раймонди фреска Джулио Романо «Зевс и Олимпиада», или «Зачатие Александра Македонского» вот уже 500 лет украшает знаменитый зал Психеи в роскошной

А

В

Рис. 5. Эротический образ Раннего и Высокого Возрождения:

А — Сандро Боттичелли. «Рождение Венеры», фрагмент. 1485. Галерея Уффици, Флоренция, Италия;
В — Рафаэль. «Портрет молодой женщины, или Форнарина», фрагмент. 1518–1519. Галерея Боргезе, Рим. Италия

резиденции мантуанского герцога Федерико II Гонзага — Палаццо дель Те, несмотря на то что воспринималась современниками (как, впрочем, и в наши дни) как стоящая на грани эротического искусства и порнографии.

Заключение

Таким образом, период XV – первой половины XVI вв. стал временем важнейших преобразований сексуальных норм и ценностей элитарных кругов Центральной и Северной

Италии, своего рода первой сексуальной революцией, сломавшей в верхах общества консервативные традиции религиозной морали. По своей сущности этот процесс, происходивший в одном из двух исторических центров цивилизации, имел много общего с тем, что происходит в психологическом развитии человека в ранней юности. И в том и в другом случае эротичность нарастает, как горный поток, и нередко выходит за пределы установленных социумом берегов. И там, и там с окончанием ранней юности она возвращается в нормативное русло.

Литература

1. Агриппа Неттесгеймский. Речь о достоинстве и превосходстве женского пола: [философский трактат] / пер. с лат. М. Шумилина. М.: Эннеагон Пресс, 2010. 64 с.
2. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. XII, 259 с.
3. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1978. № 4. С. 23–35.
4. Брекоткина И. П. Истоки творческого индивидуализма ренессансного художника // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 15 (58). С. 179–187.
5. Булгаров В. С., Ляшенко И. В. Образы кондотьеров в итальянском искусстве эпохи Возрождения // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журнал. 2019. № 4 (61). С. 22–26. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/7172> (дата обращения: 22.03.2022).

6. Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: [б. и.], 2004. 288 с.
7. Гомбрих Э. Символические образы. Очерки по искусству Возрождения. М.: Алетейя, 2017. 408 с.
8. Золотарева Л. Р. «Художественная картина мира» итальянского Ренессанса в контексте освоения истории искусства // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78). С. 182–187.
9. Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 651 с.
10. Стендаль. Раннее Возрождение. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 127 с.
11. Успенский Б. А. Гентский алтарь Яна ван Эйка. М.: РИП-холдинг, 2013. 328 с.
12. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость. М.: Академия, 2002. 208 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
14. Lucie-Smith E. Sexuality in western art. Repr. London: Thames & Hudson, 1993. 288 p.
15. Soest M. Caterina Sforza ist Mona Lisa: die Geschichte einer Entdeckung. Baden-Baden: Deutscher Wissenschafts-Verlag, 2011. 454 p.

THE PSYCHOLOGICAL AGE OF CIVILIZATION: “youthful sexuality” of the Renaissance¹

B. N. Ryzhov,
MCU, Moscow,
RyzhovBN@mgpu.ru

The article continues a cycle of publications devoted to a system periodization of the development of European civilization and the comparison of stages of its development to the separate periods of human life. Previously published articles include the description of analogies in psychological development of a person from birth till early youth and the development of European civilization from dark centuries to the XV century. In particular, the last of the previously published articles examined the parallels of psychological development in early youth and the development of art and culture in the northern (Flanders) and southern (Italy) centers of European civilization in the XV century.

This article continues this topic. It is devoted to the analogy of the hormonal storm that is observed at the age of 14–17 in humans and the “explosion” of sensuality and heroics in the culture and art of Italy of the XV – first half of the XVI centuries. This era was the time of the most important transformations of sexual norms and values of the elite circles of central and northern Italy, which broke the traditions of religious morality at the top of society. In its essence, this process, which took place in one of the two historical centers of civilization, had much in common with what happens in the psychological development of a person in early youth. These analogies confirm the congruence of the considered epochs of human life and civilization.

Keywords: system periodization of development; system psychology; psychological age of civilization; centers of European civilization; early youth; Masaccio; Donatello; Verrocchio; Filippo Lippi, Botticelli; Raphael; Giulio Romano.

For citation: Ryzhov B. N. The psychological age of civilization: “youthful sexuality” of the Renaissance // Systems psychology and sociology. 2022. № 1 (41). P. 81–99. DOI: 10.25688/2223-6872. 2022.41.1.7

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-8848-3622

Introduction

This article is part of a series of works on the systematic periodization of the development of European civilization and the comparison of the stages of its development with individual periods of human life.

The previously published parts of this cycle describe analogies in the psychological development of a person from birth to the age of seventeen and the development of European culture from the beginning of the Middle Ages to the XV century. This article continues this theme and is devoted to the analogies of the development of eroticism in the visual

¹ Continuation, beginning, see in the journal “System Psychology and Sociology” 2015 / № 2 (14); 2015 / № 3 (15); 2016 / № 1 (17); 2016 / № 3 (19); 2017 / № 4 (24); 2018 / № 1 (25); 2018 / № 2 (26).

Перевод статьи на английский язык выполнен А. А. Волковой, кандидатом педагогических наук, профессором кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета.

The article was translated into English by A. A. Volkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages of the Novosibirsk State Pedagogical University.

arts of the Renaissance and psychosexual development in early youth.

Emotional explosion of quattrocento

At the age of 14–17 the hormonal explosion happens in human life. The height of a young man increases by 8–12 cm annually, the beginnings of a mustache and beard appear. The girl's menstrual period stabilizes, and the body acquires feminine forms. A person unexpectedly begins to realize himself either clearly, or vaguely, as a man or a woman, and suddenly finds himself caught up in a storm of sensual experiences, which so often, focusing on one subject, cause him the strongest emotional feeling, called youthful infatuation. All thoughts are now chained to the object of passion, and the image of a darling, breaking away from reality, acquires ideal features for the lover, which you can look at and admire endlessly.

The same emotional explosion is characteristic of the Italian fine art of the XV century [8]. It is associated with the end of the medieval childhood of European civilization and the beginning of its early youth in the Renaissance. One of her artistic symbols is the image of a beautiful woman, unlike the disembodied images of Proto-Renaissance madonnas and platonic lovers of Dante and Petrarch [2: p. 88]. Apparently, the first person who, unlike all the norms

of morality of that time, dared to depict his beloved in the image of the Mother of God, was a monk of the Carmelite Order — the great and dissolute Florentine Filippo Lippi. His best known creation, *Madonna with a Child and Two Angels*, painted in 1465, is now kept in the Uffizi Gallery (Fig. 1 A). In this masterpiece, the master depicted his wife, Lucrezia Buti, in the image of the Virgin.

Filippo Lippi, who had taken a vow of celibacy, was invited to create an altar image in the convent of the city of Prato, where he saw a young novice who struck him with her beauty. Filippo, who was already in his sixtieth at that time, first got the girl to pose for him, and then persuaded her to run away with him and lived with her in Florence as his wife. Despite the indignation of the family and the church authorities, Lucrezia stayed with Filippo and gave birth to his son, who also later became a famous artist. In the painting “*Madonna and a Child*” he is depicted as the Christ child.

The violation of all the norms of piety, as well as the violation of the canons of church painting were evident, nevertheless, the impact of Filippo Lippi's art on contemporaries was such that Pope Pius II released the master and his beloved from the monastic vow, allowing them to unite in marriage. Moreover, being married, the painter retained the right to be considered a monk and receive the appropriate privileges!

The famous pupil of Filippo Lippi, Sandro Botticelli, was honored with no less fame.

A

B

Fig. 1. The image of a female face in Early Renaissance painting:

A — Filippo Lippi. *Madonna with a child and two angels*, fragment. 1465. Uffizi Gallery, Florence, Italy;
 B — Sandro Botticelli. *Venus and Mars*, fragment. 1483. National Gallery, London, UK

His muse and a secret passion was Simonetta Vespucci — the first beauty of Florence, the wife of a relative of the navigator Amerigo Vespucci. However, the feeling of the great painter had no hope of reciprocity: the heart of the beautiful Simonetta belonged to Giuliano, the younger brother of the omnipotent ruler of Florence, Lorenzo the Magnificent. The artist represented this loving couple in the picture “Venus and Mars” (Fig. 1 B).

In early youth, it happens that the whole school class turns out to be in love with the most beautiful classmate. Moreover, her adoration unites not only boys, but also girls who, not seeing her as a rival, are drawn to her and cherish her attention. The beautiful Simonetta aroused similar universal admiration. Contemporaries of the events claim that the beauty and amazing charm of the girl made happy anyone she paid attention to. At the same time, none of the citizens of Florence, including her husband, Marco Vespucci, and the almighty Lorenzo the Magnificent, who was in love with her like others, did not even think of being jealous of Simonetta for her chosen Giuliano. When the beauty unexpectedly died at the age of only twenty-three, the whole city escorted her to the place of burial, as if it were the funeral of a ruler or a great conqueror.

Throughout his life, Botticelli remained faithful to the memory of his beloved. He endowed her with the features of the main characters of his best paintings — “Spring”, “The Birth of Venus”, thanks to which the image of the beautiful Simonetta became perhaps the most recognizable symbol of the Renaissance [7: p. 269]. However, enthusiastic love-adoration is not the only marker of early youth. The idealization of the object of love-admiration peculiar to this age usually gets along with youthful hypersexuality, which finds its manifestation in erotic fantasies, dreams and sexual arousal that spontaneously engulfs a young person [9: p. 151].

In the art of the quattrocento, these tendencies first of all reveal themselves in the suddenly awakening interest in the naked human body. The realistic depiction of man, so natural in antiquity, was forgotten in the Middle Ages. In cases where a medieval artist was faced with the need to show the body without clothes, for example, when depicting Adam and Eve in the Garden

of Eden, the picturesque figures looked schematic, and their poses were designed to hide the genitals.

The first realistic nude images were created almost simultaneously in the first third of the XV century in the northern and southern centers of civilization. Among them is Masaccio’s fresco “Exile from Paradise” in the Brancacci chapel of the Church of Santa Maria del Carmine in Florence (Fig. 2 A). Stendhal calls Masaccio a genius who gave birth to an entire epoch and paved a new road for painting [10: p. 59]. The scene of exile created by him is filled with an expression completely unknown to the art of the previous time.

At the same time, the artist still cannot overcome the medieval tradition that sees the naked female nature as an instrument of the machinations of the devil. Adam, who has covered his face with his hands in despair, does not even think to hide his nakedness, but the sobbing Eve shyly covers her breasts and bosom. This pose, which has many analogues from the ancient Venus de Medicea to the sculptural allegory “Abstinence”, made at the beginning of the XIV century by Giovanni Pisano for the pulpit of the Cathedral in Pisa, can be considered classic for the image of female chastity.

The same shamefaced gesture is repeated only five years later by the greatest master of the Northern Renaissance, Jan Van Eyck, depicting the progenitors of mankind in the famous Ghent altar (Fig. 2 B). His Adam and Eve are immersed in sad reflection, and their figures are far from the ideal of antique beauty [11: p. 126].

However, the Tuscan painter Mozolino da Panicale, who worked with Masaccio on the paintings of the Brancacci chapel, gave the images in the fresco “The Fall” not only realism, but also a certain sensuality (Fig. 2 C).

Unlike the figures painted by Masaccio and Van Eyck, the images of Adam and Eve by Masolino are more idealized and erotic. They do not so much illustrate the biblical story as demonstrate the beauty of the human body.

Gender identity of the hero

What did the Quattrocento masters see as the ideal of beauty? All of them were attracted by antiquity. But the art of ancient Greece

A

B

C

Fig. 2. Nude images in the Early Renaissance painting:

A — Masaccio. Exile from Paradise, a fragment of the Brancacci chapel in the church of Santa Maria del Carmine. 1427. Florence, Italy;

B — Jan van Eyck. Adam and Eve, fragments of the Ghent altar. 1432. Ghent, Belgium;

C — Masolino. The Fall, a fragment of the Brancacci chapel in the church of Santa Maria del Carmine. 1427. Florence, Italy

and Rome has come a long way. At the dawn of ancient civilization and during its decline, it was not the same as during its heyday. Today, even a novice artist can easily distinguish the rough forms of the archaic period from the masterpieces of the classical period, the refined and mannered creativity of the Hellenistic period from the primitives of the sunset of the Empire. But at the beginning of the XV century, the aesthetic perception of ancient art was still being formed.

But in Rome, almost every day ancient artifacts, relatively intact or badly damaged, busts of generals and copies of famous Greek statues were dug out of the ground. They were called “antiques”. Until recently, they were considered pagan evil spirits, smashed and used as building material. Now, each finding caused delight among the admirers of antiquities. Everyone had to decide for himself in which of them the ancient ideal was enclosed.

Some were attracted by the beauty and perfection of the forms of Greek statues. In them, a person was depicted in the blooming years of adolescence and youth and never in an old

age. The favorite model for Greek sculptors were Ephebes — young men who crossed the sixteen-year boundary. Ephebe was no longer a child, but not yet a full-fledged man. The law prescribed him certain rights and duties, but perhaps the main feature of their position in society was that the Ephebes were considered the embodiment of beauty. Greek culture was permeated with ephophilia. In the classical period, they were portrayed as mighty athletes. In the Hellenistic era, when copies of this time were found most often, the images of the Ephebes became more slender and refined. The powerful torso of Dorifor was replaced by the exquisite grace of Narcissus.

Others were admired by severe courage of the Roman sculpture. In Rome, they were not ashamed to portray wrinkles. But each tribune and emperor had his own character, and each bore the imprint of the greatness of the people who had ruled the world for centuries.

There was no artistic tradition yet, the taste was just being developed, and ideals could differ greatly. Here again, the congruence of the Quattrocento era in the life of European civilization and early youth

in human life is visible. One of the main aspirations of youth is the search for identity. According to L. I. Bozhovich, the need to form a semantic system that determines the idea of the world and oneself is the most important neoplasm of youth [3]. At the same time, the forms of identity are plastic and have age dynamics [12: p. 41]. The transition from one stage of development to another inevitably causes an identity crisis, which is characterized by confusion of identity and an urgent need to find a reference point for oneself [13: p. 112]. At the same time, youth and especially early youth are characterized by many extremes. Sometimes a randomly acquired landmark can turn into an idol. This is how youthful maximalism is born.

Characteristic signs of such maximalism can be found in the extremes of gender identity inherent in Italian sculpture of the XV century. It was during that era that Florentine masters created two unique images of famous heroes, one extremely feminine, the other extremely masculine. It is difficult to find a more vivid expression of gender in art in the entire subsequent history.

The first of these extremes was the bronze sculpture of David, created by Florentine Donatello between 1440 and 1460 (Fig. 3 A) by request of the Lorenzo the Magnificent's grandfather, the patron and founder of the Medici

family's power, Cosimo the Elder. At the age of sixteen, Donatello participated in excavations at the Roman Forum and almost died at the hands of the citizens who took him for a grave digger. But the fragments of ancient statues, which he was able to touch, determined his view of ancient art, focusing it on the image of soft plasticity and the grace of the human figure. It became the basis of his creative style, in which it is often possible to find the lines similar to an efebofilija of antique masters [4].

The sculptural version of David created by Donatello caused amazement and indignation among many Florentines. After all, there was an opinion in this city that David was the prototype of the Florentine Republic itself. Like this Old Testament shepherd boy who bravely entered into a battle with the giant Goliath, a little Florence has been fighting the German emperors for many centuries.

But isn't this a mockery? The whimsically curved figure of an elegant, effeminate young man very little resembles the appearance of a biblical hero who defeated a formidable opponent in a battle. The proportions of David's body are more suitable for a teenage girl, a Nabokov nymphet. The narcissistic eroticism of the image seems to correspond rather to the aesthetic tastes not of the XV century, but of our days.

Fig. 3. Two gender images of the hero in the sculpture of the Early Renaissance:

A — Donatello. David, a fragment. 1440–1460. Bargello National Museum, Florence, Italy;

B — Andrea del Verocchio. A Monument to Bartolomeo Colleoni, a fragment. 1479–1496. Piazza Santi Giovanni e Paolo, Venice, Italy

This is not a brave Goliath winner at all, but rather a symbol of grace and gentle refinement, in which the signs of the male sex seem to be nonsense.

The equestrian statue of the condottiere Bartolomeo Colleoni (Fig. 3 B) became another extreme and a complete contrast to the feminized David. The sculpture stands on one of the squares of Venice. It was created by Donatello's younger contemporary, Leonardo da Vinci's teacher, Andrea del Verrocchio, to perpetuate the memory of the famous military commander.

Colleoni was considered one of the best commanders of his time, for many people he was a hero, almost an idol. This is how Verrocchio portrays him, putting such power and aggression into the figure he created that it ceases to be just a monument to a certain historical person [5]. The formidable appearance of a mighty warrior clad in armor is perceived as the personification of strength, indestructible will and brutal masculinity [6: p. 133]. In this respect, the statue of Colleoni, like the feminine David, has no equal. This masculinity, frozen in bronze, is a characteristic marker of the early youth of civilization.

The psychological age of the epoch is also indicated by a curious detail associated with the harsh commander. Since the XIII century, the noble family of Colleoni had a very peculiar coat of arms: a three-fold image of testicles on a white-red background. The Italian sounding of the surname is also associated with this delicate subject. The condottiere's ancestors did not leave his monumental image, and it was preserved only on the heraldic armorial. But a famous commander saw in the hereditary symbolism an undoubted sign of a special masculinity of his kind and was extremely proud of it. The bravado and sexual allusions of his youth did not seem inappropriate to him even when he himself was already over seventy. The piquant image decorated all the interiors of his palace, according to his will, it was repeated several times on the pedestal of the famous monument and, of course, flaunts in his tomb in his hometown of Bergamo — the magnificent Colleoni chapel of the church of Santa Maria Maggiore (Fig. 4).

Fig. 4. The coat of arms of Colleoni in the Colleoni chapel of the Church of Santa Maria Maggiore, Bergamo, Italy

Hypersexuality of the turn of the XV–XVI centuries and eroticism of the High Renaissance

However, youthful hypersexuality often takes on a more explicit and even rude character. There is a fixation of attention on erotic subjects and an unusually strong desire for sexual satisfaction, which exceeds the sexual activity of an adult. The partner's personality and moral experiences may lose any value at the same time.

Similar manifestations of hypersexuality can often be found in public life, culture and art of the late XV – first half of the XVI centuries. It was at this time in southwestern Europe that the legend of Don Juan, whose name has become synonymous with unrestrained sexuality, was formed. His prototype was a Spanish nobleman who lived in the XIV century. His contemporaries remembered him as a libertine and a murderer who got away with everything because of his proximity to the king. The real Don Juan died, falling into the “honey trap”. He was lured on a date with a beautiful woman and killed. However, following the new tastes, the Renaissance greatly embellished and ennobled the image of the medieval adventurer, turning him into a charming seducer. In this interpretation, Don Juan has become one of the most recognizable characters of European culture, without losing his popularity today.

Even more impressive example of unbridled hypersexuality is Pope Alexander VI, who headed the Catholic Church from 1492 to 1503. He was called “the first pope of the Renaissance”. The name of this pontiff, in the world of Rodrigo Borgia, has become synonymous with incest and outright debauchery. Besides many inappropriate love stories, he was credited with having an affair with his daughter Lucrezia and organizing orgies unprecedented in obscenity. The beautiful Lucrezia Borgia was also credited with a love affair not only with her father, but also with her brother, Cesare, cardinal and captain-general of the Holy Church, who was reputed to be a desperate thug. Even if we regard a considerable part of the accusations leveled against the Borgia family to be the slander of numerous enemies, there is no doubt that the moral image of the head of the Roman Catholic Church was very far from the Christian ideal.

Pope Julius II (1503–1513), who took the Vatican throne three months after the death of Alexander VI, was no less interesting and just as youthful in his behavior. Like his predecessor, he did not shy away from the sensual aspects of life and had an illegitimate daughter, who was one of the most influential ladies of that time. However, in the history of Julius II, in the world of Giuliano della Rovere, he did not enter thanks to debauchery. It was a warrior pope. By nature, he was closer to the condottiero Colleoni, and not to the depraved Borgia. He spent all ten years of his pontificate in incessant wars, where more than once, with a sword in his hand, he personally rushed at the enemy in the front ranks of his army. The militant pontiff is not at all embarrassed by the fact that such boldness is more appropriate for a seventeen-year-old youth than for a seventy-year-old successor of St. Peter.

Women of that era often demonstrated bravery and sexuality not less expressively than men [1: p. 14]. The Countess Caterina Sforza (1463–1509) was considered a beauty and was called the tigress of Forli after the name of the city she inherited. Her first husband was killed on her eyes by conspirators. The Countess found herself besieged in the citadel, the conspirators put her children in front of the fortress gates, threatening to kill them immediately

if she did not surrender. Standing on a high wall, Katerina lifted her skirts and, showing her genitals to the enemies, announced: “I will make other children in this mold, and I will take revenge on you without mercy!”. She fulfilled her promise — on horseback, at the head of a detachment of her supporters, she killed not only her husband’s murderers, but also their families, including babies.

Amazingly, her second husband suffered the same fate and the Countess personally dealt with the murderers with the same cruelty, and her son from the third husband, Giovanni delle Bande Nere became a famous condottiere and a national hero of Italy. But it is even more striking that Katerina Sforza, according to some art critics, is one of the most likely models of Leonardo da Vinci’s Mona Lisa [14: p. 112; 15: p. 56]. Perhaps in the character and fate of the tigress from Forli lies the key to solving the mystery of the disappearing smile of Gioconda.

Art is an expressive means and translator of the prevailing moods and ideas in society. It is quite natural that the youthful hypersexuality of the era finds its expression in it. However, here we face a kind of cultural taboo. British art critic Edward Lucy-Smith draws attention to the fact that modern society, bowing to the status of the old masters, refuses to notice elements of obscenity in their works [14: p. 82]. Today, the paintings of Renaissance artists are recognized as an enduring value, the greatest cultural heritage of mankind, their price reaches a fantastic value. This reality forces us to see in them only the manifestation of beauty, ignoring many aspects that would certainly attract attention in the work of less status masters.

Nevertheless, it is impossible to ignore the fact that at the end of the XV – first half of the XVI centuries in Italian painting there is an undeniable increase in eroticism. Madonna and a Child by Filippo Lippi and the “Birth of Venus” by Sandro Botticelli (Fig. 5 A) are separated by only 20 years, but how in this short period the sensual tonality of the artist’s perception of female beauty has increased. Filippo Lippi, who was distinguished by unbridled love, in the paintings still dresses his wife in the traditional clothes of the Madonna. In contrast, Botticelli, who had never been married and was

A

B

Fig. 5. The erotic image of the Early and High Renaissance:

A — Sandro Botticelli. *The Birth of Venus*, fragment. 1485. Uffizi Gallery, Florence, Italy;

B — Raphael. *Portrait of a young woman, or Fornarina*, fragment. 1518–1519. Borghese Gallery, Rome, Italy

rumored to avoid women, painted his secret lover completely naked. At the beginning of the next century, Raphael Santi will present to the world his beloved Fornarina also naked and in the same pose in which Botticelli depicted his beloved (Fig. 5 B). But the expression of the face and the gesture of the right hand of the beautiful baker whom Raphael once met in the Roman quarter of Trastevere are already so erotic that Venus-Simonetta Botticelli seems to be the personification of chastity.

However, the youthful hypersexuality of the Renaissance reaches its apotheosis in the graphics and frescoes of Raphael's favorite student Giulio Romano. In 1524, in collaboration with the engraver Marcantonio Raimondi, he published a book of pornographic engravings, to which the famous satirist of the time Pietro Aretino added equally obscene poetic signatures. This book, called Aretino's Poses, was destroyed by the order of Pope Clement VII, and the engraver Raimondi was imprisoned. It is worth noting that in addition to shocking, the scandalous publication did not pursue any other goal. And the authors of this youthful antisocial antics were quite grown-up people: Giulio Romano and Aretino have long

crossed the thirty-year line, and the engraver Raimondi — the fifty-year line.

Unlike the lost originals of Raimondi's engravings, Giulio Romano's fresco "Zeus and the Olympics" or "The Conception of Alexander the Great" has been decorating the famous Psyche Hall in the luxurious residence of the Duke of Mantua Federico II Gonzaga — Palazzo del Te for 500 years, despite the fact that it was perceived by contemporaries (as, indeed, today) as standing on the verge of erotic art and pornography.

Conclusion

Thus, the period of the XV – first half of the XVI centuries became the time of the most important transformations of sexual norms and values of the elite of central and northern Italy, a kind of the first sexual revolution that broke the conservative traditions of religious morality at the top of the society. In its essence, this process, which took place in one of the two historical centers of civilization, had much in common with what happens in the psychological

development of a person in early youth. In both cases, eroticism grows like a mountain stream and often goes beyond the limits established by the so-

ciety. In both cases with the end of its early youth, eroticism returns to the normative channel.

References

1. Agrippa Nettesgejmiskij. Rech` o dostoinstve i prevosходstve zhenskogo pola: [filosofskij traktat] / per. s lat. M. Shumilina. [Speech on the virtues and superiority of the female sex]. M.: E`nneagon Press, 2010. 64 p.
2. Bicilli P. M. Mesto Renessansa v istorii kul`tury` [Place of the Renaissance in the history of culture]. SPb.: Mifril, 1996. XII, 259 p.
3. Bozhovich L. I. E`tapy` formirovaniya lichnosti v ontogeneze [Stages of personality formation in ontogenesis] // Voprosy` psixologii [Questions of Psychology]. 1978. № 4. P. 23–35.
4. Brekotkina I. P. Istoki tvorcheskogo individualizma renessansnogo xudozhnika [The origins of the creative individualism of the Renaissance artist] // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie» [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”]. 2010. № 15 (58). P. 179–187.
5. Bulgarov V. S., Lyashenko I. V. Obrazy` kondot`erov v ital`yanskom iskusstve e`poxi Vozrozhdeniya [Images of condottieri in Italian Renaissance art] // Universum: filologiya i iskusstvovedenie: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal [Universum: philology and art history]. 2019. № 4 (61). P. 22–26. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/7172> (accessed: 22.03.2022).
6. Vipper B. R. Vvedenie v istoricheskoe izuchenie iskusstva [Introduction to the historical study of art]. M., 2004. 288 p.
7. Gombrix E`. Simvolicheskie obrazy`. Oчерki po iskusstvu Vozrozhdeniya [Symbolic images. Essays on the art of the Renaissance]. M.: Aletejya, 2017. 408 p.
8. Zolotareva L. R. “Xudozhestvennaya kartina mira” ital`yanskogo Renessansa v kontekste osvoeniya istorii iskusstva [“Artistic picture of the world” of the Italian Renaissance in the context of mastering the history of art] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Altai State University]. 2013. № 2 (78). P. 182–187.
9. Psixologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti. Psixologicheskij atlas cheloveka [Human psychology from birth to death. Psychological atlas of a person] / pod red. A. A. Reana. SPb.: Prajm-Evroznak, 2007. 651 p.
10. Stendal` Rannee Vozrozhdenie [Early Renaissance]. M.: OLMA Media grup, 2014. 127 p.
11. Uspenskij B. A. Gentskij altar` Yana van E`jka [Ghent altarpiece by Jan van Eyck]. M.: RIP-xolding, 2013. 328 p.
12. Xuxlaeva O.V. Psixologiya razvitiya: molodost`, zrelost`, starost` [Psychology of development: youth, maturity, old age]. M.: Akademiya, 2002. 208 p.
13. E`rikson E`. Identichnost`: yunost` i krizis: per. s angl. [Identity: youth and crisis: translation from English] / obshh. red. i predisl. A. V. Tolsty`x. M.: Progress, 1996. 342 p.
14. Lucie-Smith E. Sexuality in western art. Repr. London: Thames & Hudson, 1993. 288 p.
15. Soest M. Caterina Sforza ist Mona Lisa: die Geschichte einer Entdeckung. Baden-Baden: Deutscher Wissenschafts-Verlag, 2011. 454 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

А. В. Ткаченко,
МГПУ, Москва,
TkachenkoAV@mgpu.ru

В статье рассматриваются взгляды трех крупных мыслителей эпохи Раннего Возрождения — Николая Кузанского, Лоренцо Валлы и Джованни Пико делла Мирандола. Проводится системный анализ их философских концепций. В ходе анализа постепенно выстраиваются основные положения социальных теорий, которые демонстрируют представления об обществе, характерные для интеллектуальной элиты Европы в ту эпоху. Проводится мысль об эволюции социальных воззрений в сторону признания наличия у человека большей свободы в принятии судьбоносных для общества решений.

Параллельно с разбором социальных идей выдающихся гуманистов осуществляется сравнение их взглядов с частными и парадигмальными концепциями ранней, классической и современной социологии. Так, социальная теория Николая Кузанского сопоставляется с популярными в XIX–XX вв. социологическими представлениями об обществе как системе, социальном прогрессе, социальной цикличности, ноосфере, соборности, глобализации и социальной солидарности. Идейная позиция Лоренцо Валлы имеет много общего с теориями общественного разделения труда, общественного договора, утилитаризма, психоанализа, ценностно-рационального поведения и относительной депривации. А научные тезисы, которые выдвигал Пико делла Мирандола, хорошо соотносятся с развитыми впоследствии идеями социального реформирования, научного прогресса, социального подражания и информационного общества.

Философская мысль эпохи Возрождения часто воспринимается с позиции противостояния прогрессивной светсконаучной и отжившей свой век средневековой религиозно-схоластической традиций. Считается, что мыслители Ренессанса в своих онтологических построениях в центр Вселенной помещали не Бога, а человека и что их социальные воззрения были близки к утвердившимся в современном секуляризованном мире представлениям об абсолютно самостоятельном, независимом от Божьей воли характере социальных процессов. Однако результаты проведенного исследования концепций трех наиболее ярких представителей философии Раннего Возрождения позволяют утверждать, что Бог по-прежнему, как и в эпоху Средневековья, являлся для них отправной точкой всех рассуждений о человеке и обществе: развитие общества предусматривалось лишь благодаря развитию созданной Богом личности.

В конце статьи делается вывод о том, что такие мыслители, как Николай Кузанский, Лоренцо Валла и Джованни Пико делла Мирандола, не только подготовили бурный подъем социальной мысли в эпоху Высокого Возрождения, но и предвосхитили дальнейшее возникновение и развитие социологии как науки.

Ключевые слова: социальная теория; социальный прогресс; системный анализ; общество; личность; эпоха Возрождения; гуманистическая философия.

Для цитаты: Ткаченко А. В. Социальные теории мыслителей Раннего Возрождения // Системная психология и социология. 2022. № 1 (41). С. 100–114. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.8

Ткаченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-5271-3665

UDC 316.2

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.8

SOCIAL THEORIES OF EARLY RENAISSANCE THINKERS

A. V. Tkachenko,
MCU, Moscow,
TkachenkoAV@mgpu.ru

The article examines the views of three major thinkers of the early Renaissance — Nikolai Kuzansky (Nicholas of Cusa), Lorenzo Valla and Giovanni Pico della Mirandola. A system analysis of their philosophical concepts is carried out. In the course of the analysis, the main provisions of social theories which demonstrate the ideas about society characteristic of the intellectual elite of Europe in that era are gradually built up. The idea of the evolution of social views towards the recognition of a person's greater freedom in making life-changing decisions for society is carried out.

In parallel with the analysis of the social ideas of outstanding humanists, their views are compared with particular and paradigmatic concepts of early, classical and modern sociology. Thus, the social theory of Nikolai Kuzansky is compared with the socio scientific ideas about society as a system popular in the XIX–XX centuries, social progress, social cyclicity, noosphere, conciliarity, globalization and social solidarity. The ideological position of Lorenzo Valla has much in common with the theories of the social division of labor, social contract, utilitarianism, psychoanalysis, value-rational behavior and relative deprivation. And the scientific theses put forward by Pico della Mirandola correlate well with the ideas of social reform, scientific progress, social imitation and information society developed subsequently.

The philosophical thought of the Renaissance is often perceived from opposition of progressive secular science and obsolete medieval religious-scholastic tradition. It is believed that the Renaissance thinkers, in their ontological constructions, placed not God but man in the center of the Universe, and that their social views were close to the ideas established in the modern secularized world about the absolutely independent nature of social processes, independent of God's will. However, the results of the study of the concepts of three most prominent representatives of the Early Renaissance philosophy allow us to assert that God, as in the Middle Ages, was for them the starting point of all discussions about man and society: the development of society was envisaged only through the development of the personality created by God.

At the end of the article, the author comes to the conclusion that such thinkers as Nikolai Kuzansky (Nicholas of Cusa), Lorenza Valla and Giovanni Pico della Mirandola not only prepared the rapid rise of social thought in the era of the High Renaissance, but also anticipated the further emergence and development of sociology as a science.

Keywords: social theory; social progress; system analysis; society; personality; Renaissance; humanistic philosophy.

For citation: Tkachenko A. V. Social theories of Early Renaissance thinkers // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 1 (41). P. 100–114. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.8

Tkachenko Alexander Vladimirovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the University Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-5271-3665

Введение

Ренессансная социальная мысль начала активно развиваться в XIII в. Но именно в XV столетии, т. е. в период кватроченто, на котором завершается эпоха Раннего Возрождения, появляются социальные теории, положившие начало идеям, близким по смыслу тем, что выделяют современную социологию из совокупности гуманитарных наук.

Из всех выдающихся мыслителей кватроченто для изучения были выбраны три совершенно разных человека. Первый из них — Николай Кузанский — немец, рационалист, богослов, ученый с энциклопедическими знаниями. По глубине логического мышления его можно сравнить с такими величинами в истории мировой науки, как Р. Декарт, Б. Паскаль, И. Ньютон, Г. Лейбниц и др. Второй выбранный мыслитель — Лоренцо Валла — младший современник Николая Кузанского, темпераментный итальянец, умеренный гедонист, человек, склонный к критическому восприятию социальной действительности и старых учений, включая традиции, подкрепленные авторитетом Католической церкви. Его социальная теория проще, чем у Николая Кузанского, но дальше отошла от средневековых канонов. Третьим же мыслителем стал Джованни Пико делла Мирандола — тоже итальянец, так как большинство видных деятелей Возрождения проживали в то время в Италии. Он появился на свет за год до смерти Николая из Кузы и шесть лет спустя после смерти Валлы. Его идеи эклектичны, но еще дальше отошли от раннего кватроченто.

Целью настоящего исследования является выделение из обширного научного и философского наследия гуманистов XV в. тех теоретических положений, которые соотносятся с социологическим знанием. Чтобы достичь этой цели, были поставлены задачи проанализировать философские и теологические концепции трех выбранных мыслителей; отобрать из них те идеи, которые касаются социальных вопросов; составить общее представление о социальных теориях, построенных на этих идеях, и последовательно описать данные теории. Описание социальных взглядов гуманистов логично

вести в хронологическом порядке, и не только потому, что так яснее раскрывается процесс передачи интеллектуального опыта от поколения к поколению. Такой подход позволяет проследить эволюцию в социальном мировоззрении интеллектуалов эпохи Раннего Возрождения и подвести исследователя к осознанию причин формирования идеологии Высокого Возрождения [12].

Социальная теория Николая Кузанского

Среди западных мыслителей XV в. ближе всего к социологическому пониманию социальных процессов подошел Николай из Кузы (1401–1464). Представление об обществе как о социальной системе, идея социального прогресса и поиск общего и закономерного в социальной действительности — все это сближает немецкого философа с такими классиками социологии, как О. Конт, Г. Спенсер, В. Парето, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. А. Сорокин, Т. Парсонс и другие известные представители данной науки. Принадлежность Николая Кузанского к высшему духовенству, обладание кардинальским саном и наличие множества работ по теологии зачастую приводят к восприятию его как богослова, а не ученого в светской трактовке значения этого слова, несмотря на то что его перу принадлежат труды по астрономии, математике и географии. Будучи глубоко верующим человеком и креационистом по убеждениям, Николай не разделял богословие и разнообразные естественные, точные и гуманитарные науки. Все они, с его точки зрения, описывают мир, созданный Богом на определенных основаниях [14].

Все, что есть в мире, — это, по Николаю Кузанскому, реализация масштабного замысла Творца, и все объекты имеют лишь тот смысл, который вложил в них Бог. Следовательно, общество существует лишь потому, что его существование угодно Всевышнему, и, поскольку люди видят его несовершенство, очевидно, что Богом задумано непрерывное развитие общества в лучшую сторону. Как богослов Николай из Кузы не мог не знать, что и в Ветхом, и в Новом Завете предсказана деградация нравов ближе к концу времен,

однако в конечном счете замысел Господа — в спасении человечества и создании совершенного, а значит, наиболее близкого к Божественным нормам человеческого общежития. Это оптимистическое начало социальной теории Николая Кузанского в целом сближает его концепцию со взглядами большинства классиков социологии, особенно раннего периода ее развития, когда вера в неизбежность социального прогресса совмещалась с верой в его полезность (середина XIX – начало XX в.) [4: с. 120].

Для большего понимания социальной теории Николая Кузанского следует обратить внимание на то, что мыслитель находился под влиянием философии Плотина и вслед за ним полагал, что Бог — это синоним Единого. Если цель развития общества — единение человека с Богом, то получается, что социальное развитие представляет собой процесс постепенного возвращения людей от того состояния порочности и смертности, в которое они впали после грехопадения, к грядущему состоянию совершенства и бессмертия. Более того, если Бог — Единое, то еще одним качеством, от которого должно избавиться общество, является множественность, ведь общество должно соответствовать Единому, а значит, людям необходимо объединяться. Данная мысль хорошо известна в социологии и, в частности, отражена в надписи на памятнике, установленном на могиле Л. Я. Штернберга в Санкт-Петербурге: «Человечество едино».

Социальная гармония возможна лишь при объединении множества людей со своими интересами, взглядами на жизнь, конкретной национальной принадлежностью в единое целое. Политические, национальные и даже религиозные преграды только мешают социальному прогрессу. Отсюда недалеко до ставшего позже популярным в общественном сознании постулата о создании единого государства с одной религией. Неслучайно многие видные социологи были связаны с масонскими ложами [19: с. 17] или увлекались идеями глобализма: А. Сен-Симон, О. Конг, Э. Литтре, Г. Н. Вырубов, Е. В. Де Роберти, М. М. Ковалевский, Р. Штейнер, П. А. Сорокин, А. Тойнби, З. Бжезинский, Ж. Аттали и т. д.

Николай Кузанский, как и все вышеперечисленные авторы, мечтал о создании единой для всего человечества религии,

Мастер Жития Марии.
«Распятие с донатором Николаем Кузанским».
Фрагмент триптиха в капелле госпиталя
Бернкастель-Кус на Мозеле. Около 1465 г.
Источник: URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/4c/Nicholas_of_Cusa.jpg
(дата обращения: 02.12.2021)

но важнейшим шагом на пути преодоления социальной множественности и приближения к Единому считал не замену традиционных религий на альтернативную, а их объединение. С этой целью он поддерживал экуменистов и готов был признать наличие общих догматов не только в православии и католицизме, но и в исламе и христианстве. Кроме того, раз в мире ничто не появляется вопреки воле Создателя, возникновение ислама вполне соответствует Божьему замыслу, как и дальнейшее сближение мировых религий [5: с. 59]. Все религии схожи, а различаются лишь их обряды, поэтому объединение христиан и мусульман возможно и после захвата турками Константинополя. Похожие идеи высказывали впоследствии многие религиоведы XIX–XX вв. (например, У. Джемс), указывая на то, что религиозное чувство у всех людей примерно одинаково, а все различия между религиями касаются выражения этого чувства через ритуальные действия.

Еще один минус множественного состояния общества — наличие социального неравенства и связанных с ним конфликтов. Из идеи о единении людей логически выходил тезис о неизбежном преодолении любого неравенства. Такая смелая мысль довольно неожиданна для влиятельного церковного иерарха, но она также нашла продолжение на начальном этапе развития социологии. О том, что в будущем проблемы неравенства будут устранены, писали и А. Сен-Симон, и О. Конт, и К. Маркс. Однако в конце XIX – начале XX в. в теории были внесены коррективы. Восходящая к Э. Дюркгейму концепция органической солидарности, как и теория элит В. Парето, теория лидерства М. Вебера и теория социальной стратификации П. А. Сорокина, предлагали социальный консенсус на основе общих интересов неравных социальных слоев или просто подчинения слабых интересам сильных.

Нетрудно заметить, что идеи Николая Кузанского ближе к социалистическим теориям основоположников социологии и позитивизма, чем к либеральной идеологии [17]. Однако христианское миропонимание разительно отличается теорию Николая Кузанского от тех призывов к социальным преобразованиям, которые характерны для сторонников социализма. Единение людей, по его мнению, никак не преследует цель удовлетворить их материальные потребности. Скорее, речь идет о духовном единении. А при таком единении немислима вражда, и потому идея марксистов о социальной революции была бы абсолютно неприемлема для Николая Кузанского.

Одно время мыслитель учился в голландском городе Девентере в школе, организованной общиной Братьев общей жизни. Позже там же учился Эразм Роттердамский. Община призывала к преобразованию общества через нравственное самосовершенствование и подражание в поступках Христу. Видимо, отсюда проистекает представление Николая Кузанского о совершенном обществе как о некоем объединении людей, в мыслях и делах максимально приближенных к Богу. Никакие революции и социальные эксперименты не приведут к созданию такого общества. Для этого нужны религиозное воспитание и постоянная работа над собой. Люди как творения Бога,

хоть и далеки от идеала, но все же несут на себе печать Его совершенства. И если люди начнут духовно объединяться, любя Бога и помогая своему ближнему, то общество станет ближе к совершенству Единого [10: с. 91].

Подобный подход роднит теорию немецкого мыслителя с идеей соборности, предложенной в XIX в. А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариним и другими русскими философами-идеалистами. А. С. Хомяков признавал отличительной особенностью настоящих христиан способность к единению и представлению о себе не как об отдельных песчинках в Космосе, а о частях единого социального организма. Важно подчеркнуть, что и мыслитель эпохи Ренессанса, и русский славянофил имели в виду необходимость объединения людей не только и не столько при совершении религиозных обрядов, сколько для взаимопомощи в быту в повседневной жизни.

Человек, рассуждал Николай Кузанский, это малый космос (микрокосм), так как он не просто временно отколовшаяся часть Единого, но и единственное существо, которое может мысленно попытаться представить себе весь бесконечный Космос, и в этом плане чем-то похож на Бога. Постигая мир, человек включает в свое сознание все познаваемые им предметы. Таким образом, все человечество — это мыслящая микрокосмическая подсистема, входящая в общемировую космическую систему. Можно сказать, что Николай Кузанский предвосхитил учение Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского о ноосфере как о разумной оболочке Земли, которая, в свою очередь, является частью Вселенной. Но самое главное, философ мыслил в рамках системного подхода, так как, по его теории, системное строение имеют и Космос, и общество как его часть, и каждый человек, в котором отражен Космос. Для того чтобы яснее показать системные закономерности, присущие обществу и природе, Николай Кузанский в своих трудах неоднократно прибегал к алгебре и геометрии, тем более что так поступал один из его любимых философов — Пифагор [12: с. 57].

Во всем мире, и в обществе в том числе, присутствуют вступающие друг с другом в борьбу противоположности. Считается, что

в этом мнении Николай Кузанский укрепился во время своего пребывания в Константинополе, где он не только вел дипломатические переговоры, но и общался с местными учеными и собирал византийские рукописи. Поскольку мир создан Богом, а Бог — это Единое, изначально противоположностей не было. А раз общество идет по пути единения, чтобы в конце концов слиться с Единым, то в будущем все противоположности, включая социальные противоречия, должны исчезнуть.

При этом особый интерес представляет замечание Николая Кузанского о существовании как в природе, так и в обществе, помимо двух взаимоисключающих друг друга противоположностей, третьего начала, которое уравнивает два других. В социальной практике это может быть, например, политическая партия, стоящая в стороне во время борьбы двух сильнейших партий в стране, а потом, объединив в своей программе отдельные лозунги двух враждующих сил, триумфально приходящая к власти. В истории международных отношений подобных примеров тоже немало. Так, в VII в. православная Византия и зороастрийская Персия вели войну на истощение всех сил противника и своих собственных, чем воспользовались арабы, захватившие вскоре византийские и персидские земли и вобравшие в свою исламскую религию и культуру отдельные положения христианства, философии греков и персидских обычаев.

Все, что создано Богом во Вселенной, взаимосвязано через самого Бога, т. е. через Единое, а значит, не только отдельные люди и социальные группы способны оказывать влияние друг на друга, но и космические явления способны влиять на общество как подсистему Космоса и на каждого человека как микрокосм. С одной стороны, в этом тезисе прослеживается влияние на Николая Кузанского модной в его эпоху астрологии, но, с другой стороны, воздействие космических процессов на социальное поведение не отрицается современными учеными. Достаточно вспомнить идею А. Л. Чижевского о влиянии Солнца на циклы социальной активности на Земле. Судя по всему, Николай Кузанский хотел доказать этим тезисом не просто зависимость

людей от Бога и от сотворенной Им природы, но и взаимозависимость людей друг от друга, что принципиально важно при анализе идеи единения человечества: при построении совершенного общества значимы нравственные подвиги каждого отдельно взятого человека.

Николай отвергал обвинения в том, что он стоит на позициях пантеизма, так как хотя Бог как Единое есть везде, отдельные вещи и Бог несоизмеримы в силу конечности каждой вещи во времени и пространстве и бесконечности Бога. Будучи бесконечным и бессмертным, Бог не может становиться ни больше, ни меньше, и потому остается всегда Единым. Следовательно, вопреки тому, что говорят пантеисты, Бог не равен своему имеющему форму и величину творению. Более того, все, сотворенное Богом, включая людей, пребывает в нем как в Едином. Иными словами, творение в Боге, а не Бог в творении, а для пантеизма характерно, скорее, обратное. Наконец, Бог в представлении Николая Кузанского — это не разлитая по Вселенной абстрактная энергия, а саморазворачивающаяся Личность.

Очевидно, мыслитель был ближе к пантеизму и агностицизму. Он признавал способность человека познавать все вещи во Вселенной, но не верил в возможность абсолютного знания для человека, так как оно присуще только Богу. По счастью, умному человеку, вроде Сократа, доступно знание о своем незнании. А вот желание все понять до конца приводит лишь, выражаясь словами Николая Кузанского, к «ученому незнанию», так как, в отличие от Всевышнего, человек может заблуждаться и не может все объяснить — по крайней мере до тех пор, пока после Воскрешения мертвых и Страшного суда не сольется в единое целое с Богом-Истиной [6: с. 85].

Бог как Дух идеален, но обнаруживает Себя через созданные Им материальные предметы. К числу таких материальных творений относится и общество, которое пронизывает Божья воля. Выражается она в том, что еще Уильям Оккам назвал народной волей. Николай Кузанский представлял себе эту волю как необходимое для любого правителя следование Божественным предписаниям, издание

соответствующих им законов и соблюдение таких законов подданными. Подобно Фоме Аквинскому, философ, рассуждая о политике, имел в виду именно тех государей, которые пришли к власти законным способом и не принуждают людей совершать преступления. Следовательно, носителем народной воли является как избранный кардиналами папа римский, так и любой король или глава республики — не узурпатор. Поэтому мятеж и любое нарушение законного порядка — это не воля народа, а, наоборот, то, что ей противоречит и небогоугодно. Мало того что восстания против законных правителей — это непокорность Божьей воле, так они еще вносят раздоры в общество и отвлекают его от духовного единения и определенно отдаляют от Бога.

Бог сделал людей смертными для того, чтобы в их существовании после грехопадения был смысл. Если бы они были бессмертными, то у них не было бы цели в жизни, не возникал бы вопрос о смысле жизни и не было бы стремлений и идеи ответственности. А без всего этого общество не смогло бы развиваться: не сформировалась бы народная воля и не было бы желания ее реализовать. Получается, что смерть появилась неслучайно. Она нужна как двигатель социального прогресса, цель которого — прийти к совершенству через единение друг с другом и с Богом и таким образом избавиться от смерти.

Изучая общество, мы видим лишь внешние, видимые стороны его жизни. Но, в соответствии с учением Милетской философской школы Николай Кузанский указывал, что уловить существующее в обществе разнообразие способен каждый, в то время как тенденции к единению часто скрыты от наблюдателя. Следовательно, задача ученого — обнаружить и описать не то, что людей разъединяет, а то, что делает их схожими, и значит, все происходящее в обществе делает закономерным. Именно эта идея считается одной из основополагающих в социологии и была четко высказана О. Контом и его последователями.

Таким образом, несмотря на то что при жизни Николая Кузанского его сочинения не имели широкой известности, его по праву можно назвать мыслителем эпохи Раннего

Возрождения, наиболее близким к социологам XIX–XXI вв. [15: с. 137]. При некоторой утопичности воззрений по уровню постановки научных проблем и понимания социальных процессов он практически не знал себе равных. Но были и другие выдающиеся гуманисты, по-своему смотревшие на социальные реалии той эпохи.

Социальная теория Лоренцо Валлы

Родившийся в Риме Лоренцо Валла (1407–1457) представляет собой совсем другой тип мыслителя, нежели Николай Кузанский. Если последний был выходцем из провинции, всего добившийся кропотливым трудом, мечтал о долгом, трудоемком и постепенном объединении разрозненных социальных слоев, народов, государств и религий на основе любви и нравственного самоусовершенствования, то Лоренцо происходил из обеспеченной семьи, ни в чем не нуждался и даже тяготился стремлением общества и Церкви подчинить его частные потребности интересам коллектива. В отличие от Николая Кузанского, Лоренцо Валла скептически относился к идеям всеобщего равенства и единения и вместо учения Платона, Аристотеля и неоплатоников в своих рассуждениях на тему человека и общества всегда опирался на этику Эпикура. Однако желание совместить эпикурейство и христианство в итоге привело его не только к конфликту с Церковью, но и с самим собой, из-за чего в конце жизни он вынужден был пересмотреть наиболее радикальные свои тезисы о жизни ради чувственных удовольствий.

Сочетание необходимости и случайности Лоренцо Валла считал самой сложной для решения философской проблемой. С одной стороны, Бог создал мир, который мы не можем изменить, и заранее предопределил его дальнейшее развитие. С другой стороны, Бог создал человека по Своему образу и подобию и наделил его свободой воли. Получается, что люди могут принимать самостоятельные решения, но только в рамках тех условий, которые создал для них Творец. Но непонятно, насколько спонтанны и самостоятельны наши решения, если Бог все равно все предвидит

заранее и, по сути, определяет людскую судьбу, даже не направляя наши поступки. В целом Валла считал, что раз человек наделен свободной волей, он может самостоятельно выбирать между добром и злом. Общее развитие социума предопределено Создателем, но личная жизнь индивида зависит преимущественно от того выбора, который он сделает, пусть даже Господь предвидит возможность любого совершенного человеком деяния.

Имея возможность свободного выбора, человек выбирает то, что приносит ему наслаждение. В отличие от ряда мыслителей эпохи барокко, вроде Т. Гоббса и Б. Спинозы, Лоренцо Валла позитивно рассматривал сущность человека, не делая вывода об агрессии и разврате как о естественном следствии эгоизма. Ведь человек может жить, сторонясь общества, в свое удовольствие и не нападать на других людей. Выбранный им тип поведения можно сравнить, скорее, с учением даосского мудреца Ян Чжу, который утверждал, что ради пользы Поднебесной не стоит лишаться даже волоска на собственном теле. Точно так же и Лоренцо не видел смысла жертвовать жизнью ради Родины, хотя бы потому, что со смертью героя для него исчезает и сама Родина. При этом признание неизбежности эгоизма и тяги к наслаждениям никак не приводит к распаду общества, так как для удовлетворения потребностей необходимы другие люди, создающие материальную и духовную пищу: еда, жилье и домашняя утварь редко создаются в одиночку, а для интеллектуального наслаждения нужны общение и книги, написанные разными людьми. Так, заботясь о самом себе, каждый член общества помогает другим создавать и потреблять социальные блага [2: с. 153]. Во многом такой подход к описанию общества близок к теории общественного разделения труда Э. Дюркгейма и еще больше — к теории утилитаризма И. Бентама и Дж. С. Милля.

С точки зрения современной социологии позиция Валлы кажется менее продуктивной, поскольку сконцентрирована на частном, а не на общем. Однако в этой концепции содержится значимая для социологии идея социального прогресса. Философ не ограничился признанием гедонистической идеи

Неизвестный художник.

Лоренцо Валла. Гравюра. Австрийская национальная библиотека. XVII в.

Источник: URL: <https://blogphilosophica.wordpress.com/2020/06/19/valla-la-falsadonazione-di-costantino/>

(дата обращения: 28.11.2021)

о присутствии каждому человеку поиске удовольствий. Он подчеркнул неизбежность социальных изменений за счет постепенного ограничения человеческого эгоцентризма. Важнейшим этапом в ходе эволюции общества стало, по его мнению, возникновение семьи и брака, когда у эгоистичных по природе людей зародилось чувство долга перед окружающими людьми. Ответственные отношения появились как между супругами, так и между родителями и детьми. Понятие долга привело к развитию представлений о должном и недопустимом поведении, закрепленных в виде законов и обычаев.

Эта идея близка к мысли З. Фрейда о зарождении цивилизации благодаря институту семьи, отношения внутри которой стали предписаниями, приведшими к выработке многочисленных социальных норм. Параллель с фрейдизмом прослеживается и в описании Валлой природного стремления всякого человека получить удовольствие и одновременно избежать неудовольствия [18: с. 31].

Важно отметить, что Лоренцо усматривал возможность успешного развития общества только в том случае, когда главными для людей признаются не материальные, а духовные ценности. Таким образом, говоря об удовольствиях, итальянский философ следовал Эпикуру и отчасти школе киренаиков и подразумевал под счастьем не столько угождение плоти, сколько нравственное и интеллектуальное занятие, приводящее к состоянию удовлетворенности и безмятежности (атараксии). Высшее наслаждение происходит не от удовлетворения физиологических потребностей, а от любви к Богу и дается только в раю. Таким образом, неверно трактовать социальную теорию Валлы как сугубо гедонистическую, особенно когда речь идет о позднем периоде его творчества.

Что касается сделанного им акцента на социальных ценностях [1], то в этом смысле Лоренцо Валла предвосхитил аксиологические концепции таких классиков социологии, как М. Вебер, А. Швейцер, П. А. Сорокин и др. [20]. Особенно тесно смыкаются теории Валлы и А. Швейцера, так как они оба настаивали на гармоничном сочетании духовной и материальной культуры без крена в ту или другую сторону, что привело бы к отставанию общества либо в моральной, либо в технологической сфере. При этом А. Швейцер исходил из постулата о естественном, по его мнению, бескорыстном желании людей помогать друг другу, что для склонного к цинизму Валлы было неприемлемо.

Следующим шагом в развитии общества после появления семьи, по утверждению Лоренцо Валлы, было создание государства. Во многом эта схема повторяет модель, предложенную столь нелюбимым им Аристотелем. Поскольку семейные отношения уже поспособствовали формированию у людей

чувства долга и моральной дисциплины, государственная власть была воспринята древними как справедливая. Правитель не только защищает подданных, но и воздает им по заслугам, и тот, кто берет на себя больше ответственности, получает более высокую должность. Повиноваться такому правителю и назначенным им должностным лицам — долг каждого. Сам процесс государствообразования шел медленно и постепенно, и первой формой правления стала монархия. Следовательно, в основе института государства лежит не насилие, а консенсус, что сближает теорию Валлы с популярной в XVII–XVIII вв. идеей о договорном характере возникновения государства (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) [23].

Парадоксальным образом стремление людей к удовольствиям для себя и создание государства несколько не противоречат друг другу. Ведь если не будет государственной власти, то личные интересы и безопасность каждого отдельно взятого человека некому будет защищать. Должна быть некая стоящая над всеми сила, посредством закона помогающая частным лицам и семьям жить в свое удовольствие. Конечно, для этого придется пожертвовать частью своих интересов, но для мудреца, живущего в стороне от общественных волнений, вполне достаточно того, что правительство, получая налоги, в лучших традициях либерализма Нового времени просто охраняет его жизнь и собственность и не мешает наслаждаться свободой. Похожее высказывания можно встретить и у Цицерона, хотя Валла критически относился к его философии. Главная же идея заключается в том, что государство переводит частные интересы подданных из личной сферы в сферу общей ответственности [8].

Отсюда проистекает идея Лоренцо о недопустимости восстаний и мятежей. Критиковать власть, в том числе публично, свободный человек имеет право, но любая попытка свергнуть правителя — это зло, поскольку она нарушает закон, как раз и установленный для того, чтобы защищать интересы граждан. Таким образом, бунтарство противоречит естественной потребности в наслаждении жизнью, на страже которой стоит законный порядок. Более того, бунтари нарушают своими

действиями поступательное развитие общества через создание семьи, а затем государства, так как разрушают устои и того и другого. В отличие от Фомы Аквинского Валла отвергал право на мятеж даже против преступной власти, потому что, бунтуя и сокрушая порядок, народ делает хуже прежде всего самому себе, и в итоге от социального нестроения страдает каждый член общества. Последняя мысль представляется особенно актуальной для нашего времени, когда среди интеллектуалов идут споры о причинах и следствиях многочисленных революций XX – начала XXI в. и все более распространяется мысль о первенстве не социально-экономических, а информационных и психосоциальных факторов, приводящих к массовым протестам (Т. Гарт).

Как видно, социальная теория Лоренцо Валлы имеет существенные отличия от теории Николая Кузанского и ставит на первое место не принцип единения всех и вся, а интересы личности. Однако общим для двух мыслителей был характерный для их эпохи социальный оптимизм при сохранении христианской трактовки социальных процессов и обращении к идейному наследию античных авторов. Валла примирил интересы личности с интересами общества через взаимодополнение интересов одних людей интересами других. Но к концу XV столетия в итальянском Возрождении все чаще стали появляться мыслители, которые считали, что общество движется вперед благодаря избранным интеллектуалам.

Социальная теория Джованни Пико делла Мирандолы

Аристократ Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) прожил недолгую жизнь и не успел составить труд, в котором была бы дана полная систематизация его взглядов. Однако из написанных им сочинений следует, что его философская система была синкретической. В наибольшей степени на нее повлияли еврейская мистика, неоплатонизм и учение Аверроэса. Увлечение Джованни Мирандолы мистикой, магией и эзотерикой проистекало из тесного знакомства

Кристофано дель Альтиссимо.
Портрет Джованни Пико делла Мирандола.
Галерея Уффици. Флоренция. Конец XV в.
Источник: URL: <https://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/112/pico1.jpg>
(дата обращения: 04.12.2021)

с итальянскими и испанскими евреями, которые познакомили его с Талмудом и Каббалой и обучили древнееврейскому языку. Таким образом, несмотря на то что Пико называл себя всю жизнь христианином, его христианство впитало в себя идеи философии античности и иудаизма [7: с. 112].

Бог, по мнению Джованни Пико, в точном соответствии с Каббалой, создал несколько сфер бытия. Предназначение человека — восхищаться красотой Божьего творения и любить Бога через это восхищение Его творением. Так же, как и Лоренцо Валла, Пико признавал, что человек обладает свободной волей, но не для того, чтобы выбирать между добром и злом и, выбрав самое лучшее для себя, наслаждаться жизнью. Свобода необходима для выбора места, которое займет тот или иной человек в обществе. В идеале, в состоянии полной свободы, человек может стать тем, кем захочет. На деле общество

иерархично, и каждый занимает в нем отведенную ему порой от рождения нишу. Но избранные, т. е. наиболее свободные и знающие люди, вооруженные магией и наукой, способны приобрести то положение, которое приблизит их к творениям высшего порядка. Кроме того, свобода нужна, чтобы осознавать степень своей ответственности за происходящее в обществе. Ведь развитие общества зависит в первую очередь от самых свободных, влиятельных и обладающих наибольшей информацией лиц.

Мудрец, изучивший Каббалу, может вызывать духов и влиять как на других людей, так и на стихии природы. Следовательно, знание вкупе со свободой дает посвященным власть над обществом. И эту власть нельзя использовать во зло, так как Бог есть Любовь. Задолго до социологов XX в., создавших теорию информационного общества (Д. Белл, Ф. Махлуп, П. Дракер, М. Кастельс, Дж. Мартин и др.), Джованни Пико делла Мирандола установил, что тот, кто владеет информацией, имеет больше возможностей ориентироваться в социальных процессах и, если надо, прогнозировать ход событий, использовать их или даже изменить.

Из неоплатонизма Джованни Пико позаимствовал идею о том, что человек занимает срединное место между материальным и духовным мирами и потому содержит в себе как животное, так и ангельское начало [24]. В зависимости от сделанного им выбора каждый может развить звериные или, наоборот, ангельские наклонности. Следовательно, социальные конфликты — войны и восстания — это проявление животных инстинктов. Неслучайно военные походы царей и народные бунты осуществляются именно для удовлетворения низших, материальных потребностей людей и сопровождаются звериной жестокостью.

Вместе с тем человек от природы не имеет ничего своего собственного, оригинального, свойственного лишь ему одному. В нем сочетается то, что частично можно найти у других существ и даже в неживой материи. Таким образом, он имеет общее со всем, что было создано Богом, т. е. с каждым отдельным Божьим творением, а значит, человек может не только изучать все сущее, но и влиять

на все и на всех. Процессы, происходящие в обществе, непременно отражаются на судьбе всех земных обитателей. В наше время хорошо заметно, как вследствие человеческой деятельности сокращается среда обитания и численность популяции тех или иных живых существ, меняется природный ландшафт и даже климат. А эра глобализации и создания объединяющих весь мир коммуникационных сетей дает множество примеров взаимовлияния людей, даже не знакомых друг с другом.

Если кто и был пантеистом, то это не Николай Кузанский, а Пико делла Мирандола, веривший в то, что Бог есть во всем. Творец непознаваем, а мир, созданный Им познаваем, так как, присутствуя везде, Бог связал своим умом человека со всеми другими творениями. Отсюда один шаг до исключения Бога из социальной теории и описания социальных явлений просто с позиций причинно-следственных связей [9: с. 17].

Человек сам устанавливает для себя образец поведения, так как, по словам Джованни Пико, его душа сама себе закон. Иными словами, хотя итальянский философ и изучал Каббалу и считал ее учение восходящим к эпохе пророка Моисея, давшего богоизбранному народу заповеди, в его представлении моральные предписания и вообще социальные нормы не даны людям свыше. Общество, очевидно, в лице наиболее образованных и влиятельных его представителей, само вырабатывает необходимые для его функционирования запреты и предписания. Тем более что люди созданы свободными и способными на любое, в том числе правовое, творчество [22].

При выработке законов надо понимать, что человек обладает разумом, способным осмысленно различать противоположности. Следовательно, если бы Бог не создал людей, мир, основанный на борьбе противоположностей, не имел бы смысла. Получается, что те противоречия, которые наблюдаются внутри любого общества, вполне естественны, и законы не должны пытаться их полностью искоренить. Если Николай Кузанский видел во множественности отступление от Бога-Единого, то Пико делла Мирандола считал социальное неравенство частным проявлением общего для всего мироздания диалектического

закона. Впрочем, раз люди способны придумывать любые социальные нормы, они могут установить для себя моральный ориентир в виде взаимопомощи, ограничения роскоши или даже аскетизма, вроде того, что предлагал Джироламо Савонарола, оказавший большое влияние на мировоззрение Джованни перед его смертью.

Как и Николай из Кузы, и Лоренцо Валла, Джованни Пико выступал сторонником социального прогресса. В отличие от всех других творений Бога человек может сознательно меняться и, меняя свою жизнь, преобразовывать жизнь всего общества. В этом, по мнению Пико, и состоит механизм социального развития. Цель развития общества — создание наиболее близкого к Божественной истине социального устройства. Таким образом, люди призваны постоянно совершенствовать общество и законы, по которым оно живет. И поскольку любовь к Богу и приближение к Истине лучше всего воплощаются в интеллектуальных занятиях, прогресс общества неразрывно связан с поиском подлинного знания о мире. При этом в отличие от Жана Кальвина с его призывом заниматься наукой и отбросить мистицизм Пико не был чужд мистики и хотел совместить ее с научным познанием, но так же, как и основоположник кальвинизма, настаивал на важности познания для всех людей и на наличии особых талантов у избранных, способных мыслить глубже остальных.

Итак, социальный прогресс — приумножение знаний о мире. Познанием как мыслящие существа должны заниматься все люди, используя в качестве инструмента религию, философию и магию. Но подлинное знание доступно лишь избранным. Связь Пико с гностическими сектами привела его к мысли о необходимости выдающихся учителей из среды посвященных, ведущих за собой по пути познания истины все остальное общество.

На этом моменте следует остановиться подробнее. По сути, Пико делла Мирандола высказал мысли, ставшие особенно популярными в социологии конца XIX — начала XX в., а именно мысль об определяющей роли идей в развитии общества и положение о великих людях — носителях новых идей, которые воодушевляют ими толпу и, как герои,

ведут ее за собой к светлому будущему. Многие философские, политические и литературные течения последних двух столетий испытали на себе влияние данной концепции. В частности, субъективная школа русской социологии — П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, а на Западе — Ф. Ницше, Г. Тард, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и А. Тойнби совмещали в своих интеллектуальных построениях развитие общества, появление новых идей и активность масс, ведомых сильными личностями [16; 21]. Важно, что отличительной особенностью теории делла Мирандолы было указание на определяющую роль в социальном развитии научно-философских идей.

Познавая мир и попутно совершенствуя общество, люди свободны в своих действиях. Несмотря на увлечение магией и оккультизмом, Джованни Пико отрицал астрологию, но не по той причине, по которой это делал чуть позже Жан Кальвин. Для последнего астрология — лженаука, потому что все в жизни людей еще до их сотворения предопределено Богом. А для итальянского гуманиста принципиально то, что человек полностью свободен, а значит, не может зависеть от небесных светил. Отсюда недалеко до ключевого постулата социологии о возможности выявить и изучить те самостоятельные, чисто социальные и отдельные от естественной истории законы, по которым создается и живет общество [3: с. 86].

Вслед за Марсилио Фичино Пико вынашивал идею создания всеобщей религии. Но в отличие от своего старшего ученого товарища он считал, что эта универсальная религия не должна быть совокупностью того истинного, что можно при желании найти в отдельных догматах разных конфессий. В любой религии и философии уже содержится поиск истины, поэтому будущая единая для всех религия должна представлять собой высший этап эволюции всех учений. Постепенное накопление знаний от одного учения к другому приведет к созданию такой мировоззренческой системы, которая будет приближена к абсолютной истине. Джованни Пико мог назвать всеобщую религию обновленным христианством, но понятно, что, как и в предложениях И. Канта или А. Сен-Симона, выдвинутых

впоследствии, от христианства здесь только название. Таким образом, в своих социальных проектах делла Мирандола пошел дальше Николая Кузанского, мечтавшего о постепенном объединении религий, но не об объединении всех религий, оккультных практик и философских школ в одно целое [11: с. 206].

Можно констатировать, что социальная теория Джованни Пико делла Мирандолы обобщила богатый опыт его предшественников — гуманистов XIV–XV вв. и, имея ярко выраженный синкретический характер, всецело была направлена именно на это обобщение. Однако в ней содержится ряд оригинальных идей, свидетельствующих о творческом осмыслении молодым философом различных концепций. Если Лоренцо Валла строил свою теорию на критике платоников и стоиков, то Пико пытался соединить разрозненные идеи европейских и восточных мыслителей разных эпох. В конечном итоге теории Пико делла Мирандолы и близких ему по взглядам философов подготовили почву для «интеллектуального взрыва» эпохи Высокого Возрождения.

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать обобщающий вывод о создании гуманистами XV в. нескольких социальных теорий для объяснения особенностей возникновения и развития человека и общества. Бог и сотворенная Им человеческая личность — два ключевых и неразрывно связанных понятия, анализируя которые мыслители кватроченто пытались понять протекающие в обществе процессы. А в том, что личность способна развиваться, а вслед за ней развивается и общество, — в этом они не сомневались.

При этом философы Раннего Возрождения выдвигали идеи, действительно актуальные для классической и современной социологии: о возможности и необходимости открытия и изучения социальных закономерностей; социальном прогрессе; социальных нормах и глобальном объединении народов и религий. Помимо этого, Николай Кузанский использовал в своей социальной теории системный подход, а Лоренцо Валла обратил внимание на взаимосвязь социального развития и социальных ценностей, превалирующих в конкретном социуме. В свою очередь, Пико делла Мирандола развил учение о роли идей и творческих личностей в социальных преобразованиях.

Основные различия во взглядах данных мыслителей касались представления о степени свободы, которая дается Богом человеку. И чем ближе к эпохе Высокого Возрождения, тем чаще высказывались мысли о том, что люди имеют право создавать такие нормы социальной жизни, какие им нравятся. Такая идея свободного законотворчества естественным образом привела к религиозной Реформации, многочисленным социальным экспериментам и утопическим проектам, характерным для Европы конца XV – начала XVII столетия. Но эта же идея не могла не вызвать противодействие со стороны ученых, духовных лиц и политиков, уверенных в предопределении человеческой судьбы и в зависимости социальных явлений от Высшей Воли. Это противоречие способствовало обострению социально-религиозных конфликтов на позднем этапе развития ренессансного общества и приблизило наступление тревожной социальной атмосферы эпохи Раннего Барокко.

Литература

1. Ананишнев В. М. и др. Цели и ценности современного высшего образования: философско-социологический подход // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2021. № 4 (40). С. 96–107.
2. Валла Л. Об истинном и ложном благе. М.: Рипол Классик, 2018. 538 с.
3. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Ленанд, 2017. 368 с.
4. Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. Наука XIV–XVI вв. в свете современной науки. М.: Ленанд, 2019. 280 с.
5. Николай из Кузы. О просевании Алькорана. Кн. 2. СПб.: Алетейя, 2021. 112 с.

6. Николай Кузанский. Об ученом незнании. М.: Директ-Медиа, 2020. 148 с.
7. Пико делла Мирандола Дж. Суждения, или Девятьсот тезисов. М.: Касталия, 2021. 180 с.
8. Руденко О. А., Кутлыбаев К. В. Идеальное общество в представлении итальянского гуманиста Лоренцо Валлы // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XXIV Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1.* Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 44–46.
9. Соколов В. В. Очерки философии эпохи Возрождения. М.: Ленанд, 2021. 176 с.
10. Тажуризина З. А. Философия Николая Кузанского. М.: Едиториал УРСС, 2016. 152 с.
11. Фалькенберг Р. История новой философии: от Николая Кузанского до Канта. М.: Ленанд, 2018. 286 с.
12. Шестаков В. П. Философия и культура эпохи Возрождения. Рассвет Европы. М.: Юрайт-Восток, 2021. 244 с.
13. Bobkova E. M. The Theoretical and methodological approach to the social development research // *Labour and Social Relations*. 2018. № 2. P. 200–209.
14. Burmova L. Secularization and rationalistic paradigm as the basis of the contradistinction between science and religion // *Scientific works of the Union of Scientists. Series B: Natural Sciences and Humanities*. Plovdiv, 2018. Vol. 18. P. 218–221.
15. Celenza C. *The Italian Renaissance and the origins of the modern humanities: An intellectual history, 1400–1800.* Cambridge University Press, 2021. 336 p.
16. Danilova T., Yudina V. A. Toynbee and his universalist study of history // *Path of Science*. 2018. Vol. 4. № 10. P. 4001–4007. DOI: 10.22178/pos.39-5
17. Lebedev S. A. The Problem of scientific method in the first Positivism // *Questions of Philosophy and Psychology*. 2018. № 5 (1). P. 24–36.
18. Liebert D. It's not about Freud but it's all about Freud: development of a contemporary psychology. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2017. 192 p.
19. MacNulty W. K. *Contemplating craft freemasonry: Working the way of the craftsman paperback.* Plumbstone, 2018. 108 p.
20. Mangone E. The actuality of Pitirim A. Sorokin as a theorist of integral sociology in the XXI century // *Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения).* Сыктывкар: СГУ, 2019. С. 10–11.
21. Ohlberg M. The era of crowds: Gustave Le Bon, crowd psychology and conceptualizations of masselite relations in China // *The dynamics of transculturality: concepts and institutions in motion.* Springer, 2014. P. 157–183.
22. Ryabov V. V. et al. Modern study of student's social adaptation phenomenon in large university educational complexes // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 2343–2348.
23. Son P. A. L., Rojas S. M. Pluralisms: Italian Renaissance to France and to the Americas // *Innovations and tendencies of state-of-art science. Proceedings of XIV International multidisciplinary conference.* Rotterdam, 2021. P. 6–10. DOI: 10.32743/NetherlandsConf.2021.12.14.315149
24. Takho-Godi E. A. Alexei F. Losev's impressions of Renaissance literature and philosophy // *Russian Studies in Philosophy*. 2018. Vol. 56. № 6. P. 459–466. DOI: 10.1080/10611967.2018.1529972

References

1. Ananishnev V. M. et al. Celi i cennosti sovremennogo vy`sshego obrazovaniya: filosofsko-sociologicheskiy podxod [Goals and values of modern higher education: a philosophical and sociological approach] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences]*. 2021. № 4 (40). P. 96–107.
2. Valla L. *Ob istinnom i lozhnom blage [About the true and false good]*. М.: Ripol Klassik, 2018. 538 p.
3. Gorfunkel' A. X. *Filosofiya e`poxi Vozrozhdeniya [Renaissance philosophy]*. М.: Lenand, 2017. 368 p.
4. Kuznecov B. G. *Idei i obrazy` Vozrozhdeniya. Nauka XIV–XVI vv. v svete sovremennoj nauki [Ideas and images of the Renaissance. Science of the XIV–XVI centuries in the light of modern science]*. М.: Lenand, 2019. 280 p.
5. Nikolaj iz Kuzy`. *O proseivanii Al`korana. Kn. 2 [About sifting Alcoran. Vol. 2.]*. SPb.: Aletejya, 2021. 112 p.

6. Nikolaj Kuzanskij. Ob uchenom neznanii [About scientific ignorance]. M.: Direkt-Media, 2020. 148 p.
7. Piko della Mirandola Dzh. Suzhdeniya, ili Devyat` sot tezisov [Judgments, or Nine Hundred Theses]. M.: Kastaliya, 2021. 180 p.
8. Rudenko O. A., Kutly`baev K. V. Ideal`noe obshhestvo v predstavlenii ital`yanskogo gumanista Lorenzo Vally` [An ideal society in the presentation of the Italian humanist Lorenzo Valla] // *Fundamental`ny`e i prikladny`e nauchny`e issledovaniya: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii: Sbornik statej XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3 ch. Ch. 1* [Basic and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations: Collection of articles of the XXIV International scientific and practical conference at 3 parts. Ch. 1]. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2019. P. 44–46.
9. Sokolov V. V. Ocherki filosofii e`poxi Vozrozhdeniya [Essays on the philosophy of the Renaissance]. M.: Lenand, 2021. 176 p.
10. Tazhurizina Z. A. Filosofiya Nikolaya Kuzanskogo [Philosophy of Nikolai Kuzansky]. M.: Editorial URSS, 2016. 152 p.
11. Fal`kenberg R. Istoriya novoj filosofii: Ot Nikolaya Kuzanskogo do Kanta [History of new philosophy: From Nikolai Kuzansky to Kant]. M.: Lenand, 2018. 286 p.
12. Shestakov V. P. Filosofiya i kul`tura e`poxi Vozrozhdeniya. Rassvet Evropy` [Philosophy and culture of the Renaissance. The dawn of Europe]. M.: Yurajt-Vostok, 2021. 244 p.
13. Bobkova E. M. The Theoretical and methodological approach to the social development research // *Labour and Social Relations*. 2018. № 2. P. 200–209.
14. Burmova L. Secularization and rationalistic paradigm as the basis of the contradistinction between science and religion // *Scientific works of the Union of Scientists. Series B: Natural Sciences and Humanities*. Plovdiv, 2018. Vol. 18. P. 218–221.
15. Celenza C. The Italian Renaissance and the origins of the modern humanities: An intellectual history, 1400–1800. Cambridge University Press, 2021. 336 p.
16. Danilova T., Yudina V. A. Toynbee and his universalist study of history // *Path of Science*. 2018. Vol. 4. № 10. P. 4001–4007. DOI:10.22178/pos.39-5
17. Lebedev S. A. The Problem of scientific method in the first Positivism // *Questions of Philosophy and Psychology*. 2018. № 5 (1). P. 24–36.
18. Liebert D. It's not about Freud but it's all about Freud: development of a contemporary psychology. North Charleston, South Caroline: Create space independent publishing platform, 2017. 192 p.
19. MacNulty W. K. Contemplating craft freemasonry: Working the way of the craftsman paperback. Plumbstone, 2018. 108 p.
20. Mangone E. The actuality of Pitirim A. Sorokin as a theorist of integral sociology in the XXI century // *Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения)*. Сыктывкар: СГУ, 2019. С. 10–11.
21. Ohlberg M. The era of crowds: Gustave Le Bon, crowd psychology and conceptualizations of masse-lite relations in China // *The dynamics of transculturality: concepts and institutions in motion*. Springer, 2014. P. 157–183.
22. Ryabov V. V. et al. Modern study of student's social adaptation phenomenon in large university educational complexes // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 2343–2348.
23. Son P. A. L., Rojas S. M. Pluralisms: Italian Renaissance to France and to the Americas // *Innovations and tendencies of state-of-art science. Proceedings of XIV International multidisciplinary conference*. Rotterdam, 2021. P. 6–10. DOI: 10.32743/NetherlandsConf.2021.12.14.315149
24. Takho-Godi E. A. Alexei F. Losev's impressions of Renaissance literature and philosophy // *Russian Studies in Philosophy*. 2018. Vol. 56. № 6. P. 459–466. DOI: 10.1080/10611967.2018.1529972

УДК 159.9
DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.9

СИСТЕМНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТРУДАХ ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИСТА XIV – НАЧАЛА XV вв. К. САЛЮТАТИ

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые предпосылки появления раннегуманистических идей в Италии. Особо выделяются сочинения флорентийского гуманиста Колуччо Салютати, включающие в себя богатый по содержанию, глубокий и ценностный, практически системный анализ психики человека, сути психического. Описание психических явлений выведено им на широкий путь естественно-научного на тот период времени объяснения. После него начинается новая страница становления психологической мысли в Италии и мировой культуре в XV в. В своих психологических воззрениях он предвосхитил последовавший интерес к проблемам психического у мыслителей-возрожденцев. Его анализ и описание человека были направлены не столько на абстрактные психические функции, способности души и тела, получавшие свое объяснение и ранее, сколько на жизненные качества человека, своего рода «двигатели» поведения, обозначения им себя как индивидуальной личности. Человек борющийся — активный и деятельный — находится в центре изысканий этого мыслителя. К своим психологическим обобщениям Салютати приходит не только с умозрительных позиций, но и с точки зрения практических задач своего времени, направляя психологическую теорию служению общественной («человеческой») практике.

Интерес для отечественной истории психологии, ищущей истоки собственной гуманистической проблематики, могут представлять системно-психологические идеи, нашедшие свое отражение в творческом наследии этого флорентийского мыслителя эпохи раннего гуманизма, верившего в человечность и ее непреходящее значение для человека.

Ключевые слова: Колуччо Салютати; Возрождение; гуманизм; системно-психологические идеи; человек; добродетель; истинное благо; борьба; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системно-психологические идеи в трудах итальянского гуманиста XIV – начала XV вв. К. Салютати // Системная психология и социология. С. 115–124. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.9

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

**SYSTEM-PSYCHOLOGICAL IDEAS
IN THE WORKS OF THE ITALIAN HUMANIST
OF THE XIV – EARLY XV CENTURIES C. SALUTATI**

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article discusses some prerequisites for the emergence of early humanistic ideas in Italy. The works of the Florentine humanist Coluccio Salutati, which include rich in content, deep and valuable, almost systemic analysis of the human psyche, the essence of the mental, are particularly distinguished. The description of psychic phenomena was brought out by Coluccio Salutati on a broad path of natural-scientific explanation for that period of time. After it, a new page of formation the psychological thought in Italy in the XV century and the world culture of that time begins. In his psychological views, he anticipated the subsequent interest in the problems of the mental among the Renaissance thinkers. His analysis and descriptions of a person were aimed not so much at abstract mental functions, abilities of the soul and body, which received their “explanation” earlier, as at the vital qualities of a person, a kind of “engines” of behavior, designating himself as an individual. A struggling, active person is in the center of this thinker’s research. Salutati comes to his psychological generalizations not only from a speculative standpoint, but from the standpoint of practical tasks of his time, directing psychological theory to serve social (“human”) practice.

The systemic psychological ideas reflected in the creative heritage of this Florentine thinker of the early humanism era, who believed in humanity and its enduring significance for man, may be of interest to the national history of psychology which is looking for the origins of its own humanistic problems.

Keywords: Coluccio Salutati; Rebirth; humanism; system-psychological ideas; man; virtue; true good; struggle; struggling man.

For citation: Ivanov D. V. System-psychological ideas in the works of the Italian humanist of the XIV – early XV centuries C. Salutati // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 1 (41). P. 115–124. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.9

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

В отечественной истории психологическая мысль эпохи Возрождения с ее значимыми именами, особенно раннегуманистического времени, до настоящего времени не нашла должного отражения. Однако еще С. Л. Рубинштейн в своей фундаментальной работе «Основы общей психологии», в ее третьей главе, посвященной истории психологии, отмечал, что в эпоху гуманизма особое внимание привлекает вопрос о влиянии природных условий на особенности человеческой личности, что прорабатывается

в целом ряде трактатов того времени [12: с. 74]. Он обращается ко времени, когда гуманизм превращается в широкоплановое культурно значимое движение со сложившимся мировоззрением. Последователь и ученик Рубинштейна, один из ведущих историков психологии М. Г. Ярошевский в первой в СССР монографической работе «История психологии» (1966) написал раздел, посвященный вопросам психологии в эпоху итальянского Возрождения [17: с. 112–118]. Его внимание привлекли некоторые идеи итальянских сенсуалистов, их стремление к «эмпирии, к чувственному познанию реальности» [17: с. 114]. За пределами же «видимого края»

истории психологии остаются взгляды первых итальянских гуманистов, хотя они и были обозначены в первом в нашей стране учебнике «История психологии: от Античности до наших дней» (1990) [6: с. 69–70].

Между тем именно в работах ранних итальянских гуманистов появляются обоснованно взаимосвязанные и «гуманистически» выраженные идеи психологического плана, имеющие определенную целостность и систему понятий в описании человека и его жизненных проблем [18: р. 36–38; 19; 20]. Интерес для отечественной истории психологии, ищущей истоки появления собственной гуманистической проблематики, могут представлять системно-психологические идеи, нашедшие свое отражение в творческом наследии флорентийского общественного деятеля, философа эпохи раннего гуманизма — Колюччо Салютати [16: с. 7].

Предыстория появления гуманистических идей в Италии

Социально-экономические условия. Италия XIV в. стала экономически стабильнее, чем столетием ранее. Отчасти это вызвано тем обстоятельством, что Италия перестала быть в фокусе военных интересов германской династии Гогенштауфенов, ушедшей в историю. Однако она явилась ареной сражения крупных городов-коммун, стремившихся к распространению своих владений и имевших свои армии.

Развитие городов-коммун способствовало освобождению крестьян от феодальной зависимости. Крестьяне напрямую могли поставлять сельскохозяйственные продукты в эти города, зачастую попадая здесь в зависимость от предприимчивых и богатых горожан (ремесленников и купцов, различных предпринимателей). Происходило социальное движение: сближение, взаимодействие, конфронтация, компромиссы. Как своеобразный результат, в XIV столетии Италию сотрясали крестьянские восстания, являющиеся, впрочем, закономерным явлением для данного этапа развития товарно-денежных отношений, когда какая-то часть общества оставалась обделенной и не хотела мириться с происходящим [2: с. 607–608].

За городскими стенами беспокойно было в ремесленных цехах. Когда-то прогрессивные и хорошо организованные, цеха с подготовленными мастерами и обучающимися здесь подмастерьями и учениками, совместно создававшими новые технологии и усовершенствованными орудия труда, стали тормозом производства. Открывались новые цеха, принимавшие на обучение желающих в них попасть, возрастала конкуренция, не спасала регламентация цеховой деятельности внутри их объединений по технологиям производства. Каждому будущему мастеру необходимо было пройти длительный курс обучения у уже зарекомендовавшего себя опытного наставника, сдать выпускной экзамен и открыть собственный цех. Однако со временем положение ухудшилось. Мастера стали использовать труд обучающихся только себе на благо, тормозить их развитие, требовать возвращения затраченных на обучение сумм, затрудняли получение мастерской квалификации, предупреждая конкуренцию. Выделились зажиточные мастера, организовывавшие свой замкнутый круг общения и подмастерья с учениками, также создававшие свои собственные объединения; они же достаточно часто стали проявлять неповиновение и устраивать бунты. Широкий социальный слой (крестьяне, подмастерья с учениками, разнорабочие и др.) обнаруживал себя всякий раз в ходе бурной политической жизни городов. Этот социальный слой, составлявший большую часть городского населения, нуждался в разрешении постоянных жизненных вопросов.

Отчасти, как это делали во Флоренции («средоточии наиболее значительных политических событий и культурных ценностей» [7: с. 241]), в плане решения вопроса занятости, представителей этой части населения устраивали чернорабочими в сукнодельческие и шерстоткацкие мастерские, где каждый выполнял конкретную трудовую операцию, которую можно было быстро освоить. Таких мастерских становилось все больше, результат их труда — все востребованнее на рынке.

Производство росло, оно становилось, более прогрессивным по сравнению с цеховым, приносило больше прибыли. Активно развивалась торговля между городами Италии

и с другими странами. Особую роль стали играть деньги купцов и предпринимателей, находивших здесь возможность для заработка, капитал, вторгавшийся в жизнь каждого человека того времени. Стали появляться те, кто мог заниматься духовными и социально-культурными проблемами, литературными опытами, обозначая свою яркую индивидуальность на фоне происходящего, и те, которые поощряли материально такие занятия, будучи заинтересованными в широкомасштабных изменениях окружающего мира с целью расширения собственного жизненного пространства.

В самой Флоренции вся власть принадлежала богатым горожанам с широкими политическими правами, имевшими в распоряжении наемное войско, возглавляемое кондотьерами. Социально-экономические условия, их изменение, динамичные социальные процессы способствовали и изменению культурной жизни. Активное экспериментирование в области техники и естествознания, внимание к родному языку, ставшему прологом к формированию новой светской культуры, возросший интерес к античным идеям и текстам как «заново открытым», а кроме того, знание, основанное на опыте, вдохновение, черпаемое из источников древних авторов, создавали впечатление возрождения всего, что было забыто в Средневековье. Стали заметными изменения, происходившие в мировоззрении человека, в философии и литературе, науке и искусстве.

Специалист в области психосоциологии человекознания Б. А. Душков, характеризуя рассматриваемое время, писал о большом значении, которое приобретает «тип взаимодействия людей», показывающий их стремление «сосредотачивать внимание на объекте социального восприятия, к выяснению причины поведения, передачи информации о себе, а также развитие потребности выразить свои желания, произвести нужное впечатление на окружающих» [5: с. 305].

Возрождение. Перемены в материальном, социальном и духовном мирах человека того времени, обозначили начало эпохи, вошедшей в мировую историю как Возрождение. Это блистательная эпоха человечества, названная так за свой интерес к античной культуре, родилась в Италии [15: с. 69].

Первые ростки, как показывает большинство источников, были посеяны усилиями флорентийцев — философами и поэтами Гвидо Гвиницелли (ок. 1230–1276) и Данте Алигьери (1265–1321), писавшими на родном языке и поднявшими в своих произведениях (канцонах, поэмах, трактатах) вопрос о личном достоинстве человека, которое в их представлениях не связывается с его семейным происхождением. Значимая, известная фамилия не является показательной для определения сущности человека, его нравственности и самоотверженности, честности и рыцарства. Достаточно вспомнить канцону Гвиницелли «Любовь гнездится в сердце благородном» [2: с. 621].

В «Божественной комедии» (1308–1321) Данте спешит из строк поэмы сложить свою собственную судьбу. Исследователи отмечают его «выход из мира обязательных и вместе с тем вызывающих эмоциональный подъем средневековых концепций, религиозных и моральных норм, стоящих над человеком и претендующих на абсолютный вневременной и внепространственный характер» [7: с. 242]. У Данте натурфилософия, общественная мысль и мораль, о которой он не забывает, сопряжены в поэтической форме. Дантовская «Божественная комедия» по размаху представленной в ней идеи своего времени, в том числе философско-психологического характера, может быть сопоставима с первой энциклопедией психологического знания — «Эпосом о Гильгамеше» (III тыс. до н. э.), с этим крупным памятником мировой литературы, практически целиком дошедшим до настоящего времени.

Философ-поэт Данте и «заклинатель» Синликиуннинни, отразившие характерные для их времени взгляды в своих произведениях, ставших источниками анализа становления и развития психологической мысли, предлагают возможные объяснения назначения жизни человека, его души.

Петрарка. Одним из тех, кто давал объяснение сути и назначения человека и его жизни, был Франческо Петрарка (1304–1374). Историк психологии Д. Н. Робинсон считает, что «его место в самом значительном интеллектуальном движении того времени определялось в основном

повседневным влиянием его произведений» [11: с. 189]. Однако и сама его личность с широким размахом представлений о собственном предназначении, прошедшая «поэтическую коронацию» в 1341 г. [1: с. 16], оказала влияние на все последующие поколения мыслителей-гуманистов, стала метаиндивидуальностью для многих, прикасающихся к наследию Петрарки.

Личность и взгляды Петрарки остаются интересным для наших современников, а произведения продолжают переиздаваться до настоящего времени. Петрарка всю свою жизнь стремился заниматься изучением человеческого (*studia humanitatis*), поэтически и философско-психологически описывая самого человека. Фундаментальным стало само понятие *humanitas* — «образование и обучение добрым искусства» [3: с. 61], ставшего основой всего, что связано с человеком и его человеческими возможностями, дойдя до современности. Гуманизм (человечность) стремился рассмотреть человека со всех сторон его существования.

Петрарка в одном из своих трактатов — «О средствах против всякой судьбы» (1354) — замечает, что у человека есть много причин для радости в этой жизни, поскольку его образ подобен творцу, а в его бессмертной душе «ум, память, предвидение, красноречие; столь многие изобретения, столь многие искусства, служащие этой душе и этому телу, в котором божественной милостью предусмотрено все необходимое...» [4: с. 41]. Человек в представлении Петрарки обладает разумом, что делает его недостижимым для остальных представителей живого мира. Гуманист считает человека счастливым в случае, если тот руководствуется в своей повседневности доблестью, понимая при этом, что ему предстоят труды и тяготы [4: с. 44]. Сам Петрарка в своих сочинениях систематически использует психологический тезаурус, прибегая к психологическим понятиям, объясняя человека, его душу, предназначение его жизнедеятельности.

Значимым является то, что Петрарка говорит о самосовершенствовании — ценном для психологии принципе, — утверждая, что человек своими «великолепными делами» сам делает себя великим [3: с. 62]. Будучи убежденным в потенциальной борцовкости

человека, способного в жизни достичь вершин своего индивидуального развития, Петрарка со своей *studia humanitatis* остался в истории становления мировой психологической мысли, искавшей в XIV столетии опору в противостоянии христианской ортодоксии.

В общем, можно отметить, что возросшие возможности материального производства («зачатки капиталистического способа производства» [17: с. 112]) уже в XIV в., широко-плановые социальные движения не давали обществу застояться в собственных предпочтениях и своих представлениях об окружающем мире. Обращение мыслителей эпохи к античным авторам в поисках ответов на многие жизненные вопросы, не удовлетворявшихся христианским учением и философией, заочная полемика с мудрецами древнего мира; опора на высвобождающуюся из сословных и клановых отношений индивидуальность, содействие духовному подъему личности с ее достоинствами привели к качественно-му изменению в мире, дав возможность оценивать то время как эпоху Возрождения с ее буквально юношеской неуспокоенностью, если сравнивать «признаки созревания цивилизации» с периодизацией жизни человека [14: с. 80]. Эпоха Возрождения уже на самых ранних своих стадиях знала имена своих лидеров, среди которых — гуманист К. Салютати.

Колуччо Салютати о человеке

Колуччо Салютати (1331–1406) после Ф. Петрарки стал признанным лидером движения гуманистов, продолжая традиции самых ранних из них, связал свою жизнь с Флоренцией, трудился здесь канцлером коммуны.

Творческое наследие Салютати вобрало в себя самые широкие проблемы, среди которых философские, психологические, социально-политические — самые заметные для своего времени и распространенные среди современников автора и следующих за ним поколений гуманистов.

Познакомиться с творческим наследием Салютати стало возможным благодаря исследованиям и переводам Н. В. Ревякиной [8–10] и И. Я. Эльфонд [16: с. 310].

Интерес для Салютати-гуманиста представляет человек, описывая которого гуманист прибегает к системе взаимосвязанных психологических понятий (чувства – разум – воля). Человек в его представлении обладает способностью чувствовать (*sensualitas*). Салютати можно отнести к мыслителям-сенсуалистам, которые обратившись к наследию древних, заимствовали «созвучное духу Возрождения стремление к эмпирии, к чувственному познанию реальности» [17: с. 114]. В способность чувствовать Салютати включает и ощущения, и эмоции, что станет своеобразным, хотя и отдаленным, прообразом «сенсорной активности» человека, чувственно переживающего взаимодействия с окружающим его миром. «Одним словом, чувствительность, — пишет Н. В. Ревякина, посвятившая ряд работ идеям гуманиста, — для Салютати совершенно необходимое условие для жизни, познания и деятельности» [8: с. 41].

Салютати настаивает на психофизическом единстве человека, видит целостно необходимое взаимодействие, связь его души и тела. Стремление к связи души с телом вечно. Психическое у Салютати предстает как функция живущего индивида и признак его внутреннего свойства. Здесь гуманист использует все достижения естественно-научных дисциплин своего времени. Он приводит в качестве одного из объяснений человеческих проблем гуморальную теорию, берущую истоком представления древних о присутствующих жидкостях в организме (кровь, черная и желтая желчь, флегма) и теорию об основных элементах жизнедеятельности человека (земля, вода, воздух, огонь) [8: с. 39]. Соотношение всех проявлений в теле позволяет характеризовать человека, его темперамент, его нрав — телесные и душевные характеристики (внутреннее и внешнее).

Человеческие переживания, чувства помогают гуманисту представить их как «ворота разума и воли». Благодаря чувствам человек познает мир, может по-человечески взаимодействовать с ним. Салютати готов назвать требуемые человеку чувства, выделяя среди них постыдные соблазны, страсти, аффекты, недостойные его. Однако страсти и аффекты могут выступать орудиями добродетелей

(*instrumenta virtutum*), когда последние побеждают их в борьбе и из них формируется основа, «строительный материал для моральных действий» [9: с. 52]. Человек также переживает чувства, сопричастные мужеству, готов к действию, борьбе, он видится гуманистом, борющимся, продвигающимся вперед к поставленным в развитии целям. Здесь интересным является представление о гнев, характерное для философско-психологической мысли эпохи Возрождения с ее сильными личностями — титанами. С одной стороны, гнев отвергается как недостойное человека аффективное проявление в поведении, а с другой — он необходимое и даже полезное проявление, если его контролирует разум. В данном случае речь идет о праведном гневе, украшающем человека-борца.

В своих взглядах Салютати продвигает и основные идеи Петрарки, выделяя отличительный признак человека — его разум, который основывается на чувственном восприятии. Здесь Салютати следует предшествующей традиции, идущей от Аристотеля до Фомы Аквинского и базирующейся на том, что в человеческом разуме не может быть ничего, что не было бы ранее в чувствах. Благодаря разуму, этой достойной силе человеческой души, человек становится сам достойным, находясь между животным и ангельским мирами. Разум должен руководить чувствами, а человека необходимо воспитывать. Воспитание, а Салютати надеется на возможность формирования нового человека, которое осуществляется с помощью занятий *studia humanitatis* («образование и обучение добрым искусствам» [3: с. 61]). В состав сугубо гуманистических занятий он включает грамматику, филологию, риторику, философию — гуманитарные дисциплины. Сложившиеся в древности «добрые искусства», культивируемые еще в афинских палестрах и гимназиях, отражали моральное сознание человечества, представляли способы воспитания его нравственности. Глубокая вера в моральный потенциал «добрых искусств» заставляла стремиться к их распространению, созданию условий для возрождения их влияния. Воспитанный новый человек должен обладать сугубо человеческим свойством — *humanitas*, способностью к добродетели,

добродетельным поступкам (*virtus*). У Салютати часто *humanitas* означает «мягкость», «доброта», «сострадание» [10: с. 143], т. е. сугубо человеческие качества.

Для Салютати характерным является красота слова и мощь действия. Он признает ценность волевой активности человека в борьбе со злом, в преодолении себя и своих страстей. Бог «гарантирует» создание блага на земле усилиями самого человека. Человек, проявляющий волю, стремится к истинному благу, которое «скрыто в ночи» [9: с. 54]. Человека необходимо научить распознавать истинное благо, к которому он должен стремиться. Вопрос воспитания воли становится очевидным в его взаимосвязи с воспитанием разума, который помогает осуществить выбор. «Выбор — начало человеческих действий, через него осуществляется всякое деяние добра или зла, т. е. любая деятельность» (цит. по: [9: с. 54]). Воля человека становится истоком моральных действий, морального выбора, в то время как сама жизнь выступает истоком естественных действий. Здесь также проходит линия выделения человеческого, понимаемого разумом, противостояние его с природным, часто постыдным.

В 1383 г. Салютати представляет большой по объему трактат «О подвигах Геракла», работа над которым была начата задолго до этого. Сам трактат в контексте истории культуры и антропологической проблематики рассматривался в ряде работ Н. В. Ревякиной, осуществлявшей реконструкцию содержащихся в нем идей [8: с. 37; 9: с. 52 и след.].

Отметим, что такой тип сочинений на латинском (греческом) языке был распространенной формой донесения своих мыслей до избранного читателя. В трактате обозначали свою позицию по животрепещущему или фундаментальному вопросу, прибегая к теоретизированию и привлечению взглядов других мыслителей, которых часто критиковали, делая упор на собственные умозаключения. Зрелый Салютати использует трактатную форму изложения мыслей, стремясь донести до последующих поколений совокупность своих взглядов, согласно которым человек предстает в образе Геракла.

Рассматривая мифы с историко-философских и естественно-научных позиций, Салютати

готов поверить в реальность отраженных в них действий Геракла, считая, например, что их могло быть несколько, слившихся по прошествии времен в единый образ. В трактате используется сложившаяся за годы умственной работы Салютати система психологических понятий, применяемая им, когда он описывает самого человека.

Мифический герой Геракл в трактате Салютати выступает единоборцем, преодолевая многие препятствия и многих встречающихся ему на пути антигероев. Одним из примеров в контексте идей Салютати может служить прямое противоборство — борьба с Антеем, сыном Посейдона, царем Ливии, отождествляющимся с грозными, неконтролируемыми природными силами, из которой Геракл вышел победителем, удержав эти силы, контролируя себя до их полного иссякания в противнике.

Мифы о Геракле Салютати в большей мере толковал в моральном контексте. Человек-борец господствует над своими чувствами, страстями и аффектами, способен направить их с помощью разума и воли к добродетельному поведению. Для автора трактата — это героический идеал, человек борющийся, волевой и деятельный. Все его действия пронизывает единство разума и воли, а страсти подавляются. Человечество, сличая свои поступки с геракловыми титаническими усилиями, двигается вперед к общему благу. «Героическая добродетель» должна стать сердцевиной каждого человека — члена общества. «И удивляться этому не приходится, ибо эпоха Возрождения верила в безграничные возможности человека, в его героические деяния на благо людей» [8: с. 47].

Близкими по духу и идеям психологического плана к трактату о героическом, волевом человеке являются и письма Салютати, очень часто сами напоминающие трактаты и вызывающие интерес у исследователей до настоящего времени [10; 20: с. 5–109].

В эпоху Возрождения многие из видных ее деятелей любили сочинять письма, послания, они обменивались ими, оставляя документальные источники, позволяющие более выпукло представлять время.

Салютати писал много, поддерживая связи с другими последователями гуманистического

движения, крупными деятелями эпохи. Так, в письме к Бандини д'Ареццо, известному гуманисту, грамматiku и историку, от 11 ноября 1403 г. Салютати высказывается о благородстве человека, которое превыше всего, поскольку сама его природа предрасполагает к добродетели, но ее достижение заключается в борьбе [16: с. 39–42]. Истинная добродетель человека «в этой борьбе только укрепляется, и, естественно, не может исчезнуть» [16: с. 42]. На склоне лет и закате жизненного пути Салютати остается верен принципу совершенствования человека в борьбе, способной изменить его жизнь.

В другом письме от 14 июня 1404 г., направленном канцлеру Перуджи Галиено да Терни, Салютати затрагивает вопросы дружбы людей, а именно того явления, которое их облагораживает [16: с. 42–48]. Он считает, что люди, «которые прежде были другими, но изменились под воздействием добродетели и порядочности» достойны в высшей степени восхищения [16: с. 48]. Тема дружбы, больше соответствующая юношескому возрасту, особенно к ней рвущейся, оказывается вполне подходящей для размышлений и писем гуманистов Возрождения, поскольку это то время, которое может ассоциироваться с эпохой юности цивилизации, если рассматривать ее в контексте измерения человеческого возраста.

В письмах Салютати, приведенных в качестве примера, просматривается не только его взгляд на мир, но также личностный опыт ученого, познававшего окружающую действительность, человеческую природу и пришедшего к заключению о необходимости действия со стороны индивида, его борьбы за совершенствование себя.

В целом один из выдающихся представителей раннего гуманизма — Колюччо Салютати, с его широкими взглядами проникательно-го мыслителя, имевшего большой личностный опыт, — представитель того рода ученых, которые своими трудами и своей жизнью внесли вклад в становление мировой психологической мысли и оказались достойными быть на страницах ее истории.

Заключение

Сочинения флорентийского гуманиста Колюччо Салютати включают в себя богатый по содержанию, глубокий и ценностный практически системный анализ психики человека, сути психического. Описание психических явлений, характерное для Раннего Возрождения, выведено им на широкий путь естественно-научного на тот период времени объяснения. После него начинается новая страница становления психологической мысли в Италии и мировой культуре уже в XV в. В своих философско-психологических воззрениях он предвосхитил последовавший интерес к проблемам психического у мыслителей-возрожденцев. Его анализ и описания человека были направлены не столько на абстрактные психические функции, способности души и тела, получавшие свое объяснение и ранее, задолго до него, сколько на жизненные качества человека, своего рода двигатели человеческого поведения, обозначение им себя как индивидуальной личности. Это создавалось самим Возрождением, было передано мыслителям других эпох. Человек борющийся, активный и деятельный находится в центре изысканий этого мыслителя. К своим психологическим обобщениям Салютати подходит не только с умозрительных позиций, но с точки зрения практических задач своего времени, направляя психологическую теорию служению общественной («человеческой») практике.

Интерес для отечественной истории психологии, ищущей истоки собственной гуманистической проблематики, уверенно считающей, что важным условием развития современного психологического знания является «синтез разнодисциплинарных знаний о человеке» [13: с. 72], могут представлять системно-психологические идеи, нашедшие свое отражение в творческом наследии флорентийского мыслителя эпохи раннего гуманизма, глубоко верившего в человечность и ее непреходящее значение для человека.

Литература

1. Возчиков В. А. Лавровый венок Петрарки: триумф человека совершенствующегося // Актуальные вопросы современной науки. 2012. № 21-1. С. 6–20.
2. Всемирная история: в 10 т. Т. 3 [Средние века (V–XV вв.)] / под ред. И. А. Сидоровой. М.: Госполитиздат, 1957. 896 с.
3. Гармонический человек. Из истории идей о гармонически развитой личности: сб. ст. / [сост. П. С. Трофимов]. М.: Искусство, 1965. 322 с.
4. Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVI вв.): сб. / сост. и вст. ст. Н. В. Ревякиной, О. Ф. Кудрявцева. М.: СПб.: Центр гум. инициатив, 2018. 400 с. (Серия «Humanitas»).
5. Душков Б. А. Психосоциология человекознания: монография. М.: ПЕР СЭ, 2003. 480 с.
6. Ждан А. Н. История психологии: От Античности до наших дней: учебник. М.: МГУ, 1990. 367 с.
7. Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения (наука XIV–XVI вв. в свете современной науки): монография. М.: Наука, 1979. 280 с.
8. Ревякина Н. В. Миф о Геракле в толковании гуманиста Салютати // Бахрушинские чтения: сб. ст. Вып. 3. Вопросы всеобщей истории / [отв. ред. Н. Я. Гушин]. Новосибирск: НГУ, 1973. С. 36–47.
9. Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV – первой половины XV в.: монография. М.: Наука, 1977. 272 с.
10. Ревякина Н. В. Письма Салютати как источник для изучения раннегуманистической культуры Италии // Бахрушинские чтения: сб. тр. / [отв. ред. А. П. Окладников]. Новосибирск: НГУ, 1978. С. 138–147.
11. Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии: монография. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: монография. М.: АСТ, 2020. 960 с. (Наследие эпохи).
13. Рыжов Б. Н. Системная психология: монография. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
14. Рыжов Б. Н. Психологический возраст цивилизации: XV в., раннее Возрождение // Системная психология и социология. 2018. № 2 (26). С. 59–68.
15. Рыжов Б. Н. История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
16. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.): сб. / под ред. Л. М. Брагиной. М.: МГУ, 1985. 384 с.
17. Ярошевский М. Г. История психологии: монография. М.: Мысль, 1966. 565 с.
18. Leahey T. H. A history of modern psychology. New Jersey: Prentice-Hall International Editions, 2001. 422 p.
19. Nelson L. D., Simmons J., Simonsohn U. Psychology's Renaissance // Annual Review of Psychology. 2018. Vol. 69. P. 511–534.
20. Witt R. G. Coluccio Salutati and his public letters. Geneva: Librairie Droz, 1976. 112 p.

References

1. Vozchikov V. A. Lavrov'y`j venok Petrarki: triumf cheloveka sovershenstvuyushhegosya [Laurel wreath of Petrarch: the triumph of a perfecting person] // Aktual'ny'e voprosy` sovremennoj nauki [Actual problems of modern science]. 2012. № 21-1. P. 6–20.
2. Vsemirnaya istoriya: v 10. T. 3 [Srednie veka (V–XV vv.)] [World History: in 10. Vol. 3 [Middle Ages (V–XV centuries)]] / pod red. I. A. Sidorovoj. M.: Gospolitizdat, 1957. 896 p.
3. Garmonicheskij chelovek. Iz istorii idej o garmonicheski razvitoy lichnosti: sb. st. [Harmonic person. From the history of ideas about a harmoniously developed personality: collection of articles] / [sost. P. S. Trofimov]. M.: Iskusstvo, 1965. 322 p.
4. Gumanisty` e`poxi Vozrozhdeniya o formirovanii lichnosti (XIV–XVI vv.): sb. [Humanists of the Renaissance on the formation of personality (XIV–XVI centuries): collection] / sost. i vst. st. N. V. Revyakinoy, O. F. Kudryavceva. M.; SPb.: Centr gum. iniciativ, 2018. 400 p. (Seriya “Humanitas”).
5. Dushkov B. A. Psixosociologiya chelovekoznaneya: monografiya [Psychosociology of human knowledge: monograph]. M.: PER SE`, 2003. 480 p.

6. Zhdan A. N. Istorija psixologii: Ot Antichnosti do nashix dnei: uchebnik [History of psychology: From Antiquity to the present day: textbook]. M.: MGU, 1990. 367 p.
7. Kuznecov B. G. Idei i obrazy` Vozrozhdeniya (nauka XIV–XVI vv. v svete sovremennoj nauki): monografiya [Ideas and images of the Renaissance (science of the XIV–XVI centuries in the light of modern science): monograph]. M.: Nauka, 1979. 280 p.
8. Revyakina N. V. Mif o Gerakle v tolkovanii gumanista Salyutati [The myth of Hercules in the interpretation of the humanist Salutati] // Baxrushinskije chteniya: sb. st. Vy`p. 3. Voprosy` vseobshhej istorii [Bakhrushin Readings: Sat. Art. Issue. 3. Questions of world history] / [otv. red. N. Ya. Gushhin]. Novosibirsk: NGU, 1973. P. 36–47.
9. Revyakina N. V. Problemy` cheloveka v ital`yanskom gumanizme vtoroj poloviny` XIV – pervoj poloviny` XV v.: monografiya [Human problems in Italian humanism in the second half of the 14th – first half of the 15th century: monograph]. M.: Nauka, 1977. 272 p.
10. Revyakina N. V. Pis`ma Salyutati kak istochnik dlya izucheniya rannegumanisticheskoy kul`tury` Italii [Letters of Salutati as a source for the study of the early humanistic culture of Italy] // Baxrushinskije chteniya: sb. tr. [Bakhrushin readings: a collection of works] / [otv. red. A. P. Okladnikov]. Novosibirsk: NGU, 1978. P. 138–147.
11. Robinson D. N. Intel'ktual`naya istoriya psixologii: monografiya [Intellectual history of psychology: monograph]. M.: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy`, 2005. 568 p.
12. Rubinshtejn S. L. Osnovy` obshhej psixologii: monografiya [Fundamentals of general psychology: monograph]. M.: AST, 2020. 960 p. (Nasledie e`poxi).
13. Ry`zhov B. N. Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. M.: T8 Izdatel'skie Teknologii, 2017. 356 p.
14. Ry`zhov B. N. Psixologicheskij vozrast civilizacii: XV v., rannee Vozrozhdenie [Psychological age of civilization: XV century, early Renaissance] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems psychology and sociology]. 2018. № 2 (26). P. 59–68.
15. Ry`zhov B. N. Istorija psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Ways and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
16. Sochineniya ital`yanskix gumanistov e`poxi Vozrozhdeniya (XV v.): sb. [Works of the Italian Renaissance humanists (XV century): collection] / pod red. L. M. Braginoj. M.: MGU, 1985. 384 p.
17. Yaroshevskij M. G. Istorija psixologii: monografiya [History of psychology: monograph]. M.: My`sl', 1966. 565 p.
18. Leahey T. H. A history of modern psychology. New Jersey: Prentice-Hall International Editions, 2001. 422 p.
19. Nelson L. D., Simmons J., Simonsohn U. Psychology's Renaissance // Annual Review of Psychology. 2018. Vol. 69. P. 511–534.
20. Witt R. G. Coluccio Salutati and his public letters. Geneva: Librairie Droz, 1976. 112 p.

Информация

Юбилей Тамары Геннадиевны Богдановой!

5 февраля — день рождения доктора психологических наук,
профессора **Тамары Геннадиевны Богдановой!**

Научная и педагогическая деятельность Тамары Геннадиевны как сурдопсихолога началась на кафедре сурдопедагогике дефектологического факультета МГПИ им. В. И. Ленина и продолжается в Институте специального образования и психологии МГПУ. Здесь в полной мере она проявила себя как талантливый педагог и исследователь. Многие работающие сегодня сурдопсихологи — ее ученики. Богатая тематика читаемых ею лекционных курсов отражает глубину ее научной компетентности, а мастерство преподавания неизменно высоко оценивается студентами и аспирантами.

Под научным руководством Тамары Геннадиевны подготовлено 15 кандидатов наук, выполнивших научные исследования по сурдопедагогике и специальной психологии. Учебник «Сурдопсихология» (2002), написанный Т. Г. Богдановой, вот уже более 20 лет является единственным в своем роде учебником всероссийского уровня для студентов-дефектологов и настольной книгой по специальной психологии. Не менее плодотворно ее участие в авторских коллективах, подготовивших учебники для вузов: «Специальная психология» (2005), «Специальная педагогика» (выдержал 11 изданий), «Социальная адаптация, реабилитация

и профессиональная ориентация лиц с ограниченными возможностями здоровья» (2014), «Педагогика инклюзивного образования» (2016) и др.

Крупным научным достижением Тамары Геннадиевны является ее вклад в исследование интеллектуального развития лиц с нарушениями слуха и разработка концепции, включающей принципы, а также структурные компоненты анализа интеллекта лиц с нарушениями слуха. Ею описана динамика интеллектуального развития лиц с нарушением слуха разного возраста, предложена типология развития их интеллекта в зависимости от сочетания различных факторов в их психическом развитии. Особый интерес представляет ее исследование структурной организации интеллекта глухих юношеского возраста как неисследованной ранее сферы в сурдопсихологии.

Широта научных интересов отражается в многочисленных публикациях Тамары Геннадиевны. Она автор более 170 научных и научно-методических работ, а также целого ряда образовательных программ подготовки дефектологов, сурдопсихологов и сурдопедагогов. К своему юбилею Тамара Геннадиевна подготовила уникальную монографию «Психологические особенности лиц с нарушениями слуха. Современные зарубежные исследования» (2021).

Т. Г. Богданова является активным участником международных, всероссийских и региональных научных конференций и семинаров. В последние годы ее внимание направлено на решение психологических проблем инклюзивного обучения детей с особыми образовательными потребностями.

Редакция журнала сердечно поздравляет талантливую педагога и психолога Тамару Геннадиевну Богданову с юбилеем, желает ей доброго здоровья и дальнейших успехов в развитии специальной психологии.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА
«СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2022, № 1 (41)**

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2022, № 1 (41)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Заведующая кафедрой общей и практической психологии, заведующая лабораторией социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва (Россия).

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Head of the Department of general and practical psychology, Head of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award. Laureate of the Russian Federation Government Education Award. Honorary Professor of the Moscow City University, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва (Россия).

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

АБУШКИН Борис Михайлович — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры общей и практической психологии, главный научный сотрудник лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

ABUSHKIN Boris Mikhailovich — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of General and Practical Psychology, Chief Researcher of the Laboratory of Social and Psychological Research in Education, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: AbushkinBM@mgpu.ru

ДЕВИЦЫН Антон Сергеевич — старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования Белорусского государственного университета, Минск (Республика Беларусь).

DEVITSYN Anton Sergeevich — Senior Lecturer, Department of Web Technologies and Computer Modeling, Belarusian State University, Minsk (The Republic of Belarus).

E-mail: a.dziavitsyn@gmail.com

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Associate Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

КОРЯГИНА Ксения Александровна — педагог-психолог Ивановского специального (коррекционного) детского дома «Радуга», Иваново (Россия).

KORYAGINA Ksenia Aleksandrovna — teacher-psychologist at the Ivanovo special (correctional) orphanage “Raduga”, Ivanovo (Russia).

E-mail: ksenia42@hotmail.com

КРУГЛОВА Елена Александровна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново (Россия).

KRUGLOVA Elena Aleksandrovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo (Russia).

E-mail: kruglo-e@mail.ru

ЛЕМИШ Вера Васильевна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск (Россия).

LEMISH Vera Vasilievna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate professor at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology of the Dostoevsky OmSU, Omsk (Russia).

E-mail: verlem2004@yandex.ru

МАШКОВА Лариса Александровна — кандидат филологических наук. Доцент кафедры иностранных языков факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. (Россия).

MASHKOVA Larisa Aleksandrovna — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: la.mashkova@gmail.com

ПЕТРЯКОВА Елена Александровна — кандидат социологических наук. Доцент кафедры гуманитарных наук и психологии Астраханского государственного технического университета, Астрахань (Россия).

PETRIAKOVA Elena Alexandrovna — PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Humanities and Psychology, Astrakhan State Technical University, Astrakhan (Russia).

E-mail: elena_a_petryakova@inbox.ru

ТКАЧЕНКО Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент. Доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

TKACHENKO Alexander Vladimirovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the University Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: TkachenkoAV@mgpu.ru

ШАРОВА Светлана Сергеевна — педагог-психолог колледжа малого бизнеса № 4, Москва (Россия).

SHAROVA Svetlana Sergeevna — educational psychologist of the College of Small Business № 4, Moscow (Russia).

E-mail: lightgp@mail.ru

ШЕЙНОВ Виктор Павлович — доктор социологических наук, профессор, академик Международной академии информационных технологий, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы БГУ, Минск (Республика Беларусь).

SHEINOV Viktor Pavlovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor. Professor at the Department of psychology and pedagogical proficiency at the Institute of higher education under the auspices of the BSU, Minsk (The Republic of Belarus).

E-mail: sheinov1@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи включает следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, 14-м кеглем, через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом Times New Roman, полужирным, 14-м кеглем, без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14-й кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже — инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов.

Укажите также, пожалуйста, **уникальный номер ORCID каждого из авторов**.

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, включая разделы «Введение», «Методология и методика исследования», «Результаты исследования», «Заключение».

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляется с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках (например: [15: с. 140]), где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата)).

Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>) и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) на источники более раннего года выпуска эти источники указываются в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации.

К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институте специального образования и психологии МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612-67-16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical Abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *tiff, *pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; his unique **ORCID identifier**, the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *tiff, *jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612-67-16

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2022

№ 1 (41)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: + 7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 00.05.2022 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.